Вятский государственный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 8

Киров
2016

ББК 74.58я5
В 38

Главный редактор
В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ
Заместители главного редактора
В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;
С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;
Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ
Ответственный секретарь
О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:
В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);
И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);
Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);
H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:
Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);
П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);
Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);
Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);
Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**
Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)
Редактор выпускающий **М. А. Корчемкина** (кандидат философских наук)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Заладина М. В., Шетулова Е. Д. Критерии и границы утопии как методологическая проблема 5
Корякина А. П. Проблема подлинности в контексте философии постмодернизма: ветвление подлинного в хаосмосе 9
Коротков Н. В. Эпистемология фантастики (на примере рассказа Г. Альтова «Шальная компания») 13
Шаяхметова Л. А. Понятие ноосферы в рамках коэволюционного подхода: современная интерпретация 16
Лобанкова И. П. Предметно-энергийные аспекты индоиранской культуры протогорода Аркаим 20
Хромова Е. Б. Ещё раз о преподавании философии в техническом вузе 25

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Росина М. А. Эволюция политики США в отношении Румынии в 1944–1949 гг. 29
Чучкалов А. В. Союзники и внесение иранского вопроса в ООН в январе 1946 г. 37
Зорин А. В. М. С. Горбачев в аналитических обзорах ЦРУ (1982–1987 гг.) 46
Лыпка Т. И. Социальная политика на промышленных предприятиях Германии (II половина XIX – начало XX в.) 51
Шиженский Р. В. Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI в. (на примере дискурсов Н. Н. Сперанского) 57
Чернышева Н. В. Советская льготная политика и социально-экономические возможности трудовых мигрантов в середине 1940–1960-х гг. (на материалах Кировской области) 63

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Яшина А. А. Метафизика смерти в ранней лирике Н. А. Некрасова 69
Воронова Е. В. Семантический потенциал, символика и функционирование единиц лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма» в документально-художественном дискурсе И. Н. Кнорринг 75
Жувак В. А. Сквозные мотивы сборника Л. Тика «Фантазус» (1811) 80
Нагайцева К. А. Цикл «Португальские сонеты» в контексте творчества Элизабет Барретт Браунинг 86
Никольская Э. С. Телевизионные журналы новостей и вечерние новости: сходства и различия 92

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 102
INFORMATION ABOUT AUTHORS 104

CONTENTS

Zaladina M. V., Shetulova E. D. Criteria and borders of utopia as methodological problem

Koriakina A. P. The problem of authenticity in the context of postmodern philosophy: branching of the phenomenon of authenticity in the chaosmos.

Korotkov N. V. Epistemology of fiction (on the example of story G. Altov «Crazy company»)

Shayakhmetova L. A. Concept of a noosphere in the context of koevolyutsionny approach: modern interpretation

Lobankova I. P. Subject-energy aspects of Indo-Iranian culture of protocity Arkaim

Khromova E. B. Once again about the teaching of philosophy in higher technical education

Rosina M. A. The evolution of US policy toward Romania in 1944–1949

Chuchkalov A. V. Allies and making the Iranian issue to the UN in January 1946

Zorin A. V. M. S. Gorbachev in the CIA analytic reports (1982–1987)

Lypka T. I. Social policy on the industrial enterprises of Germany (II half XIX – beginning XX)

Shizhenskiy R. V. Projects of religious construction: centre, monastery, school in the Russian pagan movement of the second part XX – early XXI century (on the example of the discourses of N. N. Speranskiy)

Chernysheva N. V. Soviet preferential policy and socio-economic opportunities migrants in the middle of 1940–1960-ies (on materials of Kirov region)

Yashina A. A. Metaphysics of death in Nekrasov's early lyric poetry

Voronova E. V. Semantic potential, symbolism and functioning of the units of the lexical-semantic group «Social infrastructure of the Crimea» in the documentary and imaginative discourse of I. N. Knorring

Zhuvak V. Cross-cutting motives in a cycle «Fantasus» (1811) by L. Tieck

Nagaytseva K. A. The cycle “Sonnets from the Portuguese” in the context of Elizabeth Barrett Browning’s poetry

Nikolskaya E. S. Television news magazines and evening news: similarities and differences

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 167.5

М. В. Заладина, Е. Д. Шетулова

Критерии и границы утопии как методологическая проблема

Утопия интересна не столько как попытка создания нешаблонных моделей будущего общества, сколько как специфический тип мышления, заключающийся в конструировании идеальной модели мира без опоры на реальные законы его развития. Этот тип утопического мышления имеет место и в современной культурно-политической жизни общества, поэтому его изучение является актуальной проблемой социального познания. В данной работе методологический анализ утопии осуществляется через поиск её критериев и границ. В качестве теоретико-методологической основы исследования привлечены работы Э. Я. Баталова, К. Мангейма, Е. Шацкого. Работа нацелена на открытие перспектив дальнейшего изучения утопии.

The utopia is interesting not only as the attempt to create ingenious models of future society but as the specific type of thinking which consists in designing of ideal model of the world without support on real laws of its development. This type of utopian thinking also takes place in modern cultural and political life of society so its studying is an actual problem of social knowledge. In this work the methodological analysis of utopia is performed through search of its criteria and borders. As a teoretiko-methodological basis of research E.Ya. Batalov, K. Mangeym, E. Shatsky's works are involved. Work is aimed at discovery of prospects of further studying of a utopia.

Ключевые слова: утопия, социальный идеал, методология социального познания, социальная действительность, модель будущего общества, идеология, миф, футурология.

Keywords: utopia, social ideal, methodology of social cognition, social reality, model of future society, ideology, myth, futurology.

Феномен утопии достаточно исследован и в философской, и в социологической литературе. Раскрыты все аспекты проблемы, начиная от сущности, функций и типов утопии до механизмов её эволюции и путей воздействия на социально-политическую жизнь общества. Однако при этом исследование утопии и утопического мышления ничуть не утратило своей актуальности. Нельзя не согласиться с Э. Я. Баталовым: «В мире утопий живут по своим законам и принципам. Но эти законы и принципы оказывают ощутимое воздействие на нашу жизнь. Завладевая воображением крупных государственных деятелей и рядовых граждан, проникая в программные документы политических партий и организаций, в массовое и теоретическое сознание, переливаясь в лозунги народных движений, утопические идеи становятся неотъемлемой частью культурно-политической жизни общества. А значит, и объектом изучения» [1]. Эта неотъемлемость утопий и обусловливает непреходящую актуальность их анализа, которая подкрепляется кризисным состоянием современного социума, характеризующимся трансформацией основополагающих ценностных ориентиров.

Утопия «функционирует» во взаимной связи с рядом феноменов, таких как миф, фантастика, идеология, футурология. Поэтому обращение к теме утопии среди прочих инициирует вопрос о её критериях и границах. Именно он и предлагается к рассмотрению в данной работе.

Известно программное заявление одного из основателей русской социологической школы, Н. К. Михайловского, о том, что «социология должна начать с некоторой утопии», с построения социального идеала общества, обеспечивающего полнокровное развитие человеческих способностей [2]. Это кажущееся парадоксальным утверждение имеет под собой некоторые основания. Полномасштабное социологическое исследование должно выходить за рамки реалий современной жизни с тем, чтобы создавать нестандартные проекты тех общественных и духовных структур, которые могут при определённых условиях послужить основанием будущего обновления общества. Речь не идёт, разумеется, о создании утопий как строго детализированных конкретных проектов, которые надлежит практически воплощать в жизнь. Скорее имеется в виду некое смы-

© Заладина М. В., Шетулова Е. Д., 2016

словое ядро, исходная ценностная матрица будущего общества, нетривиальное представление о «возможных человеческих мирах».

Многочисленная утопическая литература, с одной стороны, и идеология, мифотворчество, футурология, с другой стороны, имеют немало общих черт. Поэтому нам необходимо выделить критерии их разграничения. Определить границы утопии важно ещё и потому, что зачастую утопией называют всевозможное описание чего-либо воображаемого или идеального, просто размышление о желаемом, иногда даже любую неправдоподобную идею.

Известный исследователь утопии В. В. Святловский в 1923 г. составил «Каталог утопий», количество указанных произведений в котором составляет примерно две тысячи [3]. Однако не все они равнозначны по объёму, по глубине изложения мысли, по тому, насколько далеко они отходят от реальности, а также по своему влиянию на умы современников. Задолго до появления в начале XVI в. понятия «утопия» этот феномен существовал де-факто. Он проявлялся в желании перенестись из несправедливо устроенной действительности в иную, альтернативную. Ещё в Античности были сделаны попытки рационализировать мифические представления об идеальном, гармоничном мире. Это, прежде всего, знаменитые диалоги Платона «Государство» и «Законы». Можно упомянуть и о «Священной летописи» Евгимера, в которой описывается чудесный остров Панхайя и о Ямбуле с его «Солнечным островом» (III в. до н. э.). (Последние произведения известны нам лишь по краткому пересказу древнегреческого историка Диодора Сицилийского.) Из периода Средневековья к жанру утопии можно отнести «Град Божий» Августина.

Но известное название это явление получило лишь тогда, когда была выпущена «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона» (по современным меркам, очень длинное название, служившее одновременно аннотацией). С тех пор наименование острова Утопия стало нарицательным, однако трактовалось многочисленными исследователями по-разному.

Пожалуй, все пишущие об утопии сходятся в том, что это некий социальный идеал, отражающий потребности и интересы конкретных общественных групп. А вот представлений об отдельных характеристиках утопии – великое множество, притом иногда они противоречат друг другу, что вызвано объективными причинами. Во-первых, формы и содержание утопии варьируются от эпохи к эпохе. Во-вторых, новый социальный опыт накапливается быстрее, чем формируется понятийный аппарат для его описания. В результате новые реалии объясняются в старых понятиях, из-за чего в них и возникают дополнительные семантические наслоения.

Например, вначале бесспорным критерием утопии считалась *невозможность её практической реализации*. Утопию называли вечным царством неосуществимой мечты, некой несбыточной идеей. Однако нельзя не согласиться с высказанным ещё в 1924 г. утверждением Николая Бердяева о том, что «утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше» [4]. Действительно, некоторые элементы выраженных в утопических проектах идеалов получали потом реальное осуществление. К сожалению, как показывает практика, в результате частичной реализации утопических идеалов обычно не получается того экзистенциального эффекта, который ожидался изначально, надежда на всеобщую счастливую и гармоничную жизнь не сбывается. Бердяев уверен, что утопии не только могут быть частично осуществимы, но более того, что «теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [5].

Примерно о том же говорил и немецкий социолог первой половины XX в. Карл Мангейм: «Утопии сегодняшнего дня могут стать действительностью завтрашнего дня. Утопии – часто не что иное, как преждевременные истины» [6]. Далее он высказывает кажущуюся абсурдной мысль о том, что подлинной является та утопия, которая получает осуществление на практике, поскольку это позволяет ей выступать в качестве силы, которая оказывает «на историко-социальное бытие преобразующее воздействие» [7]. Подобную точку зрения высказывает и Е. Шацкий: «Уничтожить утопию может только преображение действительности, из отрицания которой она вырастает. Говоря парадоксально, преодолением утопии может быть только её осуществление. Несостоятельные утопии продолжают существовать независимо от количества “рациональных доводов”, которые против них выдвигают» [8]. А Оскаром Уайльдом сформулирован известный афоризм: «Прогресс есть претворение Утопий в жизнь» [9].

С другой стороны, нередки примеры того, как определённые социальные проекты, вовсе не считавшиеся утопиями, никогда не были реализованы на практике.

Все приведённые выше аргументы говорят о том, что нереализуемость тех или иных теорий не совсем верно было бы считать критерием утопии.

Другим, часто встречающимся в литературе, критерием утопии считается её *ненаучность*. Но и эта характеристика требует некоторых уточнений. Во-первых, само понимание того, что яв-

ляется научным, изменяется в процессе накопления знаний. Ещё Гегель в своё время считал, что нужно отказаться от вульгарно-метафизического противопоставления истины и заблуждения.

Действительно, постоянно происходит не только аккумуляция новых эмпирических данных, но и сами принципы и теории претерпевают кардинальные изменения, так что нечто, считавшееся научным ранее, может перестать быть таковым, и наоборот. Например, практически до середины прошлого века взгляд на существующую вокруг человека природу как на живой организм считался мифологическим атавизмом. Сейчас понимание живой природы как многообразного взаимодействия экосистем вполне вписывается в научную картину мира. Это произошло благодаря и современному экологическому знанию и концепции В. И. Вернадского относительно биосферы как целостной системы жизни, взаимодействующей с неорганической оболочкой планеты. Возникло принципиально иное представление, подтверждаемое значительным количеством признанных теорий, о сфере функционирования человечества не как некой механической конструкции, а как единого организма. В. С. Степин говорит о том, что «идея ритмов мира, их воздействия друг на друга, включая и ритмы человеческой жизнедеятельности, для европейского ума долгое время представлялась не имеющей серьезной опоры в научных фактах, казалась чем-то мистическим и рационально невыразимым. Однако в современной научной картине мира, ассимилирующей достижения синергетики, формируются новые понимания о взаимодействии частей целого и о согласованности их изменений» [10].

Периодическое изменение представления о том, что считать научным, а что – нет, касается даже так называемых точных наук. Представители разных естественнонаучных школ порой «не признают идеи друг друга – в отличие от эмпирических констатаций и результатов экспериментов (согласно Т. Куну, представители разных парадигм как бы живут в разных мирах и не могут коммуницировать друг с другом – хотя это, конечно, преувеличение)» [11]. Тем более это характерно для наук гуманитарных, в которых практически невозможно «сформулировать такое утверждение, которое было бы всеми безоговорочно признано. И если даже какая-то концепция широко распространена в данное время и в данной культуре, то в другое время и в иной культурной ситуации она будет пересмотрена и переосмыслена» [12].

Во-вторых, понимание научности сейчас становится несколько иным. Оно функционирует в рамках характерного для настоящего времени поиска более широкого, чем научное, восприятия мира. Речь идёт о так называемом проектном сознании, претендующем на улавливание сигналов из будущего посредством использования системного подхода. Примерно о том же пишет, в частности, антрополог М. Мид: «Концепция науки как исследования в XX веке резко отличается от концепции науки как истины прошлых веков. Наука как исследование допускает другие истины, в первую очередь религиозные… Современная наука становится формой самосознания и освобождения» [13].

И в-третьих, как совершенно справедливо отмечает Э. Я. Баталов, «наука есть *форма* общественного сознания, тогда как утопия – воплощение определенного *типа* сознания, то есть типа видения человеком окружающего мира, который может проявляться и в науке, и в искусстве, и в философии, и в других формах общественного сознания» [14].

Таким образом, ненаучность в качестве критерия утопии можно принимать, лишь учитывая приведённые выше соображения.

В качестве критерия утопии в упоминавшемся труде Карла Мангейма «Идеология и утопия» представлено *трансцендентное сознание,* «которое не находится в соответствии с окружающим его бытием. Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом бытии» [15].

Действительно, если рассматривать феномен утопии с онтологической точки зрения, можно сказать, что отличительным признаком утопического сознания является его несоответствие бытию. Это сознание ориентируется на факторы, которые в окружающем мире действительно не присутствуют. Но игнорирование отдельных сторон бытия присуще не только утопическому типу мышления. Для сознания вообще характерно иногда в чём-то опережать бытие, а в чём-то отставать от него.

С гносеологической точки зрения утопический тип сознания возникает вследствие познавательной потребности человека, его стремления выйти в своём воображении за рамки не только действительного, но и возможного. Субъект познания (и индивид, и группа) объективно ограничен определёнными, прежде всего социальными рамками видения предмета. Поэтому субъекту приходится домысливать, «воображать» те элементы объекта, которые от него скрыты, связывать одни элементы с другими искусственными связями. Это в определённой мере неизбежно.

«С точки зрения социологии утопию можно считать результатом так называемого “факторного” подхода к социальной действительности, которая рассматривается утопистом не в качестве целостной системы элементов, а как набор независимых “факторов”, между которыми нет никакой исторически сложившейся функциональной связи. Поэтому и саму историю утопист склонен считать процессом, который субъективистски, волюнтаристски может быть либо замедлен, либо ускорен, либо направлен в “правильную” сторону» [16].

Одним из характерных, однако, не главных признаков утопии является её *критичность.* Утопист видит в реальности лишь те фрагменты, которые содействуют разрушению действующей системы, поэтому его сознание неизбежно носит критический характер: «Оно отворачивается от всего, что может поколебать его веру или парализовать его желание изменить порядок вещей» [17].

Очевидно, наиболее важным критерием утопического идеала необходимо считать *способ его конструирования*. Утопист создаёт идеал общественного устройства не в согласии с объективными законами естественно-исторического процесса развития социума, не опираясь на реальные направления движения общественного организма. Он не проводит социологический анализ, в результате которого было бы изучено состояние этого организма в данный момент времени.

Совершенно волюнтаристски утопист разделяет социальную действительность на отдельные части, абстрагируясь от конкретного исторического периода. Объективно необходимый ход истории, с неизбежностью сдерживающий воображение учёного, для утописта не имеет значения. Утопический мечтатель строит свой проект совершенно произвольно, умозрительным путём. Он имеет своё представление о самых заметных и трудноустранимых пороках общества и об альтернативных им идеальных качествах и состояниях. Затем, свободно манипулируя последними, смешивая их сообразно собственной логике, создаёт прообразы ожидаемого прекрасного будущего. Сознательно или неосознанно он старается не замечать те реальные тенденции развития определённого общественного организма, которые не совпадают с его устремлениями.

Эту же мысль мы встречаем и у Мангейма: «Определенные угнетённые группы духовно столь заинтересованы в разрушении и трансформации данных условий общества, что они невольно видят только те элементы в ситуации, которые имеют тенденцию отрицать ее… В утопическом мышлении коллективное бессознательное, направляемое желаемым представлением и стремлением к действию, скрывает определенные элементы реальности» [18].

Утопическое сознание универсально, поэтому направленность на создание утопического идеала можно встретить не только в общественных науках. Подобный принцип создания идеи совершенного объекта, который, следуя произвольной логике, соединял бы в себе эталонные с точки зрения фантазирующего субъекта признаки, можно найти в самых разных областях творчества – в архитектуре, литературе, искусстве, научно-технической сфере и т. д. Любые попытки создания какой-либо идеальной модели по своим собственным законам, идущим вразрез тем, которые признаны научным сообществом (например, вечный двигатель как идеальная машина), подпадают под этот принцип. Поэтому социальное утопическое сознание существует в рамках более широкого феномена, присущего всякой творческой деятельности – утопического сознания как способа генерирования мыслью любого идеального объекта в отрыве от реально действующих законов бытия.

Примечания

1. *Баталов Э. Я.* В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. 319 с.
2. *Михайловский Н. К.* Сочинения: в 6 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 404.
3. *Святловский В. В.* Каталог утопий. М.; Пг., 1923.
4. *Бердяев Н. А.* Новое средневековье, размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 121.
5. Там же. С. 70.
6. *Мангейм К.* Идеология и утопия. М., 1976. С. 18.
7. Там же. С. 21.
8. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 200.
9. *Уайльд О.* Критик как художник: Манифесты, эссе, лекции, рецензии, письма. М., 1990. С. 59.
10. *Степин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. С. 53.
11. О жизни и философии. Беседа Б. И. Пружинина с В. А. Лекторским // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 30.
12. Там же.
13. *Mead M.* Twentieth century faith: Hope and Survival. N. Y., 1972. P. 12.
14. *Баталов Э. Я.* Указ. соч. С. 14.
15. *Мангейм К.* Указ. соч. С. 5.

16. *Заладина М. В.* Специфика утопии как феномена сознания и культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2009. № 4(16). С. 168.
17. *Мангейм К.* Указ. соч. С. 53.
18. Там же.

Notes

1. Batalov E. Ya. *V mire utopii: Pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskih ehksperimentah* [In the world of utopia: Five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments]. M. 1989. 319 p.
2. Mikhailovskiy N. K. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vol.] SPb. 1897. Vol. 3. P. 404.
3. Swiatlowski V. V. *Katalog utopij* [Catalogue of utopias]. M.; Pg. 1923.
4. Berdyaev N. A. *Novoe srednevekov'e, razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [New middle ages, thinking about the fate of Russia and Europe]. M. 1991. P. 121.
5. Ibid. P. 70.
6. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia]. M. 1976. P. 18.
7. Ibid. P.21.
8. Shatsky E. *Utopiya i tradiciya* [Utopia and tradition]. M. 1990. P. 200.
9. Wilde O. *Kritik kak hudozhnik: Manifesty, ehsse, lekcii, recenzii, pis'ma* [Critic as artist: Manifestos, essays, lectures, reviews, letters]. M. 1990. P. 59.
10. Stepin V. S. *EHpoha peremen i scenarii budushchego* [Era of change and scenarios for the future]. M. 1996. P. 53.
11. *O zhizni i filosofii. Beseda B. I. Pruzhinina s V. A. Lektorskim* - About life and philosophy. Conversation of B. I. Pruzhinin with V. A. Lektorskiy // *Voprosy filosofii* - Questions of Philosophy. 2012, No. 8, p. 30.
12. Ibid.
13. *Mead M.* Twentieth century faith: Hope and Survival. N. Y., 1972. P. 12.
14. Batalov E. Ya. Op. cit. P.14.
15. Mannheim K. Op. cit. P. 5.
16. Zaladina M. V. *Specifika utopii kak fenomena soznaniya i kul'tury* [Specific features of utopia as a phenomenon of consciousness and culture] // *estnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki-* Herald of Nizhniy Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. Ser.: Social science. 2009, No. 4(16), p.168.
17. Mannheim K. Op. cit. P. 53.
18. Ibid.

УДК 111.7:1(091)

А. П. Корякина

Проблема подлинности в контексте философии постмодернизма: ветвление подлинного в хаосмосе

Статья посвящена изучению проблемы подлинности в контексте философии постмодернизма. В рамках данной статьи проблема подлинности рассматривается через раскрытие понятия «хаосмос». Понятие «хаосмос» способно рассеять дихотомию порядок/беспорядок, что наиболее полно отвечает требованиям, выдвигаемым философией постмодернизма. Благодаря рассеянию указанной дихотомии, философия постмодернизма переходит к особому пониманию феномена подлинности, связанному с растворением хаоса в космосе и космоса в хаосе. Хаосмос, являющийся специфическим сочетанием черт как космоса, так и хаоса, может быть определен как ризоматичное пространство, включающее в себя огромное количество равных по ценности смысловых пластов. Подобная совокупность пластов также может быть выражена с помощью использования образов книги, лабиринта и библиотеки. Также в рамках статьи исследуется феномен интертекстуальности, связанный с рассмотрением мира как текста.

The article is devoted to the studying the problem of authenticity in the context of postmodern philosophy. In the frame of this article the problem of authenticity is considered through a disclosure of the concept of the chaosmos. The concept of the chaosmos is able to dissipate the dichotomy order/disorder that responds to put forward requires of postmodern philosophy most completely. Thanks to the dissipation of the indicated dichotomy postmodern philosophy passes to the peculiar comprehension of the phenomenon of authenticity connected with dissolution of chaos in cosmos and cosmos in chaos. Chaosmos being a specific combination of features both cosmos and chaos can be determined as rhizomatic space including a lot of interconvertible semantic layers. The similar set of

© Корякина А. П.. 2016

layers can also be expressed with the help of using images of Book, Labyrinth and Library. The phenomenon of intertextuality connected with considering the world as the Text is also researched in the frame of this article.

Ключевые слова: интертекстуальность, мир как текст, подлинность, рассеяние, ризоматичное пространство, философия постмодернизма, хаосмос.

Keywords: intertextuality, world as a text, authenticity, dissipation, rhizomatic space, postmodern philosophy, chaosmos.

В рамках постмодернистской парадигмы номадическое распределение сингулярностей на поверхности вытесняет более привычное прикрепление элементов к определенным местам, что соответствует победе ризоматичного пространства, пронизанного чистой длительностью, над иерархически организованным пространством, присваивающим каждому из своих элементов четко детерминированное положение. В итоге склонность философии постмодернизма к освобождению множественностей от власти метанарративов приводит к установлению номадизма в качестве образца. Смыслы создаются на поверхности, которая является поверхностью ризомы, и далее свободно движутся по ней, не сталкиваясь с какими-либо препятствиями. Получается, что в рамках постмодернистской парадигмы только кочевание связано со свободой в производстве смыслов – любая их фиксация сразу же приводит к возрождению идеи господства. Таким образом, номадизм является борьбой с иерархией и принципом власти. Вследствие этого в рамках философии постмодернизма в качестве подлинного как такового выступает совокупность всех возможных смыслов сразу.

Подобное понимание подлинности как всеобщего сочетания свободных единичностей и производимых ими смыслов приводит нас к вопросу о том, что же является итогом такого сочетания: беспорядок или порядок. Порядок связан с иерархией и властью определенного принципа организации, а неограниченный беспорядок ведет к энтропии и несовместим с каким бы то ни было творчеством. Данное противоречие философия постмодернизма решает с помощью диссеминации, которая направлена на оппозицию порядок/беспорядок. В результате рассеяния указанной оппозиции философия постмодернизма приходит к введению концепта под названием хаосмос. Хаосмос – это «имманентное тождество космоса и хаоса, бытие в вечном возвращении, извилистый круг» [1]. Ризоматичное пространство имманенции и есть тот самый хаосмос, не подчиняющийся иерархическому принципу (который присущ космосу), но в то же время не приходящий и к энтропии как к смерти любого смысла (что присуще чистому хаосу).

Здесь стоит подчеркнуть, что отождествлять хаосмос и хаос нельзя. Дело в том, что победа космоса привела бы к новому утверждению отношений власти, а акцент на хаос привел бы к невозможности свободного производства смыслов, так как хаос понимается в качестве среды, сутью которой является чистая неупорядоченность, связанная с неразличимостью элементов. Но философия постмодернизма отвергает принцип неразличимости, она, наоборот, стремится к утверждению различия между всеми возможными сингулярностями, поскольку свобода связана только с признанием различий. В итоге само мышление в рамках постмодернистской парадигмы должно превратиться в мышление, способное мыслить хаос: «Да и что бы значило мышление, если бы оно не измерялось постоянно хаосом?» [2]. Но хаос здесь необходимо понимать именно как хаосмос, способный к творчеству и при этом не имеющий вне себя никакой трансцендентной инстанции, организующей его по какому-то определенному принципу.

Таким образом, хаосмос в своей имманентной целостности обладает той самой искомой подлинностью, не имеющей отношения к существованию скрытой в глубине объективной истины. Можно сказать, что сам хаосмос, состоящий из всех возможных сингулярностей и смыслов, которые безостановочно ветвятся, сплетаются и расплетаются, и есть подлинное философии постмодернизма. Отдельные же смыслы нельзя распределить по принципу отнесения к подлинному или неподлинному вследствие того, что все они являются совершенно равными друг другу по значимости, так как не существует никакого критерия для установления их подлинности.

Говоря о хаосмосе, нельзя не сказать и о метафоре лабиринта, которая часто объединяется с метафорой книги: это приводит к возникновению многочисленных концептов, например таких, как книга-лабиринт, вселенная-библиотека, вселенная-книга. Данные концепты призваны подчеркнуть нелинейность всех явлений и процессов, связанных с хаосмосом. Но и книга, и лабиринт, и библиотека могут быть восприняты с двух разных позиций. Одна из данных позиций связана с хаосмосом как таковым, вторая же позиция философией постмодернизма отвергается как принадлежащая к парадигме, признающей власть трансценденции.

К примеру, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, книгу, а стало быть, и саму вселенную можно понимать как дерево-корень, что «не перестает развивать закон Одного» [3], но, с другой стороны, ее можно понимать и как ризому, которая «обладает крайне разнообразными формами, начиная с внешней протяженности, разветвленной во всех направлениях, кончая конкретизацией в луковицах и клубнях» [4]. Первое понимание книги-вселенной приводит к утверждению властных отношений; второе же понимание признает ветвление смыслов, расходящихся по поверхности ризомы во все стороны. Таким образом, хаосмос можно выразить через метафору книги, являющейся полем, на котором происходит никогда не прекращающееся ветвление смыслов. Образ такой книги представлен в новелле Х. Л. Борхеса «Книга песка», в которой описывается книга, не имеющая ни начала, ни конца, ни определенного числа страниц, ни какой бы то ни было структуры [5].

Сказанное применимо и к метафоре лабиринта, который также можно рассматривать с двух разных позиций, одна из которых приводит к отождествлению лабиринта и хаосмоса. У. Эко описывает три типа лабиринтов. Есть греческий лабиринт, главным элементом которого является Минотавр. Суть такого лабиринта сводится к страху перед появлением Минотавра, потому что без Минотавра подобный лабиринт становится бессмысленным. Маньеристический лабиринт имеет достаточное количество коридоров и тупиков, но лишь один выход. Лабиринт-сетка состоит из пересекающихся друг с другом дорожек и при этом не имеет никакого выхода. В первых двух типах лабиринтов нужна нить Ариадны, в третьем же типе она применяться не может [6]. Нить Ариадны здесь следует понимать в смысле одной-единственной верной догадки, которая рано или поздно выведет из лабиринтного пространства. С философией постмодернизма совместим только третий тип лабиринтов – лабиринт-сетка, потому что такой лабиринт и есть хаосмос.

Еще одной метафорой, с помощью которой можно выразить хаосмос, является метафора библиотеки. И здесь тоже возможны две позиции: понимание библиотеки как четко структурированной системы и понимание библиотеки в качестве всеобъемлющего ризоматичного пространства. Библиотека-хаосмос, таким образом, не является тем, что зависит от власти трансценденции, так как ее элементы не состоят в жестком иерархическом порядке, но в то же время она не является и воплощением чистого хаоса, так как это лишило бы ее всяческого смысла, о чем Х. Л. Борхес говорит так: «На самом деле Библиотека включает все языковые структуры, все варианты, которые допускают двадцать пять орфографических символов, но отнюдь не совершенную бессмыслицу» [7]. В подобном понимании метафоры библиотеки можно обнаружить некое противоречие, выраженное Х. Л. Борхесом: «Библиотека безгранична и периодична» [8]. Данное противоречие преодолевается при обращении к идее вечного возвращения, понимаемого Ж. Делезом как лабиринт, созданный Эоном, – «лабиринт уникальной линии – прямой и без толщины» [9]. Именно по этой линии разлома и проходит вечное возвращение, которое больше не связано с цикличностью, то есть «вечное возвращение, но уже не индивидуальностей, личностей и миров, а чистых, непрестанно делимых событий» [10]. Таким образом, если к пониманию лабиринта как сетки добавить дополнительный смысл, связанный с лабиринтом Эона как вечным, но при этом не циклическим возвращением бестелесных событий, составляющих Событие в целом, то противоречие между безграничностью и периодичностью библиотеки-вселенной, библиотеки-хаосмоса исчезнет, так как Библиотека, Хаосмос и есть Событие.

Учитывая важные для философии постмодернизма метафоры, которые были рассмотрены выше, необходимо указать на еще одно понятие, способное выступать в роли метафоры наравне с ними, и это понятие – текст. Тесная взаимосвязь понятий мира и текста приводит к утверждению существования огромного количества различных толкований мира. К тому же в постмодернистской парадигме текст не может существовать вне интертекстуальности, то есть он состоит из других текстов, что происходит не в смысле механического сочетания старого на новом поле, а в смысле скрытого влияния всех возможных текстов на этот вновь созданный текст. Возникновение понятия интертекстуальности связывается с именем Ю. Кристевой, которая впервые четко утвердила тезис: «Всякий текст представляет собой пермутацию других текстов, интертекстуальность» [11]. Понимание интертекстуальности, выработанное Ю. Кристевой, ведет к признанию подвижности критерия, на который стоит опираться при осуществлении литературной и в данном случае тесно с ней связанной общественно-политической критики. Сама культура – это совокупность текстов, способных ее менять, следовательно, культура в целом постоянно изменяется, что и делает ее синонимичной хаосмосу.

В том же ключе, что и Ю. Кристева, рассуждают об интертекстуальности Р. Барт и У. Эко. Например, Р. Барт утверждает, что «текст представляет собой… многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным…» [12]. О такой свободе производства смыслов с помощью ничем не ограниченного ин-

терпретирования У. Эко говорит следующим образом: «Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя» [13]. Получается, что, несмотря на намерения автора вложить в текст некий определенный смысл, этот смысл будет зависеть не только от автора, но и от эпохи, типа общества, всех других текстов, культуры в целом. Таким образом, У. Эко так же, как и Р. Барт, признает концепцию смерти автора, которая приводит к полному освобождению текста от власти любой трансценденции, что и является целью философии постмодернизма. Таким образом, все, что было сказано о тексте в литературоведческом и культурологическом значении, относится в той же самой степени и к тексту как метафоре мира в целом: сам мир в философии постмодернизма является интертекстуальным и не имеющим автора, который понимается как порождающая модель любого характера. Каждый текст является хаосмосом. Мир как текст – это хаосмос.

Но нельзя проигнорировать и связанные с подобным пониманием подлинности проблемы, которые, например, формулирует Д. Деннет, выступающий с критикой концепции Р. Рорти, который утверждал, что «суть наставительной философии состоит в том, чтобы поддерживать разговор, а не в том, чтобы искать объективную истину» [14]. Можно сказать, что Р. Рорти конкретизирует постмодернистское понимание подлинности и объективной истины, связанное с ветвлением смыслов и хаосмосом, применяя его в отношении теории познания, а тем самым и к научному знанию как таковому. Д. Деннет же считает, что акцент философии постмодернизма на мультикультурализм может привести к достаточно опасной ситуации, когда каждая разрушительная тенденция будет объявляться имеющей право на существование. В итоге Д. Деннет призывает к возвращению на путь рациональности, так как только она может увести от опасности, нависшей над человечеством [15]. Итак, Д. Деннет критикует философию постмодернизма в лице Р. Рорти с позиции рациональности, но в этом месте возникает вопрос: возможно ли возвращение рациональности на то место, которое она занимала до возникновения постмодернистской парадигмы, если учесть, что вера в нее как в Великий Нарратив стала исчезать еще на рубеже XIX–XX вв.? Мы полагаем, что это, скорее всего, невозможно, так как в наши дни получает свое распространение феномен виртуализации бытия, превращающий проблему подлинности в проблему неподлинности, что требует анализа, уже выходящего за рамки данной работы. Таким образом, проблема подлинности в контексте философии постмодернизма в дальнейшем может рассматриваться в своей взаимосвязи с феноменом виртуализации бытия, что даст возможность для наиболее полного раскрытия указанной темы.

Примечания

1. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 162.
2. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 240.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 9.
4. Там же. С. 12.
5. *Борхес Х. Л.* Книга песка // Стихотворения. Новеллы. Эссе. М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2003. С. 397–401.
6. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2007. С. 62–63.
7. *Борхес Х. Л.* Вавилонская библиотека // Стихотворения. Новеллы. Эссе. М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2003. С. 148.
8. Там же. С. 149.
9. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 94.
10. Там же. С. 234.
11. *Кристева Ю.* Исследования по семанализу // Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 136.
12. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 388.
13. *Эко У.* Указ. соч. С. 8.
14. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 279.
15. *Деннет Д.* Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93–100.

Notes

1. Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. SPb. LLP TK "Petropolis". 1998. P.162.
2. Deleuze G., Guattari F. *CHto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] M. Academic Project. 2009. P.240.
3. Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. M. Astrel. 2010. P.9.
4. Ibid. P.12.

5. J.L. Borges *Kniga peska* [Book of sand] // *Stihotvoreniya. Novelly. EHsse* - Poems. Novels. Essays. M. SF "Pushkin library", AST. 2003. Pp. 397-401.

6. Eco U. *Zametki na polyah «Imeni rozy»* [Notes on the fields "Named of the rose"]. SPb. Symposium. 2007. Pp. 62-63.

7. J.L. Borges *Vavilonskaya biblioteka* [The library of Babel] // *Stihotvoreniya. Novelly. EHsse* - Poems. Novels. Essays. M. SF "Pushkin library", AST. 2003. P. 148.

8. Ibid. P.149.

9. Deleuze G. *Logika smysla* [Logic of sense]. M. Raritet; Ekaterinburg. Delovaya kniga. 1998. P. 94.

10. Ibid. P.234.

11. Kristeva Y. *Issledovaniya po semanalizu* [Studies on semanalysis // *Izbrannye trudy: Razrushenie poehtiki* – Selected works: Destruction of poetics. M. Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 2004. P.136.

12. Barth R. *Smert' avtora* [Death of the author] // *Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika* – Selected works: Semiotics: Poetics. M. Progress. 1989. P. 388.

13. Eco U. Op. cit. P.8.

14. Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk. Publishing house of Novosib. University. 1997. P. 279.

15. Dennett D. *Postmodernizm i istina. Pochemu nam vazhno ponimat' ehto pravil'no* [Postmodernism and truth. Why is it important to understand it right] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2001, No. 8, pp. 93-100.

УДК 167.7

Н. В. Коротков

Эпистемология фантастики (на примере рассказа Г. Альтова «Шальная компания»)

В статье с опорой на концепцию В. Н. Поруса о двух способах моделирования рациональности обосновывается трактовка фантастики, включая «твёрдую научную фантастику», в качестве действующей модели открытой рациональности (критико-рефлексивной рациональности), которая противопоставляется как закрытой рациональности (нормативно-критериальной рациональности), так и иррациональности.

In this article, drawing on the concept of V. N. Porus about two ways of modeling rationality grounded interpretation of fiction, including «hard science fiction» as a working model of an open rationality (critical-reflexive rationality), which is opposed to a closed rationality (normative-criterional rationality), and irrationality.

Ключевые слова: наука, твердая научная фантастика, открытая рациональность, закрытая рациональность, иррациональность.

Keywords: the science, science fiction, open rationality, closed rationality, irrationality.

До сих пор на уровне обыденного сознания эпистемологическое значение фантастики ассоциируется главным образом с научно-фантастическими прогнозами. Яркими выразителями такого подхода к эпистемологии фантастики выступают корифеи «твердой научной фантастики» (твёрдой НФ) середины прошлого века: например, один из ведущих фантастов советской «новой волны» 1960-х гг. Г. С. Альтов (Альтшуллер). В своё время академик А. Берг сказал, обращаясь к писателям-фантастам: «Фантазируйте сколько угодно – мы вас перегоним!», на что Альтов ответил научному сообществу: «Делайте какие угодно открытия – мы вас перегоним!» [1]. Вместе с тем нельзя не признать, что в начале XXI в. сложно назвать НФ-идею, пусть даже самую «безумную», которая бы уже всерьез не обсуждалась в науке – от хронопутешествий до Мультиверса; в фантастике же словно наступила «эпоха тотального ремейка». Однако, как нам представляется, это не имеет принципиального значения, поскольку подлинная задача научной фантастики, вообще фантастики, состоит вовсе не в «догонялках» с наукой.

Обратимся к концепции известного отечественного эпистемолога В. Н. Поруса, который по аналогии с кантовским различением рассудка и разума выделяет два предельно общих способа моделирования рациональности*:*

1) нормативно-критериальный («закрытая рациональность»), когда постулируется некий закрытый набор норм, конституирующий рациональность;

© Коротков Н. В., 2016

2) критико-рефлексивный («открытая рациональность»), выражением которого является, в частности, «методологический анархизм» П. Фейерабенда [2].

С точки зрения «закрытой рациональности» самокритика либо вообще невозможна, либо тривиальна, то есть сводится к выявлению логических ошибок в рассуждениях, погрешностей в измерениях и т. п., тогда как любая критика принципов, принятых в качестве критериев рациональности воспринимается при таком подходе как проявление иррационального. Напротив, «открытая рациональность» характеризуется способностью увидеть в альтернативных системах критериев рациональности, в иных мирообъяснительных стратегиях не «иррациональность», а иную рациональность, то есть форму познания.

Кроме того, Порус выделяет признаки, позволяющие отличить «открытую рациональность» от иррациональности:

1) хотя «открытая рациональность» и допускает изменение своих фундаментальных оснований, но никогда не меняется *вся* система критериев рациональности целиком и одновременно;

2) Всякий выход за пределы «закрытой рациональности» должен быть устремлен к новой устойчивости, «закрытости», систематичности, иначе он превращается в изменения ради изменений, теряя какую-либо методологическую значимость.

Наш тезис состоит в том, что фантастику, включая «твёрдую научную фантастику», правомерно охарактеризовать в качестве действующей модели открытой рациональности (не случайно твёрдая НФ в лице Ж. Верна и Г. Уэллса появилась одновременно с позитивизмом как крайним проявлением сциентизма, стремившегося саму рациональность отождествить с научностью).

Рассмотрим этот процесс на примере НФ-рассказа вышеупомянутого Генриха Альтова (Альтшуллера) «Шальная компания» (1965). Рассказ написан от лица одного из действующих персонажей, который сразу признаётся, что является ученым (специалистом в области бионики), а не профессиональным литератором, и далее в процессе изложения событий периодически делится возникающими у него при этом трудностями. Таким образом, частью процесса изложения и аргументации научной гипотезы оказывается анализ самого этого процесса, осмысление ситуации возникновения текста становится частью самого текста, то есть рассказ «Шальная компания» можно назвать примером и прецедентом «мышления о мышлении» (которое, кстати, А. М. Пятигорский считал сутью философствования).

Вступительной сценой рассказа является конференция по бионике, на которой к рассказчику после его доклада, посвященного обоснованию «палеобионики», подсаживается Дерзкий Мальчишка с предложением «добыть динозавра». Рассказчик не спешит раскрывать читателю суть идеи, но даёт ей высокую оценку, утверждая, что «это одна из фундаментальных идей, которых в науке – за всю ее историю – насчитывается лишь несколько десятков, не больше» [3]. Таким образом, Альтов с первых страниц демонстрирует и использует преимущества научной фантастики, соединяющей научное познание с художественной поэтикой, что позволяет автору высказывать самые разные оценки рассматриваемых им идей (вплоть до панегирических или уничижительных и даже бранных) от лица художественных персонажей и потому без риска для собственного научного авторитета.

Но вернемся к рассказу Альтова. С первых же абзацев автор осуществляет «захват внимания» читателя, ставя новаторскую проблему воссоздания вымершего доисторического пресмыкающегося (роман Майкла Крайтона «Парк юрского периода», в котором поднимается та же проблема, но ей дается иное решение, вышел на четверть века позже альтовского рассказа). Однако прежде чем раскрыть собственное решение, Альтов предлагает читателям поразмыслить над поставленной им задачей самостоятельно. Здесь уместно отметить, что этот и другие рассказы Альтова написаны так, чтобы их можно было использовать в качестве учебно-методического пособия по разработанной им знаменитой Теории и практике Решения Изобретательских Задач (ТРИЗ). Позже появились целые сборники «фантзадач», подготовленные мастерами ТРИЗ, цель которых авторы видели именно в том, чтобы привить читателям «задачное зрение», проблемное мышление, ибо очень часто читатель, зритель не воспринимает отрывок из произведения искусства «как проблему, которую можно решить» [4].

После постановки центральной проблемы автор возвращается к эпизоду с конференцией по бионике, решая при этом целый ряд задач:

1) даёт «рабочее» определение бионики («изучение “конструкции” животных и растений с целью использования “патентов природы” в технике»);

2) рассуждает о том, чем бионика как наука отличается от известного с древних времен копирования природных прообразов;

3) проводит критический анализ современного уровня развития данной области знания;

4) наконец, походя делает ремарки о специфике научного диспута и набрасывает «эскиз» конференции как особого научного мероприятия, что представляет определенный интерес с точки зрения науковедения, но в строгой научной статье о бионике было бы «пятым колесом в телеге».

Затем автор переходит к теоретическому обоснованию такого раздела бионики, как «палеобионика», суть которого сводится к тому, что забракованные естественным отбором еще миллионы лет назад эволюционные находки могут получить конкурентное преимущество, будучи возрожденными на современном материале. В этих рассуждениях можно увидеть предварение концепции «инставрации», разрабатываемой современным российским философом А. Ашкеровым.

Возвращаясь с конференции, рассказчик размышляет о внешнем виде будущего памятника Дерзкому Мальчишке, попутно делая ремарку про «инерцию мышления»: Эйнштейн, Бор, Тимирязев и др. в массовом сознании предстают умудренными старцами, тогда как «они были почти мальчишками, когда делали свои открытия».

Непосредственное описание своего решения проблемы «воскрешения» вымерших животных автор предваряет идеей о возможности «управлять атавизмами», вызывая их целенаправленно: например, вместо пересадки жабр добиваться того, чтобы они не исчезали в процессе эмбрионального развития. Автор тут же показывает, что данная идея несостоятельна, поскольку к организму млекопитающего нельзя просто «прилепить» эволюционно более древние жабры: «…организм – единая конструкция. Изменение части повлечет изменение целого. Восстановление жабр – идея столь же дохленькая, как, скажем, проект оснащения атомохода веслами». Поясняя значение этой идеи, автор проводит параллель с фрагментом из романа Ж. Верна, в котором поезд проскакивает по хлипкому мосту, обвалившемуся сразу после этого: «Такова хитрая механика открытий. Многие подходят к пропасти, смотрят на мост и думают: «Эта штука явно не держит. Здесь дороги нет». Но открыватель смело допускает невозможное. Он вступает на мост, который не держит. Остановиться нельзя. Надо успеть проскочить – и тогда пусть он рушится, этот мост. Он сыграл свою роль» [5]. Точно так же, продолжает автор, идея о восстановлении жабр «не держит», но, будучи продуманной до конца, привела к более сильной идее палеофиксации, то есть восстановления пройденных эволюционных форм не частично, а целиком: «…управляя развитием зародыша животных, можно “воскресить” его отдаленных, давно вымерших предков». Здесь интересны сразу два аспекта: использование Альтовым эпизода из художественного произведения в качестве методологического приёма и мысль об эвристичности ложных идей, которая затем получила методологическую разработку в созданной Г. Альтовым совместно с П. Амнуэлем «теории развития творческой личности» (ТРТЛ).

Кроме того, ход рассуждения в данном эпизоде подводит к идее о возможности «усиления» «слабых» идей, позже получившей практическое применение в разработанной Альтовым и Амнуэлем шкале «Фантазия-2». Частным случаем развития данной темы также является высказанная Альтовым уже не в научно-фантастической, а в собственно фантастиковедческой работе «Судьба предвидений Жуль Верна» мысль о том, что сама ошибочность технонаучных идей имеет не безусловный, а контекстуальный характер. Так, идея о полете человека с Земли на Луну в запущенном из огромной пушки снаряде является научно несостоятельной, но тот же способ перемещения оказывается весьма перспективным для транспортировки грузов с Луны на Землю.

Далее, поскольку по сюжету повести владельцем дачи, на которой героями проводился эксперимент по палеофиксации, был отставной эксперт из Комитета по делам изобретений и открытий (некий В. Н. Упшинский), автор получает возможность отдельно остановиться на тех сложностях, которые возникают у изобретателей в процессе получения патентов и внедрения своих изобретений в производство.

Описывая, как герои расчищали под эксперимент веранду дачи Упшинского от забракованных им опытных образцов всевозможных изобретений, рассказчик попутно приводит примеры оригинальных, но нелепых или курьезных изобретений. Для фиксации такого рода идей, «заставляющих людей сначала засмеяться, а потом – задуматься» позже была создана т. н. «шнобелевская премия» («Ig Nobel Prize»), причем, что характерно, несколько раз её вручали ученым, которые позже удостаивались уже нобелевской премии.

Затем следует описание будней главных героев в процессе проведения эксперимента, что позволяет автору использовать вставную миниатюру, посвященную профилактике здоровья. Кроме того, в форме беседы между героями Альтов дает разностороннее обоснование практического внедрения метода палеофиксации в жизнь общества: кулинарное, экономическое, философское.

Наконец, происходит кульминация повествования (появление из голубиного яйца археоптерикса) и развязка – пропажа живого ископаемого, упорхнувшего с веранды в лес.

Таким образом, как мы видим из проведенного анализа, поэтика научно-фантастического произведения в целом релевантна критико-рефлексивной рациональности, поскольку позволяет в рамках единого текста совмещать обоснование конкретной научной гипотезы и анализ дискурсивных и методологических аспектов самого этого обоснования.

Примечания

1. *Альтов Г.* Машина открытий // Летящие по Вселенной. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 735.
2. *Порус В. Н.* Рациональность. Наука. Культура. URL: http://lib.ru/FILOSOF// PORUS/racionalnost.txt
3. *Альтов Г.* Шальная компания // Летящие по Вселенной. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 486.
4. *Трифонов Д. Н.* Сборник фантзадач. URL: http://www.trizminsk.org/e/ 246008.htm.
5. *Альтов Г.* Шальная компания. С. 498.

Notes

1. Al'tov G. *Mashina otkrytij* [Machine of discoveries] // *Letyashchie po Vselennoj* - Flying through the Universe. M. "Publishing house AST" LTD. 2002. P. 735.
2. Porus V. N. *Racional'nost'. Nauka. Kul'tura* [Rationality. Science. Culture]. Available at: http://lib.ru/FILOSOF// PORUS/racionalnost.txt
3. G. Altov *SHal'naya kompaniya* [Crazy company] // *Letyashchie po Vselennoj* - Flying through the Universe. M. "Publishing house AST" LTD. 2002. P. 486.
4. Trifonov D. N. *Sbornik fantzadach* [A collection of fantsatic problems]. Available at: http://www.trizminsk.org/ e/ 246008.htm.
5. Altov G. *SHal'naya kompaniya* [Crazy company]. P. 498.

УДК 740

Л. А. Шаяхметова

Понятие ноосферы в рамках коэволюционного подхода: современная интерпретация

Статья посвящена проблеме демаркации и структуре ноосферного знания в современной науке. Проблему автор находит в недоговоренности и открытости понятия ноосферы, оставленного В. И. Вернадским и Тейяром де Шарденом. Разведены понятия ненаучного и научного осмысления ноосферы. Современное понятие ноосферы представлено в свете коэволюционного подхода. Коэволюционный подход в статье понимается как одна из основ современной парадигмы познания. Рассмотрена структура ноосферного знания, куда входят экологический императив, экологическая культура человека, современное понимание коммуникации человека и природы, а также новая эпистемологическая модель познания – «гуманистический экологизм». Для обоснования экологического гуманизма автор вводит необходимое понятие «синтетическая природа человека».

The article is devoted to the problem of demarcation and structure of noosphere knowledge in modern science. The author finds a problem in a reticence and openness of the concept of noosphere, left by Vladimir Vernadsky and Pierre Teilhard de Chardin. Concepts of unscientific and scientific judgment of the noosphere are divorced. The modern concept of noosphere is presented in the light of coevolution approach. Coevolution approach in the article is understood as one of the bases of a modern paradigm of knowledge. The structure of noosphere knowledge where the ecological imperative, ecological culture, modern understanding of communication of the person and the nature, and also the new epistemological model of knowledge – "humanist environmentalism" is considered. For justify the ecological humanism the author also uses the necessary concept "synthetic nature of human".

Ключевые слова: коэволюционный метод, коэволюционный подход, ноосфера, ноосферное знание.

Keywords: koevolyutsionny method, koevolyutsionny approach, noosphere, knowledge of noosphere.

Современное философское осмысление понятий придает многим терминам множество оттенков. Коэволюция в этом контексте не исключение. Она понимается как процесс, как подход к изучению действительности, как явление и может рассматриваться как один из методов и принципа понимания мира. Коэволюционный метод является частью структуры современной методологии.

© Шаяхметова Л. А., 2016

Идея ноосферы является одной из важнейших составляющих коэволюционного метода. Проблема научного понимания ноосферы заключается в уточнении понятия, так как оно понимается по-разному. Существует как научное, так и религиозное объяснении ноосферизма. Религиозное толкование связано с именем Т. Шардена. Научное – с именем русского ученого В. И. Вернадского.

Концепция мира Т. Шардена пытается найти место человека в окружающей среде. Шарден лавирует на грани антропоцентризма и биоцентризма. Он говорит о законе рекуренции (существование мира и бытия), используя понятия радиальной и тангенциальной формы энергии, тем самым подчеркивает взаимосвязь внутреннего и внешнего, планетарного и молекулярного, живого и неживого. Он рассматривает антропоцентрическое понимание на стадии планетарной ступени развития: «По сравнению со всей совокупностью живых мутовок человеческая фила не является обычной филой… человек, возникший в середине приматов, расцветает на вершине зоологической эволюции» [1]. При этом он придает большое значение божественной точке Омега, которая, по сути, является Богом.

Изучая человека в работе «Феномен человека», философ обозначает один из особых критериев существования человека в мире. Шарден находит его в коэволюционном принципе «единства». Коллективное единство у исследователя проявляется в связи всех материй и их разделений между собой [2].

Как ученый, философ осмысливает одно из ключевых понятий коэволюции – «система». Система непосредственно воспринимается в мире любым наблюдателем природы. Согласованность частей универсума всегда была предметом восхищения людей. Система Шардена выстраивается в органическую иерархию различных уровней существования материи и стремится к высшему абсолюту [3].

Единство и системность мира проявляются в мироощущении философа. Он выстраивает мыслительную концепцию мироздания. Каждый элемент космоса буквально соткан из всех других элементов: снизу он создается таинственным явлением «композиции», представляя собой как бы вершину организованной совокупности; сверху – воздействием единств высшего порядка, которые, охватывая его, подчиняют его своим собственным целям.

В книге «Феномен человека» Тейяр де Шарден выводит схему эволюции, которая имеет следующее строение: «преджизнь – жизнь – мысль – сверхжизнь» или предбиосфера – биосфера – ноосфера – точка Омега [4].

Все, что окружает человека, по аналогии с человеческим содержанием, приобретает духовно-ценностное состояние. Тейяр де Шарден один из тех философов, который в основу гносеологии ставит человека как меру своего познания. Предбиосфера и биосфера уже сами по себе, являясь божественным творением, наделены душой, а с приходом и развитием человека появляется ноосфера, где человек, являясь универсумом создателя, может дать осознание этой природной душе, и только поэтому он венец создания.

По-иному рассматривает ноосферу В. И. Вернадский, он уходит от религиозности. Поначалу он просто не отрицает ноосферу, так как она является логичным продолжением биосферы: «Я принимаю идею Леруа о ноосфере. Он развил глубже мою биосферу. Ноосфера создалась в постплиоценовую эпоху – человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, а в результате энергия биосферы увеличивается» [5]. Ноосфера здесь сознательная деятельность человека, направленная на внешние преобразования природы.

Рассматривая культурно-социальное развитие человека, Вернадский приходит к выводу, что человек должен стать основной геологической силой, которая формирует облик планеты. Соединение биологической силы и энергетического вещества человеческого разума образует в результате ноосферу.

Совершенно правомерно он формулирует ряд условий, необходимых для становления ноосферы:

1. Человек должен расселиться по большей части поверхности планеты.
2. Необходимо усовершенствование средств связи между человеком и государствами.
3. Геологическая роль человека должна стать лидирующей над другими геопроцессами в биосфере.
4. Освоение Космоса.
5. Новые источники энергии.
6. Преобладание прав человека, всеобщая терпимость, равенство религий и рас.
7. Увеличение роли демократии как во внешней, так и внутренней политике.
8. Свобода научной мысли от идеологии различной направленности.
9. Всеобщее повышение уровня жизни.

10. Разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения.

11. Исключение войн из жизни общества.

Анализируя данный список, мы видим интегрированный характер различных дифференцированных сфер. В особенности ученый выделяет гуманитарную ценность ноосферного мира, что приближает ее к философии своеобразного «космополитизма». Если рассматривать ноосферизм как тесную взаимовлияющую связь разума и природы, то такие пункты, как равенство людей всех рас и религий, подъем благосостояния трудящихся, увеличение роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики, не имеют прямого отношения к ноосфере, и ноосфера становится похожа на картину «социальной утопии».

В. И. Вернадский оставил понятие ноосферы открытым и доступным для наполнения содержанием. Эти условия усложняют проблему границ ноосферного знания и создают почву для различных вненаучных спекуляций религиозно-философского толка, к таким спекулятивным направлениям можно отнести: учение Живая этика и рериховское движение: «Согласно Живой этике, в основе Мироздания лежит материя, понимаемая в самом широком смысле. Она включает как те формы материи, которые изучаются современной наукой, так и более тонкие формы, которые науке пока не известны. Мир развивается по Космическим Законам, изучение которых является важнейшей задачей человечества. В развитии Вселенной принимает участие Космический Разум, частью которого является человечество Земли» [6]. Идея космического разума, связи человека и творения близка и понятна религиозной мысли. Ответственность разума человека перед окружающим миром и тесная их связь – ноосферная идея, которая пропагандируется в подобных вероучениях. Для нас важно определить научные рамки ноосферы. Приведем следующие признаки:

1. Разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения.

2. Открытие новых источников энергии как дополнение к первому пункту, так как разумное преобразование первичной природы невозможно без поиска наименее затратных ресурсов, открытие которых снизит возможность негативного воздействия на окружающую среду.

3. Меняется потребительская картина мира: от потребления продукта – к потреблению символа (увеличивается ценность материальных предметов с символической нагрузкой) и придается ценность нематериальному. Этому способствует развитие информационного общества. Развивая в нужном направлении информационное общество, необходимо брать ноосферный контроль над ним.

4. Среди прочего вырисовывается понимание ноосферного знания, где в рамках научных границ ноосферы оно будет являться системой представлений об окружающем мире, существующей в тесной связи с экологическим императивом человека. Где последнее имеет прямое отношение социальному и гражданскому долгу человека перед окружающей средой. Ответственность перед действительностью и будущим в сочетании с пониманием рационального и гармоничного существования с биосферой В. И. Вернадского образуют научное понимание ноосферы.

Современное понимание ноосферы включает в себя также информационное пространство и техногенную среду, более того, возможность быстро распространять различного рода информацию приводит к большей сегрегации новых идей, в том числе экоцентрических.

Традиционное представление в теории коммуникации – трансляционное, то есть сводимое к простой передаче и принятии информации. Но современное представление о коммуникации – это видение ее наличия не только в социальных системах, но и в биологических. Сегодня ученые предпочитают говорить об интеракциональной концепции, где коммуникация – процесс взаимодействия, зависящий от многих обстоятельств.

Ноосферное мировоззрение – это мировоззрение, построенное на социально-психологической модели коммуникации Т. Ньюкомбо, в ней учитывается отношение между субъектами, стремящимися к симметрии в социальной среде. В ноосферной среде коммуникаторами являются «человек» и «природа». Социальной коммуникацией в современном понимании обязательно учитываются эмоции, волевые воздействия, чувственные переживания, направленные на субъект/объект взаимодействия.

Важным составляющим современной теории коммуникаций является теория коммуникативного действия и коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, в которой существенным является взаимоотношение среды и субъектов коммуникации. Системообразующим элементом теории коммуникативного действия является концепт речевого действия, которое Хабермас определяет как «акт, посредством которого говорящий хочет договориться с другим относительно

чего-либо» [7]. Коммуникация Хабермаса строится в первую очередь на взаимопонимании: «Взаимопонимание характеризуется как условие и идеал коммуникативной рациональности; коммуникативную рациональность с точки зрения формальной прагматики можно трактовать как совокупность структур, позволяющих прийти к взаимопониманию» [8]. Также важным является отношение действующего лица к миру. Подобная концепция – еще одно серьезное основание для коммуникации в ноосферной картине мира.

Еще одним основанием современного понятия ноосферы является новая гносеологическая парадигма. В этой новой эпистемологической модели базовым понятием становится «гуманистический экологизм», в котором присутствует ориентация на другого, где другой – это все то, что не я. При этом другое является преломлением моего собственного сознания.

«Другое и я» по-разному рассматривается в антагоничных концепциях отношения к природе антропоцентрической и биоцентрической. При этом концепции по своей сути направлены на одну цель, первая напрямую, вторая немного косвенно – а именно сохранение человеческого присутствия. По мнению философа-эколога Патрика Керри, «экоцентризм не обязательно исключает человечество, и есть веские основания – как стратегические, так и этические – почему этого не должно быть» [9]. Стратегическое основание мы сводим к тому, что осуществление гармонии человека и природы реализуется благодаря синкретизму эко и антропо. В структуре личности человека данный синкретизм представлен как экологический императив. Он является аргументом для этических оснований. Понятие экологического императива было введено в научный оборот не так давно. Его корни лежат в истоках императива Канта, но направлены не на категорию человек – человек, а на категорию человек – природа. Формирование этого понятия обусловил коэволюционный подход к познанию мира. Автором термина является Н. Н. Моисеев:

«…Категория “экологический императив” – объективна, она не зависит от воли отдельного человека, а определяется соотношением свойств природной среды и физиологических и общественных особенностей всего вида. Но реализация этого соотношения зависит от воли человека! Вот почему использование термина, аналогичного кантовскому категорическому императиву, совершенно не случайно» [10]. То есть в понимании экологического императива лежит возвышение долга человека перед окружающим миром и перед самим собой.

Двуединство стратегического и этического встраивается в эпистемологическую модель, которую мы и назвали «гуманистическим экологизмом».

В этой модели человеческие ценности проникают в материально-природный мир. Они формируют новое единство природного и субъектного в интерсубъектное. Данный тип познания не соответствует традиционному пониманию сущности человека и нуждается в другой категории.

Одной из таких категорий, на наш взгляд, должна явиться «синтетическая природа». Человек, как известно, имеет две природы – первичную, биологическую, ту, которая является элементом связи с материальными процессами, и социальную – вторичную, направленную на взаимодействие с опредмеченным и осознанным миром человека. В эпистемологической модели «гуманистического экологизма» «синтетическая природа» – это синтез первой и второй. Она состоит из природы как объективности, изменённой человеком, и субъективной части, несущей в себе «онтологическую интерсубъектность». Объяснить содержание и динамизм возникшей в результате размышлений новой категории становится возможным только через пересечение социокультурных понятий, таких как экологический императив, экологический менталитет, экологическое сознание. Все понятия неразрывно связаны с общей культурой человека. Они находят пересечение с различными аспектами общечеловеческих ценностей и являются одной из важных сторон понятия ноосферы и коэволюционного подхода.

Таким образом, эпистемологическая модель экологической философии познания, проявляющаяся в «гуманистическом экологизме», – это один из вариантов построения современной системы ноосферного мировозрения. Она отвечает запросам когнитивной модели, а также является важным элементом в осмыслении коэволюционного метода в науке.

Коэволюционные рамки понятия ноосферы – это рамки эпистемологического характера. Хотя ученые, разрабатывавшие теорию ноосферы, и оставили в ней простор для ненаучных рассуждений, современное понимание в большей степени связано с научным осмыслением.

Сегодняшнее эпистемологическое понимание ноосферы связано с научным осмыслением понятия. Научный горизонт понятия расширился, так как ноосферное знание в свою структуру включает, с одной стороны, теоретические основания современной коэволюции, с другой – этический компонент. При этом этический компонент имеет нерелигиозную окраску. Он обосновывается научной коэволюционной концепцией. Кроме этого структура ноосферного знания обогатилась такими понятиями, как экологическая культура человека, экологический императив, экологическое мышление и экологическое мировоззрение.

Примечания

1. *Шарден П. Т.* Феномен человека: сб. очерков и эссе: пер. с фр. / сост. и предисл. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 148.
2. Там же. С. 146.
3. Там же. С. 148.
4. *Чесноков В. С., Прокопенко Е. Е.* Пьер Тейяр де Шарден о человеке, ноосфере и космосе // Культура и время. 2005. № 3.
5. *Вернадский В. И.* Переписка с Б. Л. Личковым (1918–1939 гг.). М., 1979. С. 181–182.
6. *Гиндилис Л. М., Фролов В. В.* Философия Живой этики и ее толкователи. Рериховское движение в России. URL: http://yro.narod.ru/zaschitim/filosofia.htm (1.04.2016)
7. Handlungen, Sprechakte, sprachlich vermittelte Interaktionen und Lebenswelt // Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsaetze. FaM., 1988. S. 63.
8. *Соболева М.* К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. №. 2. С. 97–119.
9. Patrick Curry, Ecological Ethics (Polity, 2006). Пер. В. Постников. 2009. URL: https://www.proza.ru/2009/06/10/1056 дата обращения (1.12.15)
10. *Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-полито-логический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Notes

1. P. T. Chardin *Fenomen cheloveka: sb. ocherkov i ehsse: per. s fr.* [Phenomenon of man: collected sketches and essays: transl. from Fr.] / comp. and roreword by V. Y. Kuznetsov. M. "Publishing house AST" LTD. 2002. P. 148.
2. Ibid. P. 146.
3. Ibid. P. 148.
4. Chesnokov V. S., Prokopenko E. E. *P'er Tejyar de SHarden o cheloveke, noosfere i kosmose* [Pierre Teilhard de Chardin about the man, the noosphere and space] // *Kul'tura i vremya* - Culture and time. 2005, No. 3.
5. Vernadsky V. I. *Perepiska s B. L. Lichkovym (1918–1939 gg.)* [Correspondence with the B. L. Lichkov (1918-1939)]. M. 1979. Pp. 181-182.
6. Gindilis L. M., Frolov V. V. *Filosofiya ZHivoj ehtiki i ee tolkovateli. Rerihovskoe dvizhenie v Rossii* [Philosophy of Living ethics and its interpreters. The Roerich movement in Russia]. Available at: http://yro.narod.ru/zaschitim/ filosofia.htm (1.04.2016)
7. Handlungen, Sprechakte, sprachlich vermittelte Interaktionen und Lebenswelt // Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsaetze. FaM., 1988. P. 63.
8. M. K. Soboleva *K koncepcii filosofii yazyka YUrgena Habermasa* [To the concept of the philosophy of language Jürgen Habermas] // *Logos* - Logos. 2002. No. 2. Pp. 97-119.
9. Patrick Curry, Ecological Ethics (Polity, 2006). Per. V. Postnikov. 2009. Available at: https://www.proza.ru/2009/06/10/1056 (date of access 1.12.15)
10. Moiseev N. N. *Sovremennyj antropogenez i civilizacionnye razlomy. EHkologo-politologicheskij analiz* [Modern anthropogenesis and civilizational fault lines. Environmental and political analysis] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 1995, No. 1, pp. 3-30.

УДК 141.319.8:130.2

И. П. Лобанкова

Предметно-энергийные аспекты индоиранской культуры протогорода Аркаим

В статье рассматривается индоиранская культура жителей протогорода Аркаим в рамках концепций взаимодействия предметной и энергийной сторон человеческого бытия А. Б. Невелева и антропологии размыкания С. С. Хоружего, где направленность человека к иноприродному бытию выражена через энергийный поток, достигающий пределов сознания, существования, опыта. За основу исследования взята гипотеза связи культуры Аркаима и индоарийских священных текстов Ригведы. Показано, что энергийная насыщенность бытия человека аркаимской культуры возрастает по мере уменьшения его предметной определенности через предельное антропологическое размыкание в бытии и постижение единства мира, что приводит к вспышке экстаза бытия.

The Indo-Iranian culture of inhabitants of the prototown Arkaim is considered within the A. B. Nevelev's concept of an interaction of subject and energy parties of human being and within the S. S. Horugy's concept of the sinergiyny anthropology of disconnection where the person's orientation to another being is expressed through the

© Лобанкова И. П., 2016

energiyny stream reaching limits of consciousness, existence and experience. The hypothesis of communication of Arkaim's culture and Indo-Aryan sacred texts of Rigveda is taken as a basis of research. It is shown, that the energiyny saturation of a human being of the Arkaim culture increases in the process of reduction of its subject definiteness through limit anthropological disconnection in the being and through comprehension of world's unity that leads to a flash of the being's ecstasy.

Ключевые слова: энергийность, трансценденция, антропология размыкания.

Keywords: energiynost, transcendental world, anthropology of disconnection.

Аркаим – протогород эпохи бронзы (XXI–XVIII вв. до н. э.), открытый археологами в степях Зауралья, представляет собой два кольца оборонительных сооружений площадью 20000 м^2 из сырцовых блоков и дерева, два кольца жилищ, круговую улицу, в центре – площадь. Город опоясан рвом и рекой.

На Южном Урале обнаружено два десятка таких протогородов, названных «Страна городов», их относят к синташтинской археологической культуре, связывают с ранними индоиранцами – степными скотоводами эпохи бронзы [1].

Среди разных теорий прародины индоиранцев наиболее обоснована *степная теория* – это локализация прародины индоиранцев в евразийских степях и их последующая миграция оттуда в Среднюю Азию, Индию и Иран. Параллели культуры Аркаима и Ригведы и Авесты проводили многие ученые, но наиболее аргументирована концепция Е. Е. Кузьминой, сопоставившей индоиранские тексты с археологическими культурами Древнего мира II тыс. до н. э. и сделавшей вывод, что «наиболее вероятные предки ариев – создатели памятников Синташта-Аркаим» [2]. Исходя из гипотезы степной прародины индоиранцев, Ригведа (XV–XII вв. до н. э.) может служить косвенным источником для реконструкции предметно-энергийных аспектов культуры Аркаима.

А. Б. Невелев, исследуя взаимодействия предметной и энергийной сторон бытия человека, выделяет в культуре «четыре группы форм: орудия, символы, знаки, универсалии. В орудийном мире персональная идентичность предметна в вещах, в символическом – в образах, в знаковом – в словах, в универсально-знаковом – в категориях. Энергийная сторона бытия связана с деятельностью человека его энергией захваченности (любви), и чем меньше предметная определенность бытия человека, тем больше его энергийная насыщенность» [3].

С. Хоружий в концепции синергийной антропологии рассматривает направленность человека к иноприродному бытию как энергийному потоку. «Принцип энергийности означает, что дескрипция антропологической реальности ведется в дискурсе энергии, бытия-действия… в предельных антропологических проявлениях имеет место антропологическое размыкание человека, соприкасающееся с Иным, то есть выступание за собственные замкнутые пределы, делание себя открытым, достижение пределов горизонта сознания, опыта.

Размыкание присутствует в духовных практиках йоги "Йога-сутрах" Патанджали, где Ишвара – Абсолют, а устремление к нему и связь с ним есть предельное антропологическое размыкание человека в бытии. Трансформация человека в йоге направлена на достижение иного бытия и собственной природы, основана на методе и духовной традиции, которая антропологична» [4] .

Применим философскую предметно-энергийную концепцию А. Б. Невелева и концепцию синергийной антропологии С. С. Хоружего, обратившись к исследованиям индоиранских источников – Ригведы и артефактам Аркаима.

Религиозно-философские школы в индийской литературе – *даршаны* – «видение истины», «внутреннее духовное зрение» – это интеллектуальная ясность систем умозрения и озарение ума светом откровения, рациональный образ реальности и интуитивное прозрение.

Основные понятия древнеиндийской философии присутствуют уже в Ведах (санскр. veda – «священное знание», вторая половина II – начало I тыс. до н. э.). Веды существовали и передавались изначально в устной форме.

Веды относят к священной литературе *шрути* (букв. «слышание», которое по иератической этимологии отождествляется с «видением» священных гимнов мудрецами – *риши)*. Литература *шрути* считается «богооткровенной», т. е. полученной от богов, к ней также относятся брахманы, араньяки, упанишады.

Индийский философ С. Радхакришнан считает, что «религиозно-философская система Древней Индии соответствует трем ступеням развития религии в понимании Гегеля: гимны Ригведы – творения поэтов (природа), брахманы – жрецов (закон), упанишады – философов (дух). Гимны Ригведы пытаются философски объяснить тайны мира посредством разума» [5], но «знание» начальной ведийской религии не дискурсивно и нерационально, оно получается изнутри

человека, всегда формально, ориентировано на субъект и безразлично к его деятельности, культ является содержанием религии, а знание – ее формой.

Именно через культ, направленный на постижение иноприродного бытия, посредством энергийного потока, достигающего пределов сознания в моменты возвышенного экстаза, получены эти знания на языке поэзии и мифа.

Первоначальные представления об идеализированном экстазе приведены в первоисточнике индоарийской духовной традиции, сборнике гимнов богам – Ригведе, где созерцание божественного света – священный акт религиозного обряда, совершаемого авторами гимнов, поэтами и провидцами – *риши* (букв. «вдохновленные»), через которых раскрывается значение священных гимнов. Поэт Ригведы – носитель мудрости – просит богов о просветлении и раскрытии божественной истины, которую боги открывают путем озарения.

Переводчик Ригведы Т. Я. Елизаренкова считает, что «ведийские поэты были визионерами, они “видели” истину, и глагол dhi, описывающий творчество *риши*, значит одновременно “видеть” и “думать”, а корневое существительное dhi f. означает “видение”, “мысль”, “мудрость”. В Ригведе “видеть” – синоним “постигать истину” внутренним “видением”» [6]. Язык ведийских гимнов тайный, сокровенный, многозначный, соединяет в одном образе несколько смыслов, полон украшений, доступен только посвященным и богам.

В. В. Останин, анализируя антропологию Ригведы в метафизическом и экзистенциальном ракурсах, приходит к выводу: «В Ригведе человек, стремясь к счастью и не замечая страдания, не выходит за рамки мирового пространства, осуществляется “в мире”, не претендуя на прорыв к Трансцендентному. Взаимоотношения человека с богами интенсивны, но внешни; боги растворены в реальности единого Абсолюта, человек встроен в гармонию макрокосма» [7].

Но на наш взгляд, прорыв в Трансцендентный мир избранных лиц, наделенных особой природой внутреннего «видения», в моменты «возвышенного состояния», когда сила духовного переживания заслоняет предметность обыденного мира, был и в эпоху Ригведы, поскольку стремление слышать Бога, слиться с ним, действовать «из истоков», руководствуясь необходимостью, связанной с универсумом, было всегда, разными были методы и степень.

Философские идеи встречаются и в Ригведе, особенно в последней, десятой мандале, но сама философия начинается с упанишад, созданных в I тыс. до н. э. (букв. «сидение у ног учителя» для постижения сокровенного знания).

Упанишады придали религии вед моральный характер, подчеркивая монизм ведийских гимнов, перемещая центр от внешнего мира к внутреннему. В Упанишадах йога ещё не та, что йога Патанджали, она только начинает развиваться как осознанное внутреннее проникновение и стремление к истинному познанию действительности, созерцание и сосредоточение, эта попытка вызвать транс предполагает реализацию абсолюта, свободы от вещей эмпирической жизни, где чувства, разум и интеллект в бездействии.

Йога освобождает человека от материи, высшая форма которой – *читта* (в йоге Патанджали совокупность когнитивных, волевых, аффективных форм психической деятельности, в динамическом аспекте, т. е. вся психика, включая волевые и неосознанные импульсы). Но в гимнах Ригведы нет йогинов в состоянии *самадхи*, когда связь с внешним миром нарушена, пока там только описания экстаза от жертвоприношения, пения гимнов, действия сока *сомы*, когда небесный мир представлен во всей славе. А устремление человека к Трансцендентному происходило во времена Ригведы через игру-экстазис *брахмодья* (санскр. «говорение о брахмане») – словесный *агон*, ритуальное состязание поэтов-жрецов во время торжественных жертвоприношений, «игра в священное знание» в виде вопросов на мировоззренческую и онтологическую тему о тайнах мироздания и своем месте в мире и ответов на них, победители которой получали призы. «Награда – знак “доблести”. Символ внешней награды – венок, образ – венец – связь с космологической сферой и творением мира. Главный стимул к созданию “нового” гимна – духовное обновление поэта» [8]. Брахмодья проводилась в церемонии *ашвамедха* – торжественном жертвоприношении коня в ритуале перехода от старого года к новому.

Участники ведийской «состязательной» мистерии поединка Индры со своим противником, приуроченной к главному годовому ритуалу за частным, видели общее, сверхэмпирическое (хотя в эмпирической сфере проявляющееся), относящееся к высокому плану организации жизни человека в мире, к связи божественного и человеческого. Победа в поединке и состязании означала для них успех, понимаемый как временное преодоление энтропической тенденции, как новое, эктропическое движение к новому состоянию человека в мире, как просвет в неопределенности и угрожаемости бытия, как информационный прорыв, откровение доселе сокрытого. В Ригведе такая установка отражена в мифе творения и организации мира, актуализируемом в годовом ритуале [9].

В Ригведе через мимезис реализуется потребность подражания богам. Риши сознавали и себя демиургами, воин в колеснице – Индрой. Так, люди, проходя в ритуале через все игровые типы (экстазис, агон, мимезис), не утрачивая способности к самоидентификации, устремлялись к Трансценденции.

Ведийские арии были уверены в творящей силе Слова и необходимости правильно произносить и распевать мантры и гимны. Э. В. Третьякова отмечает сакральный смысл алфавита санскрита: «С пробуждением Вселенского Творческого Начала произнесение звука стало возможным. Звук – проявление силы потока энергии. В микрокосме человека те же процессы, что во Вселенной. Слово и звук лежат в основе Вселенной и человека. Человек – символ Вселенной. В символичной структуре санскрита выражена иерархия звука, представлены силы, символически описаны процессы эволюции сознания, строение Космоса и человека» [10]. Энергия в виде звука, вибрации, названная Богом, создала космос, материальную вселенную и наш мир, она связывает всю материю вселенной. В мифах Ригведы отражено энергоинформационное взаимовлияние Космоса и человека: *«Даже крепкие твердыни отцы наши Ангирасы проломили гимнами, скалу – ревом, создали проход к высокому небу, установили вселенский закон, привели в действие его силу прозрения» (РВ Мандала 1.71).*

Динамика взаимодействия предметной и энергийной сторон бытия человека аркаимской культуры, исходя из гипотезы ее связи с Ригведой, выглядит следующим образом: орудийный мир аркаимской культуры представлен археологическими артефактами; символический – образами индоиранской традиции (планировка городища в форме круга – архетипа авестийской вары, индоарийской мандалы, колеса Мирового Закона; гора в центре округа – Мировая Ось; печь-колодец – модель мира, где плавили металл и поклонялись богу Агни; булава – символ духовной власти и др.), знаковый – индоиранским языком, позже запечатленным в символической структуре санскритского алфавита, универсально-знаковый – философскими категориями («сат» – «сущее»).

Энергийная сторона бытия человека аркаимской культуры связана с деятельностью служителей культа и их энергией восхождения на вершину абстракции бытия, где они, общаясь с богами, были связаны со всем миром в экстазе идеализированной энергии любви. Энергийная насыщенность бытия человека аркаимской культуры возрастает по мере уменьшения его предметной определенности, приводит к мощной фокусировке энергии любви, вспышке экстаза бытия и Духа, идентичность с которым преобразует человека.

Примеры трансформации предметного бытия в энергийное – торжественное жертвоприношение коня (нескольких лошадей) на церемонии *ашвамедха,* или сожжение Аркаима перед уходом жителей – форма *потлача*, когда имущество не дарили, а разрушали – высшая форма траты – жертвоприношение богам и предкам. В идее сжигания и возрождения Аркаима можно проследить процесс накопления порядков энергийности (цикл самой деятельности), когда цель, средство, предмет реализуются и сливаются в продукте, а потом продукт возвращается в новый акт деятельности и становится либо целью, либо средством, либо предметом нового акта деятельности.

Происходит накопление и предметной стороны артефактов (предметные слои раскопок) и энергийности (формы деятельности). Но накопление начинается в другой точке и форме, так как носители энергийности (пассионарии) сожгли Аркаим и ушли, унеся в себе предметное бытие деятельности, ликвидировав лишь ее артефактную орудийную сторону, а форма деятельности осталась, была перенесена и сохранилась на новом уровне. Так, в Аркаиме реализована идея бытия формы в артефакте, деятельности и в мысли.

Возвращаясь на пепелище, человек строит снова, но с другого уровня, так как у него есть генетическая память, зафиксированная в архетипах, мифах. Это опыт отрыва от предметности, который в Аркаиме выражен через сжигание. Возможно, что иного пути для реализации идеи сбрасывания тогда не было.

Артефакты указывают на древнеарийский обряд «Ашвамедха» (жертвоприношение священного коня) – таинство индоевропейцев степной Евразии, динамика культуры которого отражена в ведийской культуре, скифском и кочевом мире Средневековья. В этом таинстве отражено энергийное мировосприятие древних ариев, подтверждающее закономерность обратного отношения предметной и энергийной сторон бытия человека, выявленную А. Б. Невелевым.

Жертвенный конь – символ тела (формы) Праджапати (Творящий принцип, универсальный безличный Абсолют), он единосущностен с Праджапати, а значит, сказанное коню есть сказанное Праджапати. Это есть мистическое приобщение не как символ высшей реальности, а как проявление самой этой реальности, так же как колесница – не символ Солнца, она и есть само Солнце, и каждая гора, каждый алтарь находятся в центре Мира.

И жертвователь, отождествляя себя с жертвой, а через нее с Абсолютом, сбросив тяжелую предметную форму как относящееся, осознав внутри себя внутренний взрыв, удержал в себе эту энергийную мощь.

Философско-методологическая реконструкция культуры Аркаима позволила предположить, что у служителя культа, сбросившего во время ритуала всё относящееся, выявив сущностные предметные отношения, расковав свой предметный мир, могла произойти могучая кумуляция энергии, и он, осознав себя свободным от предметности артефакта (телег, лошадей), мог через деятельность выйти на уровень мысли, представить отношение (конь – Праджапати, колесница – Солнце) и начать творить на уровне Бога, выходя на божественный, трансцендентный уровень, осознав себя могучим, деятельным существом, готовым свернуть горы, так как ни одно относящееся его не сдерживает.

Направленность (интенциональность) к трансцендентному иноприродному бытию, сердечная открытость и незамкнутость сознания аркаимских и ведийских мудрецов – *риши,* наделенных особой природой внутреннего «видения», выражена через энергийный поток, достигающий пределов сознания и существования в моменты возвышенного экстаза при общении с богами.

Так, открытое сердце и идеализированный экстаз энергии любви были неотъемлемым качеством обладающих духовным прозрением ариев Ригведы и их предков аркаимцев. Древние мудрецы умели пользоваться сердцем как духовным органом «мудрого делания», осуществляя энергообмен с Высшим через предельное антропологическое размыкание в бытии, постигали единство мира, утвердив приоритет духовных ценностей над материальными, и обретя высшее согласие через экстатическую вспышку энергии духовной любви, становились местом Бытия, Блага, Истины, Красоты и Духа.

Примечания

1. *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 54–62.

2. *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.

3. *Невелев А. Б.* Бытие человека: диалектика предметности и энергийности // Вестник Челябинского гос. университета. 2012. № 15. С. 30–34.

4. *Хоружий С. С.* «Бывают странные сближенья»: Патанджали, Палама, Кьеркегор как предтечи антропологии размыкания. URL: http: //vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=315&Itemid=52

5. *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 1. М.: Миф, 1993. 624 с.

6. *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука. 1989. 767 с.

7. *Останин В. В.* Антропология классической веданты: автореф. дис. … канд. филос. наук. Барнаул, 2009. – 19 с.

8. *Топоров В. Н.* Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. М.: РГТУ, 2012. 216 с.

9. Там же. С. 25.

10. *Третьякова Э. В.* Посланник из вечности. URL: http://www.delphis.ru/journal/article/poslannik-iz-vechnosti

Notes

1. Zdanovich G. B, Batanina I. M. "The country of the cities" – the strengthened settlements of an era of bronze of the XVIII-XVI centuries BC in South Ural //Arkaim: Researches. Searches. Opening. – Chelyabinsk, 1995. P. 54-62.

2. Kuzmina E. E. Arias – the way to the south – M: Summer garden, 2008 – 558 p

3. Nevelev A. B. Being of the person: dialectics of concreteness and energiynost //Bulletin of the Chelyabinsk state university. 2012. № 15. – Page 30-34.

4. Horuzhy S. S. "There are strange rapprochements": Patandzhali, Palam, Kierkegaard as forerunners of anthropology of disconnection // of http: //vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=315&Itemid=52

5. Radkhakrishnan S. Indian philosophy. In 2 t., V.1. – M.: Myth, 1993. – 624 p.

6. Elizarenkova T. Ya. Rigveda is great beginning of the Indian literature and culture / Rigveda. Mandalas of I-IV. – M.: Science. 1989. – 767 p.

7. Ostanin V. V. Antropologiya of classical Vedanta: autoreferat dissertation of candidate doctor of philosophy sciences. – Barnaul, 2009. – 19 p.

8. Toporov V. N. Pindar and Rigveda: Pindar's anthems and Vedic anthems as basis of reconstruction of Indo-European gimnov y tradition. – M.: RGTU, 2012. – 216 p.

9. Ibid.

10. Tretyakova E. V. The envoy from eternity // http://www.delphis.ru/journal/article/ poslannik-iz-vechnosti

УДК 130.2

Е. Б. Хромова

Ещё раз о преподавании философии в техническом вузе

Бытует мнение, что предметы гуманитарного цикла являются лишними в учебных планах вузов, готовящих кадры для технических отраслей промышленности. Но, по мнению автора статьи, высшее образование потому и называется высшим, что выпускники вузов должны иметь не только узкопрофессиональную подготовку, но и стать всесторонне развитой личностью. Без изучения дисциплин гуманитарного цикла представляется невозможным приобщить студентов к духовному опыту человечества. Важнейшая роль в этом приобщении может принадлежать философии. Именно эта дисциплина, по мнению многих специалистов, призвана сформировать культуру мышления студентов, отвечая требованию гуманизации и гуманитаризации в системе современного высшего образования.

There is an opinion that the humanities are unnecessary for the curricula of the universities which train professionals for technical branches of industry. Nevertheless the author of this article believes that higher education presupposes the acquisition of both specific professional skills and general competencies, which contribute to the overall development of a versatile personality. It is impossible to introduce students to the spiritual experience of mankind without the study of the humanities. Many researchers state that philosophy is the study that can form the students' skills of thinking and reasoning, meeting the requirements of humanization and humanitarization processes in the system of modern higher education.

Ключевые слова: гуманитарные дисциплины, гуманизация и гуманитаризация, мыслящая личность, философская культура мышления.

Keywords: the humanities, humanization and humanitarization, a thinking personality, philosophical thinking skills.

В связи с реформами в области образования с новой силой зазвучали споры «физиков» и «лириков»: нужны ли гуманитарные науки специалистам точных наук? Иначе говоря, целесообразно ли осуществлять в технических учебных заведениях преподавание наук гуманитарного цикла. «Физиками» активно продвигается тезис о том, что гуманитарные дисциплины, в частности философия, не являются необходимыми в учебной программе специалистов по естественным и техническим наукам. Поэтому предлагается вывести из учебных планов философию, историю, эстетику и т. п. предметы, оставив только сугубо профессиональные дисциплины, направленные на подготовку квалифицированных специалистов в той или иной сфере деятельности. Но не будем забывать, что столь утилитарный подход неприемлем в современных условиях, когда образование должно служить инструментом культурного наследия, обеспечения национально-культурной идентичности. И рассуждения по поводу того, что философия бесполезна и даже вредна для молодых инженеров являются не более чем «смесью демагогии и дремучего невежества» [1].

Первостепенная задача высшего образования – подготовка высококвалифицированных кадров для промышленности, социальной сферы, институтов государственной службы. Именно эти кадры рано или поздно становятся политической, экономической, культурной элитой. Высшему образованию отведена «роль социального лифта, обеспечивающего вертикальную мобильность» [2]. Действительно, не секрет, что молодые люди, поступающие в вузы, стремятся прежде всего получить престижную профессию, позволяющую в дальнейшем достойно зарабатывать на жизнь. Но представляется, что не только эта прагматическая цель приводит их в университеты. Формирование высокообразованных специалистов, получающих наряду с профессиональными знаниями и разносторонние знания в области культуры, законов общества и общения, является, несомненно, более значимой целью. Ведь качество образования, воспитание всесторонне развитой личности – это и фактор духовной самобытности страны. Образование, тем более высшее, должно обогащать и внутренний, духовный, мир человека, приобщая его к мировому культурному наследию. Поэтому будущему инженеру без серьёзной гуманитарной подготовки не обойтись. Именно поэтому так настойчиво ведётся речь о том, что гуманитаризация образования вообще,

© Хромова Е. Б., 2016

но особенно технического, является приоритетной задачей российской высшей школы. Концепция гуманизации и гуманитаризации может включать в себя следующие положения:

– комплексный подход к проблемам гуманизации образования, предполагающий поворот к целостному человеку и целостному человеческому бытию;

– гуманные технологии обучения и воспитания обучающихся;

– обучение на границе гуманитарных и технических сфер (материального и духовного, техники и экологии; технологии и общества и т. д.);

– междисциплинарность;

– функционирование цикла социально-гуманитарных дисциплин в вузе как фундаментального, исходного образовательного и системообучающего;

– преодоление стереотипов мышления, утверждение гуманитарной культуры [3].

Поскольку гуманитаризация образования предполагает расширение перечня гуманитарных дисциплин и углубление интеграции их содержания для получения системного знания, то здесь особая роль по праву должна принадлежать преподаванию философии. Применительно к процессу образования вообще преподавание философии как раз и отвечает требованиям «очеловечивания» процесса образования, его гуманизации и гуманитаризации. Хороший специалист – это замечательно, но если это бездуховный, безнравственный специалист, то это уже угроза для общества. Философии как интегральной форме знаний об обществе, человеке, культуре принадлежит решающая роль в создании системы современного образования, призванного сформировать и гражданина, и специалиста. Вспомним, что настоящая наука всегда была связана с философией; ею было стимулировано множество научных идей и теорий. Исторически сложилось так, что конкретные науки, возникнув первоначально в лоне философии, постепенно отделились от неё, начав самостоятельное движение. Значит, логика развития науки подсказывает: программы вузов любого профиля должны быть увязаны с историей мировой мысли, с историей становления современного знания. Если же будущий специалист сосредоточен сугубо на внутридисциплинарных проблемах, есть сомнение в его творческом отношении к своей будущей деятельности. «Приобщение молодого профессионала к философской культуре позволяет сделать из узкого специалиста новатора. Любое профессиональное знание должно быть одухотворено философским осмыслением» [4]. В данном контексте возникает вопрос о «профессиональной ориентации» философской проблематики курса. Следует обращать внимание студентов на те аспекты философской проблематики, которые отвечают характеру и специфике их будущей специальности. Ведь средством формирования и развития навыков познавательной деятельности философия может легче стать в том случае, если демонстрирует свои методологические возможности на материале профилирующих дисциплин. Следовательно, будущему физику нет необходимости слишком долго штудировать эстетику Э. Канта, а остановиться подробнее, к примеру, на изучении концепции пифагорейцев, атомистической теории Демокрита. В свою очередь, студенту консерватории будет полезно углубиться в историю философско-эстетических учений [5]. Здесь необходимо сказать и об определённой «профессиональной ориентации» преподавателей, работающих со студентами различных специальностей. Представляется полезным ознакомиться с историей, проблематикой, достижениями и перспективами соответствующих областей знания.

Как правило, «философствование» в техническом вузе ограничивается изложением фактов истории философии, кратким знакомством с учениями знаменитых философов, основными направлениями и концепциями. Согласны с мнением В. Кузнецова, что организация философского образования должна быть больше похожа на творческую мастерскую или на исследовательскую лабораторию, «где ценится только квалификация и мастерство, демонстрируемые здесь и сейчас, для решения здесь и сейчас возникающих и обсуждаемых проблем» [6]. Преподавателю, будучи знатоком философской традиции и технологий философского мышления, нужно попытаться стимулировать философскую мысль студентов. Например, спровоцировать в условиях такой мастерской серьёзную дискуссию, поставить студентов в проблемную ситуацию, для выхода из которой им придётся обратиться к традиции философского знания; это довольно непросто, но в результате возникает устойчивая внутренняя мотивация к обучению, приобретаются знания. Важным представляется то, что в процессе приобщения к философии как кладези духовного опыта человечества студент не только получает определённую сумму знаний и социального опыта, но и овладевает навыками философствования как способа и метода миропознания. Преподавателю необходимо выявить в развитии философской мысли культуру этого миропонимания, приобщая студентов к оригинальным философским текстам, к анализу проблемных ситуаций, запечатлённых в мировой философской мысли. Философия всегда стремилась к объяснению происходящих в обществе изменений с целью укрепления человеческого духа перед лицом пу-

гающих изменений окружающего мира. Тем более перед лицом последствий научно-технического прогресса, ставящих под угрозу само существование цивилизации.

Рассматривая философию вслед за Гегелем как «упражнение для мышления», подчеркнём, что именно философия способствует формированию личности, стремящейся постоянно усваивать новые знания, умеющей адаптироваться к новым научным и информационно-техническим парадигмам. «Сделать содержательное доступным для понимания, охватить его определёнными мыслями, понять и уберечь тем самым от печальных заблуждений должно быть делом философии» [7]. Если современные СМИ, имеющие в своём арсенале различные манипулятивные техники, способны подчинить сознание человека, прививая ему определённые вкусы, внушая те или иные ценности, то в этой ситуации именно философия «заставляет человека задуматься над смыслом и ценностями своего существования, именно она очерчивает для него основные контуры мира культуры, в который вписываются история, литература и искусство, именно она говорит ему о том, что добро и красота не менее важны для жизни, чем истина» [8]. Конечно же, технические дисциплины делают студента специалистом, но философия и гуманитарные дисциплины формируют мыслящую личность, творца собственной жизни и настоящего гражданина своей страны.

Выпускник высшего учебного заведения, приступая к осознанной профессиональной деятельности, должен уметь правильно, рационально выбрать цель и подобрать соответственно эффективные средства для осуществления различных видов деятельности. Поэтому мысли о важной роли философии в формировании критического рационального мышления придерживается крупнейший специалист в области теории познания и философии науки, главный редактор журнала «Вопросы философии» В. А. Лекторский. В условиях возникающего «общества знания» именно философия призвана служить развитию способностей к критическому и рефлективному мышлению в системе образования. Именно эта дисциплина более, чем какая-либо другая, «раскрепощает мышление, позволяет поставить под вопрос то, что считается само собой разумеющимся. При этом речь идёт не о преподавании философских концепций и изучении философских произведений, а о приобщении к философскому мышлению» [9]. Интересно предложить учащимся обсуждение проблем, не имеющих общепринятых решений. В ходе спора, подобного сократическому диалогу, его участники задают друг другу вопросы и отвечают на них, выдвигая аргументы и контраргументы. Таким образом, участники диалога прежде всего приобретают умение аргументированно рассуждать, выдвигать гипотезы, предлагать нетривиальные решения, иными словами, у них формируется критическое рациональное мышление. Здесь трудно переоценить роль преподавателя, умеющего организовать диалог, стимулируя и направляя дискуссию, формулируя вопросы, не предполагающие однозначных ответов.

Поддерживает мысль об обязательном преподавании философии и известный философ и переводчик Н. С. Автономова. В одной из своих статей, делясь личным опытом преподавания во французском университете, она приходит к убеждению, что «между преподаванием философии и развитием гражданского сознания, а также умением мыслить есть соответствие. Философами становятся не все, но число людей, имеющих минимальные гражданские навыки и концептуальные умения (способных, например, сформулировать свой вопрос и добиться ответа, не позволяя себя сбить с толку), оказывается выше там, где людей с малолетства учат отделять интеллектуальное суждение от эмоционального восприятия… А научиться читать мысли много сложнее, чем научиться читать буквы» [10]. Необходимо научить студентов внимательно вчитываться в текст, стремиться проанализировать и понять чужую мысль, прежде чем выносить своё суждение о чём-либо.

По мнению И. М. Меликова, специфика и сложность преподавания философии в том, что её трудно назвать наукой в полном смысле слова [11]. Ведь если истинность научных постулатов может быть доказана тем или иным способом, то не все философские постулаты принимаются безоговорочно всем философским сообществом. Каждое философское течение излагается как определённый способ миропонимания, не претендующий на универсальность, но позволяющий по-новому увидеть какой-либо аспект изучаемой реальности. Являясь определённой теоретической системой, философия основывается на определённых положениях, которые вырабатываются на основе внутренних индивидуальных переживаний. Поэтому философию невозможно выучить, как точные науки, её необходимо понять. А понять можно только то, что нашло отклик в душе, что стало достоянием внутреннего мира. За счёт опыта рефлексии, полученного на занятиях по философии, студенты постигают способность овладевать знаниями на уровне методологии, что способствует, безусловно, более полной самореализации студентов в их учебно-познавательной деятельности. Говоря о соотношении потока знаний, вкладываемых в студентов, и развитии их научно-творческого потенциала, хочется привести очень выразительную, на наш взгляд, ци-

тату: «Студент – не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь!» [12]. Способность самостоятельно добывать новые знания на основе изучения знаний, накопленных человечеством, представляется одной из основных компетенций как в общекультурном плане, так и в научно-исследовательской, производственной и других видах деятельности выпускника вуза. Поэтому цель преподавания философии видится в выработке культуры мышления, умения философски подходить к решению многих профессиональных, а также жизненных проблем.

Подводя итог, подчеркнём ещё раз, что преподавание философии как нельзя лучше соответствует реализации задач гуманизации и гуманитаризации высшего технического образования, которые призваны сформировать социально-культурную личность, способную противостоять тенденциям дегуманизации современного техногенного общества.

Примечания

1. *Никифоров А. Л.* Философия в системе высшего образования // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 17–23.

2. *Вахитов Р.* Высшее образование в России: образовательный раздаток // Логос. 2013. № 3. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_03/11.pdf (дата обращения: 04.12.2015)

3. Гуманизация и гуманитаризация образования в высшей школе. URL: http://www.psichology.vuzlib.org/book_o350_page_8.html (дата обращения: 07.12.2015)

4. *Томалинцев В. Н.* Место философского знания в гуманитарной подготовке специалиста. URL: http://lib.co.ua/philosophy/ivanovaaa/ istorijafilosofiikakdeystvitelnost.p02.jsp (дата обращения: 08.12.2015)

5. Там же.

6. *Кузнецов В.* Философия преподавания философии. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/ article_full.php?aid=161&binn_rubrik_pl_articles=76 (дата обращения: 04.11.20115)

7. *Гегель Г. В.* О преподавании философии в университетах. URL: http://hegel.ru/prepod_univ.html (дата обращения: 04.12.2015)

8. *Никифоров А. Л.* Указ. соч.

9. *Лекторский В. А.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26–34.

10. *Автономова Н. С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 11.

11. *Меликов И. М.* Преподавание философии: опыт осмысления. URL: http://filos-club.ru/autor/ melikov/prepodavanie_filosofii/ (дата обращения: 06.12.2015)

12. Там же.

Notes

1. Nikiforov A. L. *Filosofiya v sisteme vysshego obrazovaniya* [Philosophy in higher education] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2007, No. 6, pp. 17-23.

2. Vakhitov R. *Vysshee obrazovanie v Rossii: obrazovatel'nyj razdatok* [Higher education in Russia: educational handout materials] // *Logos* - Logos. 2013, No. 3. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_03/11.pdf (date accessed: 04.12.2015)

3. *Gumanizaciya i gumanitarizaciya obrazovaniya v vysshej shkole* - Humanization and humanitarization of education in higher schools. Available at: http://www.psichology.vuzlib.org/book_o350_page_8.html (reference date: 07.12.2015)

4. Tomalintsev V. N. *Mesto filosofskogo znaniya v gumanitarnoj podgotovke specialista* [The place of philosophical knowledge in the humanitarian training of the specialist]. Available at: http://lib.co.ua/philosophy/ ivanovaaa/ istorijafilosofiikakdeystvitelnost.p02.JSP (date accessed: 08.12.2015)

5. Ibid.

6. Kuznetsov V. *Filosofiya prepodavaniya filosofii* [Philosophy of the Philosophy of teaching]. Available at: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=161&binn_rubrik_pl_articles=76 (date accessed: 04.11.20115)

7. Hegel G. W. *O prepodavanii filosofii v universitetah* [On the teaching of philosophy in universities]. Available at: http://hegel.ru/prepod_univ.html (date accessed: 04.12.2015)

8. Nikiforov A. L. Op. cit.

9. V. A. Lektorskiy *Racional'nost' kak cennost' kul'tury* [Rationality as value of culture] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2012, No. 5, pp. 26-34.

10. Avtonomova N. C. *Zametki o filosofskom yazyke: tradicii, problemy, perspektivy* [Notes on the philosophical language: traditions, problems, perspectives] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 1999, No. 11.

11. I. M. Melikov *Prepodavanie filosofii: opyt osmysleniya* [Teaching philosophy: the experience of understanding]. Available at: http://filos-club.ru/autor/melikov/prepodavanie_filosofii/ (accessed: 06.12.2015)

12. Ibid.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (498)

М. А. Росина

Эволюция политики США в отношении Румынии в 1944–1949 гг.

Румынский вопрос стал неотъемлемой частью генезиса холодной войны. Планы и действия Вашингтона в отношении Румынии в значительной степени выразили идейную и практическую эволюцию политики США в 1944–1949 гг. в направлении признания конфронтационной модели взаимодействия с государствами, подконтрольными СССР.

В статье исследуется изменение позиции США по румынскому вопросу на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы. Автор предлагает собственную периодизацию политики США в отношении Румынии в 1944–1949 гг. и приходит к выводу, что противодействие США установлению советского политического доминирования в Румынии было малоэффективным.

Romanian question was one of important part of the genesis of the «cold war». Washington's plans and actions toward Romania is expressed ideological and practical evolution of US policy in the 1944–1949 in the direction of recognizing the confrontational model of interaction with the states controlled by the USSR.

The article examines the changing US position on the Romanian problem in the final stages of the war and in the early postwar years. The author offers his own periodization of US policy toward Romania in the 1944-1949 and concludes that the US resistance to the establishment of the Soviet political dominance in Romania was ineffective.

Ключевые слова: внешняя политика США, Румыния, холодная война, биполярная конфронтация, международные отношения, советизация Румынии.

Keywords: foreign policy of the United States, Romania, the "Cold war", bipolar confrontation, international relations, the Sovietization of Romania.

В годы Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки покончили с изоляционизмом и начали принимать активное участие в международной политике. Идейной основой планирования послевоенного миропорядка была концепция Ф. Рузвельта, ориентированная на утверждение во всём мире либеральных ценностей, режима равных возможностей, при котором будет затруднено возникновение новых очагов напряженности [1]. Важнейшими задачами становились широкое внедрение принципов свободной торговли и предотвращение возникновения особых зон влияния великих держав.

Глобальный характер американских планов, условия продолжающейся войны, необходимость учёта интересов союзников препятствовали осуществлению детальной проработки механизмов воплощения рузвельтовской концепции в жизнь. Существенное влияние на мировую политику в ходе войны приобрела позиция Советского Союза и непреклонность его намерений в обеспечении своих национальных интересов. Румыния стала одной из первых стран, пример которых продемонстрировал сложность практической реализации рузвельтовских проектов.

Румыния занимала важное место в концепции советской безопасности и должна была стать одним из буферных государств между СССР и капиталистическими странами Европы. К концу Второй мировой войны это объяснялось необходимостью защиты от германской угрозы, однако в действительности имело под собой и другую причину. Памятуя о глубокой антипатии Великобритании и США к советскому государству в межвоенный период, Кремль стремился упрочить свои позиции в приграничной Румынии, где они были довольно слабыми. К моменту выхода из войны ни численно, ни организационно РКП не представляла собой влиятельной политической силы. Ещё в начале 1944 г. в записке заместителя наркома иностранных дел СССР И. М. Майского по вопросам будущего мира и послевоенного устройства отмечалось, что с этой страной обяза-

© Росина М. А., 2016

* *Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.*

тельно должен быть заключен долгосрочный двусторонний пакт о взаимопомощи с предоставлением Советскому Союзу военно-воздушных и морских баз на её территории [2].

Вопрос о том, существовал ли у СССР детально разработанный план относительно советизации Восточной Европы, сохраняет научную актуальность и дискуссионный характер. После того, как восточноевропейские страны приняли советскую систему, руководство США посчитало, что произошедшие преобразования были запланированы Кремлем изначально.

В исследовании румынского историка Д. Добринку утверждается, что в марте 1945 г. эмиссарам Управления стратегических служб (УСС) в Бухаресте поступила информация о существовании детально разработанного проекта коммунизации Румынии [3]. Он содержал 10 позиций, которые предусматривали: 1) захват помещичьих имений и ликвидацию их владельцев; 2) уничтожение мелких фермерских хозяйств с целью создания крестьянских колхозов; 3) создание армии подавления и подразделений из румынских заключенных по модели Советского Союза; 4) отречение короля и изгнание его семьи; 5) экспорт румынских товаров преимущественно в Советский Союз; 6) ликвидацию банков, принадлежавших в основном либералам; 7) борьбу с «историческими» партиями, аресты, убийства и похищения членов семей оппозиционеров; 8) создание полицейской организации, основанной на народной милиции; 9) индустриализацию страны; 10) запрет въезда в Румынию иностранцев за исключением граждан СССР и лиц, принадлежащих к соцстранам [4].

Наиболее вероятной представляется точка зрения, согласно которой действия Советского Союза в Румынии носили решительный характер, однако детально разработанного плана по советизации этой страны у Москвы не было [5]. В силу значимости данного региона для государственной безопасности СССР, политика Кремля, безусловно, была прагматичной, однако она не сводилась к примитивному политическому диктату, а формировалась по мере изменения ситуации [6]. Так или иначе в 1944–1945 гг. Кремль поддерживал в союзниках представление о своём намерении соблюдать достигнутые по Восточной Европе договорённости. Все его притязания относительно Румынии, хотя и отличались решительностью, внешне оставались довольно умеренными.

Корректировка американского внешнеполитического курса была обусловлена в первую очередь политикой Советского Союза на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы. Цели и методы Кремля резко контрастировали с провозглашенными США идеалами. Анализируя интегрирование Румынии в советский блок и стремясь понять механизм утверждения социалистического режима в этой стране, многие исследователи выделяли этапы этого процесса. Профессор Т. Гилберг разделил становление в этой стране режима советского типа на два этапа. На протяжении первого периода 1944–1948 гг. главной задачей РКП (РРП) являлось упрочение своих позиций и увеличение численности партии. Это достигалось за счёт усиления роли коммунистов в коалиционном правительстве путём последовательного отстранения от власти НЦП, НЛП и социал-демократов. На этот период пришлась реализация важнейших экономических преобразований. Национализация банков и частной промышленности, земельная и денежная реформы, проведенные в этой сфере, а также устранение с политической арены нежелательных элементов позволили укрепить позиции коммунистов во всех властных учреждениях.

Второй период 1949–1953 гг. был отмечен процессами, характерными для всех народных демократий Восточной Европы. Происходило фактическое копирование сталинской модели, в результате чего внутренняя и внешняя политика Румынии оказалась полностью подчинена интересам Москвы [7].

Более детальная периодизация была предложена английским историком и публицистом Х. Сетон-Уотсоном. По его мнению, коммунистические лидеры первоочередными задачами для себя определяли достижение политических целей. Процесс советизации Восточной Европы в 1944–1948 гг. Сетон-Уотсон разделил на три этапа. Первый характеризовался утверждением у власти «подлинных» коалиций, включавших в свой состав представителей широкого спектра политических партий. В Румынии он длился с ноября 1944 г., когда было сформировано правительство Н. Радеску, по март 1945 г., когда Вышинский прибыл в Бухарест и добился создания кабинета П. Грозы.

Второй этап был связан с деятельностью формально коалиционного, но по сути уже просоветского правительства (так называемой «поддельной» коалиции), в котором возможности некоммунистических элементов были минимизированы, вплоть до установления фактического господства коммунистов. В Румынии этот период длился с прихода к власти в марте 1945 г. лиц, одобренных Кремлём, по декабрь 1947 г., когда была полностью прекращена деятельность НЦП и НЛП, а король Михай вынужден был отречься от престола.

Третий этап включал принятие мер по созданию режима сталинского типа и заключался в практическом копировании советской модели в политической, экономической и идеологической сферах. В Румынии этот этап наступил с началом 1948 г., когда была провозглашена республика, принята новая конституция, на практике отменена многопартийность [8].

Таким образом, основными методами, которые использовал СССР для установления своего контроля над странами Центральной и Юго-Восточной Европы, стали ослабление влияния крупных собственников путём экспроприации и национализации их имущества; проникновение коммунистов в ключевые узлы общественного механизма; разжигание «классовых антагонизмов и массового террора» [9]. Действия Кремля являлись вызовами, побуждавшими Вашингтон к поиску эффективных инструментов воздействия на СССР.

Эволюция американского внешнеполитического курса, его трансформация под воздействием советского фактора была проанализирована украинским историком А. В. Потехиным. Первый из выделенных им этапов длился с конца 1945 г. по осень 1946 г. и характеризовался ухудшением общей атмосферы американо-советских отношений. Применительно к Румынии это нашло отражение в долгом непризнании Вашингтоном правительства П. Грозы и сохранении жесткой позиции американской делегации на Парижской мирной конференции – мерах, которые, однако, не воспрепятствовали усилению позиций Кремля.

Второй этап охватил период с осени 1946 г. по весну 1948 г. Он был отмечен утверждением сталинской модели социализма во всех странах Восточной Европы. США оказались бессильны переломить основные тенденции социально-политического развития региона. По мнению А. В. Потехина, «единый курс в отношении этих стран, как результат реализации цельного внешнеполитического замысла Вашингтона, отсутствовал». Тем не менее именно в это время возникали элементы планирования политики в отношении отдельных государств Восточной Европы, шла разработка её идеологического обеспечения.

Только на третьем этапе произошло завершение формирования восточноевропейской политики США, которая перешла на качественно новый уровень. В это время появились организационные структуры, на которые была возложена реализация восточноевропейского курса. В их число вошли НАТО и КОКОМ. Провозглашаемые Соединенными Штатами цели не подкреплялись достаточными для их осуществления средствами, а потому официальному Вашингтону не удалось воспрепятствовать усилению советского влияния в регионе. Не признавая на словах Восточную Европу сферой советского влияния, на практике он принял такое положение вещей [10].

Предложенная А. В. Потехиным периодизация носит общий характер и не конкретизирует особенности американских действий применительно к отдельным странам региона. Политика США в отношении Румынии как отечественными, так и зарубежными историками зачастую освещается крайне поверхностно, а то и вовсе упускается из вида. Тем не менее румынский вопрос являлся неотъемлемой частью генезиса холодной войны. Планы и действия Вашингтона в отношении этой страны в значительной степени выразили идейную и практическую эволюцию политики США в 1944–1949 гг. в направлении признания конфронтационной модели взаимодействия с государствами, подконтрольными СССР.

В связи с этим представляется возможным предложить следующий вариант периодизации американской политики в отношении Румынии в 1944–1949 гг. [11]

I. Период с августа 1944 г. по март 1945 г. характеризовался желанием Вашингтона не нарушать конструктивный диалог с Москвой и, как следствие, его весьма лояльным отношением к происходящему. Контакты Соединенных Штатов и Румынии осуществлялись в выгодном для Москвы русле. Достигнутая союзниками на Тегеранской конференции договоренность о том, что Красная армия будет освобождать Румынию от нацизма, фактически открыла путь к установлению советского контроля над этой страной [12].

Важнейшей целью США было одержать окончательную победу над Германией и Японией, а также сохранить союзническое единство и взаимное доверие для продолжения сотрудничества. Позиция США формировалась на основе разработанной Рузвельтом модели послевоенного мироустройства. К румынскому вопросу применялись общие для всей американской внешней политики фундаментальные положения: обеспечения прав и свобод человека, суверенитета, свободы торговли и равных возможностей во всём мире. Взгляды президента Рузвельта и государственных секретарей К. Хэлла и Э. Стеттиниуса по румынской проблеме во многом совпадали и заключались в том, что для успешного завершения военных действий в Европе и на Дальнем Востоке с минимальными потерями для США необходимо учитывать интересы СССР. Все это сопровождалось отсутствием серьёзной заинтересованности в этой стране со стороны США и надеждой на добросовестное исполнение Советским Союзом Декларации об освобожденной Европе, что должно было обеспечить в первую очередь сохранение позиций американского бизнеса.

II. Период с марта 1945 г. по февраль 1946 г. был насыщен наиболее острой дипломатической борьбой за Румынию. С установлением просоветского режима П. Грозы стало очевидным нежелание Кремля считаться с интересами западных союзников в Румынии. США отказались признать законность нового правительства и заняли твёрдую позицию на заседаниях СМИД [13].

Произошедшая в апреле 1945 г. смена американского лидера совпала с тем, что всё более насущным и требующим значительного внимания становился вопрос о размерах предельно допустимых уступок Москве. Курс США формировался в обстановке обострявшихся разногласий внутри американского истеблишмента по вопросу будущих отношений с Советским Союзом. Часть внешнеполитического истеблишмента США защищала рузвельтовский курс на поддержание партнерских отношений и избежание конфронтации с Москвой, другая – отмечала необходимость дать отпор возрастающим амбициям союзника [14].

В своих мемуарах Стеттиниус, являвшийся с декабря 1944 г. по июнь 1945 г. государственным секретарём, отмечал, что тогда крайне сложно было понять причины поведения Кремля. Он допускал варианты, что Сталин добивался признания существующих восточноевропейских правительств, поскольку опасался, что результаты предусмотренных Ялтинской декларацией выборов приведут к победе антисоветских сил, чего Кремль никак не мог позволить [15].

20 апреля 1945 г. в разговоре с президентом посол США в СССР А. Гарриман отметил, что фактически американцы столкнулись с «нашествием варваров на Европу», так как советский контроль над европейскими странами не ограничивается воздействием на внешнюю политику последних, а сопровождается насаждением советской модели, деятельностью тайной полиции, ограничением свободы слова [16]. Несмотря на это, Гарриман еще верил в возможность сохранения между США и СССР партнерских отношений. Примерно в то же время он изложил свою точку зрения перед сотрудниками Госдепартамента, отметив, что «настало время ликвидировать страх в наших отношениях с Советским Союзом и показать, что мы полны решимости защищать свои позиции». По его мнению, Соединенные Штаты обладали достаточными рычагами воздействия на Кремль. Последний хотел быть принятым в международное сообщество и больше всего опасался перспективы противостояния с объединенным Западом. Поэтому одним из способов улучшить отношения с Советским Союзом было скорейшее устранение разногласий с Великобританией и Францией, а также отказ от бескорыстных уступок Москве [17].

Важным изменением в политике Вашингтона стала демонстрация Кремлю, американской общественности и всему мировому сообществу ужесточения курса в отношении СССР. Однако это не означало отказа США от заложенных Рузвельтом традиций межсоюзнических отношений. Позиция Вашингтона балансировала между двумя противоборствующими тенденциями. Возникала острая необходимость качественного анализа восточноевропейской проблемы и формирования чёткой, предельно конкретной позиции США по ней.

В тот период политика Соединённых Штатов в отношении Румынии выглядела несколько непоследовательной. Демонстрация принципиальной позиции накануне Потсдамской конференции не помешала фактическим уступкам по румынскому вопросу на самой конференции, а пришедшийся на сентябрь – ноябрь 1945 г. очередной виток настойчивых требований по радикальной реорганизации румынского правительства сменился на московской сессии СМИД в декабре 1945 г. согласием на его официальное признание практически в том самом виде, в каком оно и было изначально сформировано. Тем не менее в целом американскую позицию нельзя назвать нерешительной и противоречивой. Руководство США хорошо представляло, каким оно хочет видеть послевоенный мир. Проблема заключалась в том, что существующие реалии требовали как можно скорее показать Советскому Союзу пределы своего доверия к нему, не разрушив вместе с тем сложившегося за годы войны партнёрства. Ситуация усугублялась высокой значимостью Румынии в обеспечении безопасности СССР, наличием на её территории частей Красной армии, слабостью и разрозненностью антисоветских сил, а также существованием итальянского прецедента.

III. Период с февраля 1946 г. по декабрь 1947 г. характеризовался тем, что после официального признания законности кабинета Грозы американцы лишились фактической возможности изменить ситуацию в Румынии. Администрация США, не скупясь на моральную поддержку антисоветской оппозиции внутри страны, заниматься отстаиванием румынской независимости уже не считала нужным. Краеугольным камнем её политики стала «доктрина сдерживания», а главной задачей – формирование заслона дальнейшему распространению «коммунистической заразы» в мире. В сложившихся условиях Румыния воспринималась как страна, необратимо пораженная «болезнью».

С принятием «доктрины Трумэна» в 1947 г. США выступили в поддержку антикоммунистических сил в Греции и Турции, оказывая им военную и экономическую помощь, с целью предот-

вратить распространение советского влияния на эти страны. По мнению Д. Ачесона, «доктрина Трумэна» стала поворотным моментом в американской внешней политике и послужила сигналом для администрации обеспечить в первую очередь защиту Западной Европы. «План Маршалла», который последовал за доктриной, также имел своей целью создание барьера дальнейшему распространению коммунизма путём восстановления и укрепления экономических систем западных демократий [18]. Соединенные Штаты были заинтересованы в свободной торговле с ними, проведении единой экономической политики и, как следствие, в интеграции Западной Европы [19]. Вашингтон пытался повлиять на румынскую ситуацию опосредованно, без прямой вовлеченности в происходящие там события. Расчёт делался на рост недовольства населения восточноевропейских стран советской системой, которое должно было привести к массовым антикоммунистическим выступлениям. Однако такие действия в определённой степени вынуждали Румынию к еще более тесному сотрудничеству с Советским Союзом.

IV. В 1948–1949 гг. практически невозможно говорить о политике США в отношении непосредственно Румынии, поскольку последняя воспринималась чуть ли не как часть СССР. Курс в отношении этой страны по сути не носил выделенного характера, а был полностью подчинён главной цели Вашингтона – прекращению советской экспансии и ослаблению влияния Кремля в мире. Основной постулат американской политики сводился к тому, что любая помощь или нормализация отношений с одним из просоветских государств будет способствовать выгоде всего блока [20].

Румыния, как и остальные страны Восточной Европы, стала испытывать на себе меры дипломатического воздействия, внешнеэкономические санкции и средства пропагандистско-идеологического характера. Соединенные Штаты ограничивали экспорт товаров, необходимых для развития народного хозяйства, повышения жизненного уровня населения, пострадавшего в годы войны. Динамика сокращения экспорта из США показывает, что его размеры напрямую зависели от темпов общественно-политических и социальных преобразований в странах региона [21]. Экономические санкции являли собой нечто среднее между малоэффективными дипломатическими и крайне радикальными военными мерами. Они позволяли Вашингтону показать свою экономическую мощь, а также демонстрировали единство США и Западной Европы, их способность противостоять советской экспансии. Несмотря на это американцам не удалось защитить свои интересы в экономической сфере. Действия румынского правительства не оставляли сомнений в стремлении к дискриминации Соединенных Штатов и других западных стран. Это нашло проявление в благоприятных ценовых условиях и добросовестности исполнения торговых соглашений, заключенных с государствами советской сферы, в уникальных преимуществах, предоставленных советско-румынским объединенным компаниям в вопросах налогообложения и т. д. [22]

Политический курс США в отношении Румынии в 1944–1949 гг. эволюционировал в сторону ужесточения. Общая динамика изменений существенно зависела от текущих и прогнозных оценок направленности внутриполитических процессов в этой стране: если в конце войны он основывался на предположении о возможности демократических преобразований в Румынии, то к концу 1949 г. эта страна рассматривалась как часть социалистического лагеря.

Несмотря на отсутствие эффективных инструментов воздействия на своего противника, США не оставляли попыток вынудить Кремль скорректировать свою политику и привести её в соответствие с общепринятыми международными стандартами. В противном случае они «рисковали своим моральным правом на лидерство среди свободных народов» [23].

Всё более пристальное внимание при формировании внешнеполитического курса США уделялось данным, полученным разведывательным ведомством. Эта тенденция наметилась ещё в годы Второй мировой войны [24]. В Румынии в 1944–1945 гг. работали сотрудники УСС. В тот период, исходя из необходимости не обострять отношения с Советским Союзом, Госдепартамент ориентировал их исключительно на сбор информации, отказавшись от проведения диверсий и осуществления подрывной деятельности [25]. Вместе с тем информация, поступавшая от американских разведывательных структур в отношении СССР и стран Восточной Европы, не всегда была полной. После проведения Советским Союзом ядерных испытаний раньше, чем ожидали в Вашингтоне, руководство США должно было предполагать, что получаемые о возможностях Кремля сведения могут быть приблизительными, а прогнозы о советских намерениях – тем более. Сохранялся риск, что разведывательные службы не смогут своевременно сообщить об опасности, если Москва действительно решит готовиться к наступлению. Центральное разведывательное управление, которому было поручено прогнозирование советского поведения, было сформировано только в 1947 г., и качество его работы в тот период было неидеальным. Американский исследователь Р. Оджсеркис утверждает, что ЦРУ не отправляло своих агентов в СССР вплоть до

конца 1949 г. [26] Советский лидер отличался чрезвычайной бдительностью, считая, что даже его приближенные могли быть завербованы иностранными разведывательными службами. В какой-то мере именно поэтому советское правительство уделило проблеме шпионажа больше внимания, чем любое другое. Такая бдительность распространялась на всю сферу советского влияния. Маловероятно, чтобы на территории Румынии могли проводиться серьёзные разведывательные или диверсионные операции.

Начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт показал, что проведение восточноевропейскими странами независимого политического курса (пусть даже в русле социализма) может усложнить расширение и усиление кремлёвских позиций. Однако до середины 1950-х гг. американское правительство не видело никаких кандидатов на роль способных к этому стран, кроме Югославии [27]. Приверженность генерального секретаря РРП Г. Георгиу-Дежа советскому курсу в тот период не вызывала сомнений. Было очевидно, что партийный лидер ориентирован на установление режима личной власти путем неукоснительного исполнения всех предписаний Москвы. Помимо проведения национализации, ускоренной индустриализации и коллективизации, исправной поставки продуктов Советскому Союзу в соответствии с существующими соглашениями Георгиу-Деж выражал свою верность Кремлю и как борец с «империалистическими шпионами» [28].

Вместе с тем в США не было ощутимого давления румынской общины на власть [29]. Хотя многие американские румыны рассчитывали на возвращение Михая на престол и выступали против подавления гражданских прав и свобод, а также угнетения церкви у себя на родине, существенного влияния на политику США их диаспора никогда не оказывала. Её руководство традиционно занимало нейтральную и беспристрастную позицию в американской политике [30].

В 1949 г. США лишились монополии на ядерное оружие. Вероятность применения ими военной силы с целью изменения ситуации в Восточной Европе была исключена. Обе сверхдержавы всерьёз опасались угрозы возникновения мирового конфликта, чреватого применением новейших вооружений. Взаимное недоверие, страх перед ростом мощи и расширением возможностей конкурента в равной степени были характерны и для Москвы, и для Вашингтона. Недооценивая ранее советский военный потенциал, Вашингтон начал его переоценивать. Согласно опросам общественного мнения, к началу 1950-х гг. на первое место в списке проблем, стоящих перед американцами, абсолютное большинство опрошенных ставило угрозу войны с СССР [31].

Хотя в Государственном департаменте исходили из того, что Москва не стремится к развязыванию мировой войны, вероятность её не могла быть полностью исключена. Администрации Г. Трумэна важно было избежать обвинений в лояльности по отношению к мировому коммунистическому движению [32]. Последнее обстоятельство приобретало особую актуальность в складывающейся международной обстановке: в 1949 г. в Китае победили революционные силы, крепло советское влияние на Восточную Европу, росли опасения, что коммунизм может стать жизнеспособной альтернативой капитализму, а деколонизация Великобритании и Франции откроет ему новые возможности в «третьем мире» [33]. В этих условиях Г. Трумэн был «недоверчив и подозрителен по отношению к действиям Москвы, выражая готовность к жесткому противостоянию с ней» [34], что в конечном итоге выразилось в создании Североатлантического альянса.

Действия США в отношении Румынии заключались в дипломатических нотах по проблеме прав человека и отказе её во вступлении в ООН. Бухарест обвинялся в недобросовестном выполнении условий мирного договора 1947 г. и в полной подчинённости своей политики интересам Советского Союза. В администрации Трумэна в целом существовало единство мнений по румынскому вопросу. Перспективы США оценивались как неутешительные. Не имея возможности опереться на слабую и разрозненную румынскую оппозицию внутри страны, Вашингтон вынужден был перенести упор на внешнеполитическое давление.

Большое значение в рассматриваемый период приобрели методы пропагандистско-идеологического воздействия. Холодную войну можно представить не только как противоборство США и СССР, но и как столкновение «мировых исторических миссий» [35], поскольку идеологические системы, предлагавшиеся сверхдержавами, претендовали на универсальность. Особое значение для Вашингтона приобрели средства массовой информации и пропаганды. Телевидение, радио и пресса явились оружием, изобличавшим недостатки социалистической системы. Основные усилия при этом были сосредоточены на формировании представлений о тоталитарном обществе как абсолютно неэффективном и в экономическом, и в идеологическом плане.

В 1944–1949 гг. пример Румынии наглядно показал влияние реалий международного процесса на эволюцию американского внешнеполитического курса. США столкнулись с принципиально иной концепцией мироустройства, которой придерживался Советский Союз.

На завершающем этапе войны США не возражали против преимущественного контроля Москвы над процессом послевоенного восстановления Румынии, что было обусловлено желанием поддержать доверие и сохранить продуктивное сотрудничество между союзниками. После утверждения правительства Грозы произошла корректировка тактики США. Американское руководство стало активно использовать румынскую проблему, чтобы добиться от Москвы уступок в более значимых вопросах. К февралю 1946 г. Румыния рассматривалась как государство, находившееся под полным контролем Кремля, и по этой причине не была включена в список стран, защиту которых американцы считали приоритетной задачей. В 1948–1949 гг. румынская политика США осуществлялась в рамках генерального курса по отношению ко всей группе социалистических стран. Американское руководство сочло наиболее рациональным использовать факты, подтверждающие зависимость Бухареста от Москвы, для дискредитации Советского Союза в глазах мировой общественности.

Примечания

1. *Юнгблюд В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998. С. 25.
2. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 гг. / под ред. Т. В. Волокитиной. М., 1999. Т. 1. С. 24, 31–33.
3. В статье Д. Добринку отмечает, что достоверность данного документа не может быть точно установлена.
4. *Dobrincu D.* The Soviet Counsellors' Involvement in Postwar Romanian Repressive and Military Structures // Sovietization in Romania and Czechoslovakia. History, Analogies, Consequences. Iaşi, 2003. P. 160–161.
5. Ibidem.
6. Simons Th. Eastern Europe in the Postwar World. Houndmills; L., 1991. P. 64; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953 гг.) / под ред. Т. В. Волокитиной. М., 2002. С. 17; Тоталитаризм. Исторический опыт Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948 гг. / под ред. В. В. Марьиной. М., 2002. С. 13.
7. *Gilberg T.* The Communist Party of Romania // The Communist Parties of Eastern Europe / ed. by S. Fisher-Galati. N. Y., 1979. P. 281–282.
8. *Seton-Watson H.* The East European Revolution. N. Y., 1951.
9. *Светлорусова Л. М.* Реферативный обзор кн.: Кацарски И. Тоталитарный социализм // Системы советского типа в Восточной Европе: осмысление опыта четырех десятилетий: сб. обзоров и рефератов. М., 2000. С. 43.
10. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе, 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 121–122.
11. *Росина М. А.* Политика США в отношении Румынии в 1944–1949 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. Киров, 2013.
12. *Harrington J.* Relations between Bucharest and Washington: an Overview, 1945–1992 // Revue Roumaine d'Histoire. 1992. T. XXXI. № 3–4. P. 275.
13. *Byrnes J.* All in One Lifetime. P. 313–314; Советско-американские отношения. 1945–1948 гг. / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 21.
14. *Печатнов В. О.* США: скрытые дебаты по «русскому вопросу» весной 1945 г. (документы) // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 110, 114; *Согрин В. В*. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 40; *Юнгблюд В. Т.* «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 6. С. 66–78.
15. *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. P. 310; Юнгблюд В.Т. Последний госсекретарь эпохи Франклина Рузвельта // США: Экономика. Политика. Идеология. 1996. № 9. С. 75–85.
16. Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1945. Vol. V. P. 232.
17. *Harriman A.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975. P. 448–450.
18. *Donovan R.* Tumultuous Years. The Presidency of Harry S. Truman, 1949–1953. N. Y., 1982. P. 45.
19. *Harriman A.* Op. cit. P. 48.
20. *Kohn H.* Eastern Europe, 1948 // Current History. 1949. Vol. XVI. № 90. P. 73–74.
21. *Потехин А. В.* Указ. соч. С. 121–122.
22. FRUS. 1949. Vol. V. P. 527.
23. Ibid. P. 42–44.
24. *Юнгблюд В. Т.* Внешнеполитическая мысль… С. 291.
25. Подробнее см.: *Mark E*. The OSS in Romania, 1944–45: An Intelligence Operation of the Early Cold War // Intelligence and National Security. 1994. Vol. 9. P. 320–344.
26. *Ojserkis R. P.* Ojserkis R. Beginnings of the Cold War Arms Race. The Truman Administration and the US Arms Build-Up. Westport, 2003. P. 42–43.
27. *Lynch A.* The Cold War Is Over – Again. San Francisco; Oxford, 1992. P. 49–50.
28. *Dobrincu D.* Op. cit. P. 162; 186. *Fisher-Galati S.* The New Romania from People's Democracy to Socialist Republic. Cambridge, 1967. P. 38–39; *Crampton R. J.* The Balkans since the Second World War. L.; N. Y., 2002. P. 183.

29. *Wittke C.* We Who Built America: the Saga of the Immigrant. Cleveland, 1964; *Hutchmacher J.* A Nation of the Newcomers. N. Y., 1967.

30. Romanian-Americans // www.everyculture.com/multi/Pa-Sp/ Romanian-Americans.html.

31. Gallup Poll. 1950. Vol. 2. P. 857, 1225, 1447.

32. *Айриян Р. С.* Роль Конгресса США в формировании внешнеполитического курса администрации Г. Трумэна (1945–1952 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 27–28.

33. *Ojserkis R.* Op. cit. P. 35; *Kovrig B.* Of Walls and Bridges. The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. P. 33; *Lynch A.* Op. cit. P. 10–11, 44, 50; *Bouscaren A.* Anti-Communist Action. Chicago, 1958. P. 18; *Наджафов Д. Г.* К вопросу о генезисе холодной войны // Холодная война, 1945–1963 гг. … С. 91, 99; *Рукавишников В. О.* Указ. соч. С. 190; *Dobson A., Marsh S.* US Foreign Policy since 1945. L., N. Y., 2006. P. 32–33; *Donovan R.* Op. cit. P. 56–57.

34. *Золов А. В.* О роли президента Гарри С. Трумэна в развязывании холодной войны // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010. С. 179; The Specter. Original Essays on the Cold War and the Origins of McCarthyism / ed. by R. Griffith, A. Theoharis. N. Y., 1974. P. 46.

35. *Lynch A.* Op. cit. P. 9–10.

Notes

1. Jungblut V. T. *Vneshnepoliticheskaya mysl' SSHA 1939–1945 gg.* [USA Foreign policy thought in 1939-1945] Kirov. 1998. P.25.

2. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope, 1944–1953 gg.* – The Soviet factor in Eastern Europe 1944-1953 / ed. by T. V. Volokitina. M. 1999. Vol. 1. Pp. 24, 31-33.

3. In the article D. Dobrinku notes that the authenticity of this document cannot be precisely established.

4. *Dobrincu D.* The Soviet Counsellors' Involvement in Postwar Romanian Repressive and Military Structures // Sovietization in Romania and Czechoslovakia. History, Analogies, Consequences. Iaşi, 2003. P. 160–161.

5. Ibidem.

6. Simons Th. Eastern Europe in the Postwar World. Houndmills; L., 1991. P. 64; Moscow and Eastern Europe. The formation of the political regimes of the Soviet type (1949-1953) / edited by T. V. Volokitina. M. 2002. P. 17; Totalitarianism. The historical experience of Europe. "Democratic interlude" with Communist ending, 1944-1948 / under the editorship of V.V. Maryina. M. 2002. P.13.

7. *Gilberg T.* The Communist Party of Romania // The Communist Parties of Eastern Europe / ed. by S. Fisher-Galati. N. Y., 1979. P. 281–282.

8. *Seton-Watson H.* The East European Revolution. N. Y., 1951.

9. Svetlorusova L. M. *Referativnyj obzor kn.: Kacarski I. Totalitarnyj socializm* [Abstract review of the book: Katzarsky I. [Totalitarian socialism] // *Sistemy sovetskogo tipa v Vostochnoj Evrope: osmyslenie opyta chetyrekh desyatiletij: sb. obzorov i referatov* – Systems of the Soviet type in Eastern Europe: understanding the experience of four decades: a collection of reviews and abstracts. M. 2000. P. 43.

10. Potekhin A. V. *Diplomatiya SSHA v Vostochnoj Evrope, 1945–1950 gg.* [US Diplomacy in Eastern Europe, 1945-1950] Kyiv. 1991. Pp. 121-122.

11. Rosina M. A. *Politika SSHA v otnoshenii Rumynii v 1944–1949 gg.: dis. … kand. ist. nauk: 07.00.03* [Policy of the United States against Romania in 1944-1949.: dis. Cand. Hist. Sciences: 07.00.03]. Kirov. 2013.

12. *Harrington J.* Relations between Bucharest and Washington: an Overview, 1945–1992 // Revue Roumaine d'Histoire. 1992. T. XXXI. № 3–4. P. 275.

13. *Byrnes J.* All in One Lifetime. Pp. 313–314; Soviet-American relations. 1945-1948 / ed. by G. N. Sevostyanova. M. 2004. P.21.

14. Pechatnov V. O. *SSHA: skrytye debaty po «russkomu voprosu» vesnoj 1945 g. (dokumenty)* [USA: the hidden debate on "The Russian question" in the spring of 1945 (documents)] // *SSHA: skrytye debaty po «russkomu voprosu» vesnoj 1945 g. (dokumenty)* – New and newest history. 1997, No. 1, pp. 110, 114; Sogrin V. V. *Dinamika sopernichestva SSSR i SSHA v period «holodnoj vojny». 1945–1991* [Dynamics of rivalry between the USSR and the USA during the "cold war". 1945-1991] // *SSHA: skrytye debaty po «russkomu voprosu» vesnoj 1945 g. (dokumenty)* – New and newest history. 2015, No. 6, p. 40; Jungblud V. T. *«Obrazy rossijskoj imperii» i vneshnepoliticheskoe planirovanie v SSHA v 1944–1945 gg.* ["Images of the Russian Empire," foreign policy planning in the United States in 1944-1945] / / *«Obrazy rossijskoj imperii» i vneshnepoliticheskoe planirovanie v SSHA v 1944–1945 gg.* – USA: Economics, politics, ideology. 1998, No. 6, pp. 66-78.

15. *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. P. 310; Jungblud V. T. [Last Secretary of state of the era of Franklin D. Roosevelt] // USA: Economics. Policy. Ideology. 1996, No. 9, pp. 75-85.

16. Foreign Relations of the United States (hereafter FRUS). 1945. Vol. V. P. 232.

17. *Harriman A.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975. P. 448–450.

18. *Donovan R.* Tumultuous Years. The Presidency of Harry S. Truman, 1949–1953. N. Y., 1982. P. 45.

19. Harriman A. Op. cit. P. 48.

20. *Kohn H.* Eastern Europe, 1948 // Current History. 1949. Vol. XVI. № 90. P. 73–74.

21. Potekhin V. A. Op. cit. Pp. 121-122.

22. FRUS. 1949. Vol. V. P. 527.

23. Ibid. Pp. 42-44.

24. Jungblud V. T. *Vneshnepoliticheskaya mysl'…* [Foreign policy idea...] P.291.

25. See more: *Mark E*. The OSS in Romania, 1944–45: An Intelligence Operation of the Early Cold War // Intelligence and National Security. 1994. Vol. 9. P. 320–344.

26. *Ojserkis R. P.* Ojserkis R. Beginnings of the Cold War Arms Race. The Truman Administration and the US Arms Build-Up. Westport, 2003. P. 42–43.

27. *Lynch A.* The Cold War Is Over – Again. San Francisco; Oxford, 1992. P. 49–50.

28. *Dobrincu D.* Op. cit. P. 162; 186. *Fisher-Galati S.* The New Romania from People's Democracy to Socialist Republic. Cambridge, 1967. P. 38–39; *Crampton R. J.* The Balkans since the Second World War. L.; N. Y., 2002. P. 183.

29. *Wittke C.* We Who Built America: the Saga of the Immigrant. Cleveland, 1964; *Hutchmacher J.* A Nation of the Newcomers. N. Y., 1967.

30. Romanian-Americans // www.everyculture.com/multi/Pa-Sp/ Romanian-Americans.html.

31. Gallup Poll. 1950. Vol. 2. Pp. 857, 1225, 1447.

32. Hayriyan R. S. *Rol' Kongressa SSHA v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa administracii G. Trumehna (1945–1952 gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Role of the Congress in forming the foreign policy course of the administration of Harry Truman (1945-1952 gg.): abstract dis. Cand. Hist. Sciences]. Rostov-on-Don. 2007. Pp. 27-28.

33. *Ojserkis R.* Op. cit. P. 35; *Kovrig B.* Of Walls and Bridges. The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. P. 33; *Lynch A.* Op. cit. P. 10–11, 44, 50; *Bouscaren A.* Anti-Communist Action. Chicago, 1958. P. 18 ; Najafov D. G. *K voprosu o genezise holodnoj vojny* [On the Genesis of the cold war] // *Holodnaya vojna, 1945–1963 gg.*- Cold war, 1945-1963. ... Pp. 91, 99; Rukavishnikov V. A. Op. cit. P. 190; *Dobson A., Marsh S.* US Foreign Policy since 1945. L., N. Y., 2006. P. 32–33; *Donovan R.* Op. cit. P. 56–57.

34. Zolov A.V. *O roli prezidenta Garri S. Trumehna v razvyazyvanii holodnoj vojny* [On the role of President Harry S. Truman at the outbreak of the cold war] // *Amerikanskij ezhegodnik 2008/2009* – American Yearbook 2008/2009. M. 2010. P. 179; The Specter. Original Essays on the Cold War and the Origins of McCarthyism / ed. by R. Griffith, A. Theoharis. N. Y., 1974. P. 46.

35. Lynch A. Op. cit. Pp. 9-10.

УДК 94(55)«1946»

А. В. Чучкалов

Союзники и внесение иранского вопроса в ООН в январе 1946 г.*

В статье рассматриваются события декабря 1945 г. – января 1946 г., связанные с непосредственной предысторией внесения Ираном жалобы на СССР в ООН. В этот период было предложено несколько вариантов разрешения иранского кризиса. Один из них предложили англичане на конференции министров иностранных дел большой тройки в Москве в декабре 1945 г. – создание Тройственной комиссии по Ирану. Однако он не был принят и СССР, и Ираном. Американцы в этот период пытались убедить как сталинское руководство соблюдать все договоренности по Ирану, так и иранское правительство провести демократические конституционные преобразования, в то же время балансируя между возможными органи-зационными предложениями англичан и иранцев по разрешению иранского кризиса. Из-за сопротивления и саботирования всех инициатив со стороны СССР и частично со стороны Ирана логика событий привела к тому, что должно было использоваться последнее перед крупномасштабной конфронтацией средство – ООН.

The article deals with the events in December 1945 – January 1946, relating to the immediate prehistory of making Iran a complaint against the USSR in the UN. During this period, it was suggested several options for resolution of the Iranian crisis. One of them was offered to the British Foreign Ministers' Conference of the Big Three in Moscow in December 1945 – the establishment of the Tripartite Commission on Iran. The Americans at that time were trying to convince both the Stalinist leadership to abide by all agreements on Iran, and the Iranian government to hold democratic constitutional reforms, while at the same time balancing the possible organizational proposals of the British and the Iranians to resolve the Iranian crisis. Because of the resistance and sabotage of all the initiatives on the part of the Soviet Union and partly from Iran, the logic of events led to the fact that should have been used the last before large-scale confrontation means – the United Nations.

Ключевые слова: Иран, СССР, США, Великобритания, иранский (азербайджанский) кризис, 1945–1946 гг., ООН.

Keywords: Iran, USSR, USA, UK, Iran (Azerbaijan) crisis, 1945–1946, of the United Nations.

© Чучкалов А. В., 2016

* *Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государ-ственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ 9803.2016.6.*

Во второй половине января 1946 г. произошел знаменательный факт: на имя исполняющего обязанности генерального секретаря ООН Глэдвина Джебба было подано заявление от Ирана с обвинениями Советского Союза. Что заставило Тегеран поступить так? Какие основания у него для этого были? И какую роль во всем этом играли великие державы-победительницы?

К началу 1946 г. в Иране завязался очень тугой узел международных противоречий, который в историографии рассматривается не иначе как один из первых кризисов холодной войны [1]. Во-первых, на территории страны по-прежнему находились войска Советского Союза (к северу от Тегерана) и Великобритании (к югу от иранской столицы), которые должны были быть выведены в соответствии с 5-й статьей Трехстороннего советско-англо-иранского договора о союзе от 29 января 1942 г. «не позднее шести месяцев после прекращения всех военных действий между Союзными государствами и Германией с её соучастниками…», т. е., и это было подтверждено на Лондонской конференции министров иностранных дел в сентябре 1945 г., ко 2 марта 1946 г. [2] Американцы, следуя духу Декларации трех держав в отношении Ирана от 1 декабря 1943 г., предлагали вывести все войска союзников с территории Ирана раньше, не дожидаясь срока, к новому 1946 г., но не нашли поддержки у Лондона и Москвы [3]. В этих условиях они решились на односторонний вывод своих войск, как и предлагали, к новому 1946 г., за что получили благодарность от иранского правительства, повысив свой «миротворческий» авторитет в его глазах.

Во-вторых, на севере страны, в зоне, контролируемой советскими войсками, ширилось сепаратистское движение иранских азербайджанцев и курдов, которые в декабре 1945 г. провозгласили республики в Тебризе и в январе 1946 г. в Мехабаде, взявшие курс на демократические преобразования, автономию и независимость. Вопрос о покровительстве советских военных властей этим движениям ясен и не вызывает споров [4]. Дискуссионным является вопрос о причинах и конечных целях этой поддержки. И вот тут необходимо указать на третью составляющую иранского кризиса – нефтяную.

Предполагается, что советское правительство, получив отказ в нефтяной концессии от иранского правительства в конце 1944 г. (миссия С. И. Кавтарадзе [5]), решило разыграть сепаратистскую карту и использовать ее для шантажа Тегерана. С этой целью Москва стимулировала и выступила покровителем сепаратистских движений на севере Ирана. Не имея возможности гарантировать доступ своим войскам в восставшие районы, иранское правительство оказалось в трудном положении.

Нефтяное значение Ирана понимали и западные союзники. Турцию и Иран они считали щитом всего Ближнего Востока и Южной Азии. «Если русские прорвутся через Иран в Персидский залив, то они окажутся в сотне миль от известных нефтяных месторождений мира с видом на миллионы квадратных миль Южной Азии» (Л. Гендерсон) [6]. Поэтому они придавали жизненно важное значение поддержанию иранской независимости и территориальной целостности. Президент США Г. Трумэн инспирированное «русскими» движение за автономию в иранском Азербайджане и угрозу коммунистического переворота в Греции сравнил с гигантскими клешнями, захватывающими нефтеносные районы Ближнего Востока и тепловодные порты Средиземного моря [7].

Предположения американского руководства были не беспочвенны. В годы войны советское правительство обсуждало перспективы изменения послевоенных границ и сфер влияния. В январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с Молотовым. Предложения по Ближнему и Среднему Востоку готовила группа, в которую входили В. Г. Деканозов и Я. З. Суриц. К Тегеранской конференции они были готовы. В январе 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский представил В. М. Молотову записку «О желательных основах будущего мира». В ней, в частности, предусматривалось получение СССР гарантий «свободного и удобного» использования транзитных путей к Персидскому заливу. В отношении Ирана также предлагалось усилить советское проникновение при помощи «целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий», создания больниц и школ, центров по изучению русского языка, оказания помощи в организации иранских вооруженных сил и др. [8]

Нарастание советской враждебности заставляло иранское правительство с тревогой ожидать 2 марта 1946 г. Будут ли выведены советские войска? Руководство Ирана в этом сильно сомневалось, поскольку при таком развитии событий молодые республики на севере страны лишались советской поддержки. Пойдет ли на это Москва? Оправдание на Московской конференции в декабре 1945 г. Сталиным пребывания советских войск на севере Ирана угрозой с его стороны бакинским нефтяным месторождениям воспринималось сторонами, вовлеченными в конфликт, как минимум необоснованными, а максимум – «абсурдными» (посол США в Иране У. Мюррей).

Более серьезным было заявление Сталина о том, что советско-иранский договор 1921 г. давал СССР право сохранять там войска неопределенно долго, пока сохранялась опасность для России в свете иранской враждебности [9]. Л. Гендерсон в своем интервью Р. Маккинзи в 1973 г. вспоминал, что, узнав о вводе советских войск в Иран, он был убежден, что «Советы собирались в Иран, чтобы остаться там и освоить путь к Персидскому заливу» [10]. В этих условиях иранское правительство, возглавляемое с октября 1945 г. Ебрахимом Хакими, решилось задействовать дипломатические рычаги и, прежде всего, использовать площадку новой международной организации – ООН.

Кому принадлежит авторство идеи пожаловаться на СССР в ООН – самим иранцам или она возникла с подачи американских дипломатов, сейчас выяснить трудно, хотя документы свидетельствуют в пользу первого варианта. Важнее отметить, наверное, другой факт. К началу зимы 1945–1946 гг., по мере эскалации кризиса, эта идея стала очень популярной не только среди правительственных чиновников, но и среди общественности Ирана. В декабре многие иранские газеты призывали правительство Хакими сделать это [11]. В результате декабрь 1945 г. и январь 1946 г. оказались переломными как в развитии содержательной канвы иранского кризиса, так и в поиске методов его решения со стороны США, Великобритании и Ирана.

Основные перипетии обсуждения иранского вопроса на московском совещании министров иностранных дел 16–26 декабря 1945 г. хорошо описал профессор Д. Гасанлы [12]. Следует отметить, что, несмотря на то что иранский вопрос так и не был включен в повестку дня конференции и по нему не было принято конкретных решений, что усилило недовольство правящих кругов Ирана, это не значит, что он не обсуждался. Участники договорились обсудить его неформально.

Во время конференции англичане предложили свой проект выхода из иранского кризиса. Предполагалось, что если он не будет принят сторонами конфликта, то тогда вопрос будет передан на разбирательство в ООН, чего ни американцы, ни англичане не хотели, по крайней мере, на словах. В чем же была суть английского проекта и какова его судьба?

В Москве британский министр иностранных дел Э. Бевин, видимо, по аналогии с подобными комиссиями по Германии, Японии и другими странами, которые создавали союзники в поствоенное время, предложил создать Трехстороннюю комиссию и по Ирану с участием представителей США, Великобритании и СССР для решения всех спорных вопросов, связанных с этой страной. В частности, под ее руководством в Иране должны были пройти определенные демократические реформы: разрешить работу областных советов-энджуменов, провести в них выборы, обеспечить изучение языков национальных меньшинств – тюркского, курдского, арабского и др. При этом иранцев в комиссию не приглашали, хотя в 8-м пункте британского проекта, предложенного на неформальном заседании 24 декабря и доработанного 25 декабря, указывалось, что она должна находиться в тесном контакте с «персидским правительством и с представителями всех важных элементов населения в процессе разработки своих рекомендаций» [13]. Но специфика данной комиссии заключалась в том, что она была призвана заниматься делами страны, которая была союзницей победителей и входила в антигитлеровскую коалицию с сентября 1943 г., внеся большой вклад в дело победы, за что и получила благодарность от Большой тройки, о чем говорилось в Декларации по Ирану от 1 декабря 1943 г. Собственно, эта комиссия должна была урегулировать отношения внутри лагеря победителей: между одним из участников Большой тройки – СССР и Ираном.

Реакция представителей США на эту британскую инициативу была сдержанно-выжидательной. Им хотелось знать реакцию на нее Москвы и Тегерана. При этом американцы внесли в британский проект Трехсторонней комиссии свои поправки [14]. Госсекретарь Дж. Бирнс на конференции раз за разом напоминал И. Сталину и В. Молотову в устной форме о союзнических обязательствах и декларациях, сделанных в годы войны, и предупреждал, что если не найти решения иранского вопроса сейчас, то Иран передаст дело в ООН в январе 1946 г. [15] При этом параллельно через Мюррея оказывалось давление на иранское правительство, чтобы заставить его провести демократические преобразования в стране в соответствии с Конституцией Ирана и чтобы «в глазах ООН и мировой общественности Иран выглядел справедливым, а иранское правительство нельзя было бы заподозрить в том, что оно пытается отнять у населения его конституционные права» [16].

Со стороны сталинского руководства реакция на британский проект была противоречивой. Сталин 24 декабря на встрече с англичанами ответил Бевину, что их предложение может служить основой для некоего будущего соглашения, но что он хотел бы внести свои поправки в их проект [17]. Молотов 25 декабря на встрече с Бирнсом заметил, что «британское предложение по Ирану было в общем приемлемым», и спросил мнение госсекретаря. Бирнс искренне заявил, что ему оно не особенно нравится, но если это предложение может быть принято в качестве возможного пер-

вого шага, то он будет его готов принять. Он, так же как и англичане, выразил особую обеспокоенность по поводу возможности постановки иранского вопроса в международной организации, поскольку «опасался, что это вскроет разногласия между нашими тремя правительствами, чего он всегда хотел избежать» [18].

Здесь необходимо остановиться на следующем вопросе. Считается, что американцы изначально и полностью поддерживали иранцев в их стремлении использовать ООН в качестве инструмента разрешения спора с СССР [19]. На самом деле не все так прямолинейно. Их позиция в этом вопросе была противоречивой, хотя внешне укладывалась в логику Устава ООН. Они считали, что, с одной стороны, любой член этой организации имеет право обратиться в нее для урегулирования спора с другим членом, но сначала он должен использовать все другие средства для этого. С другой стороны, это «американское детище» еще только начинало свою работу, и если бы ООН не справилась с этим трудным делом, то она была бы существенно дискредитирована в глазах мировой общественности. Поэтому и надо было постараться использовать все другие средства для урегулирования конфликта. Еще 11 декабря Гендерсон рекомендовал Бирнсу дать понять на конференции Молотову и Бевину, что для США ситуация в Иране важна не как региональная проблема, а как «испытание способности постоянных членов Совета Безопасности сотрудничать друг с другом на основе уважения суверенитета малых государств – членов Объединенных Наций» [20].

25 декабря англичане предложили обновленный проект Трехсторонней комиссии с внесенными советскими поправками [21]. Однако их жаркое обсуждение зашло в тупик. Компромисс не был найден. В конце концов 26 декабря, в последний день конференции, Молотов отказался обсуждать иранский вопрос на формальном основании отсутствия его в повестке [22]. Вопрос о создании Трехсторонней комиссии по Ирану оказался в подвешенном состоянии, хотя и не был снят с повестки дня. Затем Бевин через посла в Иране Булларада просил убедить Хакими выразить готовность принять идею с комиссией и обещал в этом случае поддержку прессой и другими средствами [23].

Как уже было выше сказано, американским дипломатам не очень нравился британский проект. 23 декабря на встрече со Сталиным Бирнс опять напомнил о возможном вынесении иранского вопроса на обсуждение в Генеральной ассамблее ООН в январе 1946 г., если он не будет решен раньше. На что Сталин, обвинив в кризисе само иранское правительство, враждебное СССР, ответил, что они этого не боятся и что «никому не придется краснеть» в ООН за советскую политику в Иране. «Все, что было необходимо, так это чтобы иранское правительство выполняло свои обязательства и перестало быть враждебным к СССР», – заключил генералиссимус. А то, что американцы решили вывести свои войска раньше, так это их дело, Москва их об этом не просила [24].

Следует отметить, что в «Правде» за 14 декабря 1945 г. была опубликована статья, касающаяся помимо прочего и американских войск в Иране. Она содержала выпады в отношении американских военных. Мюррей хотел опротестовать эту статью, но в Госдепартаменте рекомендовали «никакой акции не предпринимать» [25]. А американский журнал «Тайм» на обложке номера от 17 декабря поместил портрет шаха Мохаммеда Резы. Под портретом было написано: «Шах Ирана. Его влиятельные друзья желают его нефти». В журнале публиковалась большая статья об Иране и его молодом правителе. Здесь же была изображена карта, на которой южный Азербайджан охвачен серпом, рукоятка которого упиралась в Баку. В эти кризисные декабрьские дни руководитель отдела Среднего Востока Госдепартамента Г. Майнор пришел к выводу, что «единственная надежда Ирана – Соединенные Штаты» [26].

Британцы тоже не исключали вероятность доведения дела до ООН, если союзники не примут проект Трехсторонней комиссии. Хотя также и Бевин неоднократно Сталину и Молотову заявлял от имени своего правительства о нежелании делать это ввиду того, что три правительства хорошо ладили в Иране в трудные годы войны, а сейчас не могут найти общий язык [27].

Несмотря на показную браваду и равнодушие к этой «угрозе» сталинского руководства, вряд ли эта идея ему слишком нравилась. Советская сторона не желала допускать вмешательство в конфликт третьих стран и тем более вынесения его на международный суд. Она постоянно подчеркивала, что это исключительно советско-иранское дело, не требующее постороннего вмешательства.

Иранская идея пожаловаться на СССР в ООН, которая активно начинает проговариваться иранской стороной в дипломатических переговорах, породила необходимость выработать американскому руководству инструкции по этому вопросу для своих представителей в ООН. Об этом, в частности, писал заместитель госсекретаря Д. Ачесон из Вашингтона послу США в Москве А. Гарриману 24 декабря [28]. Ачесон отмечал необходимость действовать в соответствии с Уста-

вом ООН. Он полагал, что американские делегаты должны требовать беспристрастного расследования иранских обвинений советской стороны в нарушении территориальной целостности и политической независимости Ирана, а по итогам расследования в случае подтверждения иранских обвинений правительство США должно согласиться с неблагоприятным для СССР решением. В этом случае ООН могла столкнуться с ситуацией, с которой сталкивалась Лига Наций, например по проблемам Маньчжурии или Эфиопии, что могло серьезно подорвать эффективность этой организации как фактора сохранения мира [29].

Кроме того, иранское правительство в последнюю неделю декабря начало зондировать позиции великих держав, и в частности США, на случай подачи жалобы в ООН. Заместитель директора Управления ближневосточных и африканских дел Дж. Аллен в беседе с иранским послом в США Хусейном Ала 26 декабря заявил, что они не могут дать никаких гарантий безоговорочной поддержки Ирана в ООН, что их позиция будет зависеть от предоставленных и установленных фактов и она будет опираться на Устав ООН и Декларацию по Ирану от 1943 г. [30]

Сразу же после окончания конференции министров иностранных дел в Москве 27 декабря 1945 г. в Госдепартаменте появился меморандум с предложениями по этому поводу, авторами которого были представитель Управления по делам международных организаций Госдепартамента Гарри Н. Говард и В. Клайд – сотрудник Управления по делам Ближнего Востока [31]. Меморандум рекомендовал представителю США в ООН поддержать иранскую инициативу, ссылаясь на Устав ООН, согласно которому «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций» [32]. Он должен был выяснить, способствовали ли советские войска, размещенные в Северном Иране, изменению формы правления в иранском Азербайджане вопреки воле иранского правительства, которое советское правительство и другие члены ООН признавало как законное. Если таковые факты подтвердятся, значит, Москва нарушала принципы Устава ООН. Поэтому представитель США должен был предложить создание комиссии ООН по установлению таких фактов, и после ее доклада о результатах своей работы ООН должна была принять соответствующие меры [33].

Следует отметить, что наряду с британской инициативой по разрешению иранского кризиса в эти напряженные дни конца 1945 г. иранская сторона предлагала и свой вариант решения – прямое персональное обращение к Сталину [34]. По этому поводу она обратилась за консультациями в английское и американское посольства в Тегеране. Посол США Мюррей не возражал, говоря, что это не будет лишним [35]. Однако эта возможность не была реализована в силу враждебного отношения к данному иранскому кабинету со стороны Москвы.

Вместе с тем Ачесон просил Мюррея выяснить отношение иранского правительства к британской идее создания Трехсторонней комиссии по Ирану, отмечая, что «в интересах Ирана сотрудничать с такой комиссией в случае ее создания» [36]. В начале 1946 г. были получены положительные заключения по поводу идеи Трехсторонней комиссии от шаха и Хакими, при этом шах отметил, что в этой инициативе его привлекает тот факт, что в ней собираются участвовать США. В то же время он выразил небезосновательное сомнение в том, что само советское правительство захочет участвовать в ней. Во-первых, потому, что оно не хотело иметь дело с враждебным правительством Хакими и будет стремиться к его замене. А во-вторых, и при дружественном иранском правительстве оно имело возможность заявить, что комиссия намерена вмешиваться во внутренние дела Ирана и этим мотивировать свой отказ [37].

Параллельно иранское правительство продолжало консультации относительно поддержки США и Великобритании иранского дела в ООН, если оно решится подать заявление в нее. В отсутствие каких-либо гарантий иранские чиновники не решались предпринимать шаги, которые только расширят брешь между Ираном и Советским Союзом, не принеся никаких конструктивных для них дивидендов. При этом время поджимало, 4 января был последний срок добавления вопросов в повестку дня заседания Генассамблеи ООН.

В это же время в английских газетах появились сообщения о том, что США и Великобритания договорились предотвратить подачу Ираном жалобы в ООН. Бирнс и чиновники Госдепартамента бросились тушить пожар и убеждать иранских дипломатов в том, что это не так и что это была очередная «утка» прессы [38]. Но дыма без огня не бывает. 3 января с Ачесоном в Вашингтоне встретился посол Великобритании лорд Галифакс и попытался убедить американское руководство присоединиться к британцам в убеждении иранского правительства не подавать заявления в ООН, поскольку оно якобы перечеркнет возможность присоединения «Советов» к Трехсторонней комиссии по Ирану. Ачесон и Л. Гендерсон, директор Управления ближневосточных и африканских дел, полагали, что американское правительство не должно присоединяться к бри-

танцам в этом вопросе. Бирнс согласился с ними, выразив сомнение в присоединении СССР к комиссии в условиях отсутствии заявлений со стороны Молотова после московского совещания. Поэтому англичанам было отказано в их просьбе [39].

4 января стало известно, что Иран подал заявление в ООН. Посол Р. Буллард в Тегеране бросился убеждать Хакими послать срочные инструкции послу Х. Такизаде в Лондон, где первоначально проводила свои заседания Генассамблея ООН, забрать заявление. При этом Буллард настоял на составлении телеграммы в его присутствии и на ее отправке через британский военный телеграф. На вопрос Мюррея, есть ли шансы у Трехсторонней комиссии, Буллард, тем не менее, ответил уныло – «боюсь, что нет». На замечание Мюррея, что действия англичан в таком случае опрометчивы, Буллард возражал, предполагая, что иранцы могут подать заявление в ООН позже, когда оформится и начнет функционировать Совет Безопасности. На что уже Мюррей скептически заметил, что ко времени его формирования иранский кризис может разрешиться в неудовлетворительной манере [40]. В результате под нажимом англичан иранское правительство решило отозвать свое заявление в ООН.

4 января Гендерсон обсуждал положение дел с послом Ала в Вашингтоне. Гендерсон показал иранскому послу последний британский проект Трехсторонней комиссии, выработанный на Московской конференции МИД, с американскими и советскими поправками. Ала сообщил, что его правительство хотело знать, если оно согласится на формирование такой комиссии, окажут ли представители США в ней полную поддержку иранскому суверенитету, и вообще нужно ли соглашаться на нее. Гендерсон не сказал ничего нового и сослался на положительное мнение госсекретаря, что, «соглашаясь на ее формирование, иранское правительство упрочило бы свое положение в мире и могло бы также найти решение проблем, стоящих перед ним». При этом США не желали оказывать в этом вопросе давление на Иран. Общий вердикт был таков: правительство США не поощряет Иран представлять свое дело в ООН, и оно будет радо, если оно будет разрешено вне ООН, которая будет избавлена от проблем такого рода. Но Иран должен сам решить, как ему поступать [41].

Английских доводов хватило Хакими, по данным Мюррея, на 3 дня. Уже 7 января Хакими, натолкнувшись на серьезное сопротивление своего кабинета, послал новые инструкции Такизаде в Лондон, уполномочивая его на подачу заявления. Выявились и серьезные разногласия между иранским правительством и Меджлисом по поводу Трехсторонней комиссии и ее функций. Правительство отказывалось признавать проблему меньшинств в стране и использования их языков (турецкого, курдского, арабского и др.), чего требовал проект комиссии, и предлагало ввести в нее иранских представителей. Меджлис занял открыто враждебную позицию по отношению к идее комиссии. Депутат М. Мосаддык выступил 9 января со страстной речью, благодаря СССР за отказ от нее. Он сравнил комиссию с печально знаменитыми Англо-русским договором 1907 г. и Англо-персидским договором 1919 г. и был убежден, что все трудности Ирана разрешимы путем прямых переговоров со всеми недовольными и с «Советами», что последние имели право возражать иранскому правительству, когда оно искало помощь третьих держав-посредников. Все эти события убеждали Хакими в безжизненности идеи Трехсторонней комиссии. Единственное, что удовлетворило бы Москву в данных условиях, по его мнению, это нефтяная концессия на севере Ирана, а любое правительство, не соглашающееся на ее предоставление, будет рассматриваться в СССР как враждебное [42].

Эти же события породили у Мюррея подозрения, которыми он поделился с госсекретарем: британцы готовят тайное соглашение, дающее свободу рук советской стороне на севере Ирана, а им – на юге. Они могут решить, что ничего не смогут получить от ожесточенных публичных споров с СССР и что им пора сконцентрироваться на укреплении позиций в своей сфере влияния – в Персидском заливе. Они могут рассмотреть идею уравновешивания автономии Азербайджана на севере с советским господством, автономией Хузистана под британским доминированием на юге. Это напомнит прежний британский неофициальный протекторат над Хузистаном при покойном шейхе Кхазал Мохаммерах.

Также пытаясь найти ответы на вопрос, почему англичане так сопротивляются иранскому желанию подать жалобу в ООН, осознавая всю бесперспективность идеи Трехсторонней комиссии, Муррей задается вопросом, не решили ли британцы, что при этом вскроются все факты их интервенции в Иран и что для мировой общественности их неприглядные диктаторские действия в отношении правительства Ирана и постоянное вмешательство в провинциальные дела на юге страны могли показаться столь же предосудительными, как и советские [43].

В результате, несмотря на сопротивление англичан, процесс задействования площадки ООН был запущен. Иранский посол в Англии Такизаде, назначенный главой иранской делегации, 15 января выступил перед Генеральной Ассамблеей, в связи с «очень тревожной ситуацией, сло-

жившейся в Иране» [44]. 18 января Ачесон сообщал представителю США в ООН Э. Стеттиниусу, что иранский посол в США опять просил гарантий от американской делегации в ООН в дружественной позиции по иранскому делу [45]. 19 января Такизаде подал на имя исполняющего обязанности генерального секретаря ООН Г. Джеббу заявление следующего содержания:

«1. В результате вмешательства Советского Союза, через посредничество своих должностных лиц и вооруженных сил во внутренние дела Ирана, возникла ситуация, которая может привести к международным трениям.

2. В соответствии со статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций [46], иранские власти неоднократно пытались вести переговоры с правительством Советского Союза, но это не привело к успеху.

3. Поэтому иранская делегация на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, от имени иранского Правительства, имеет честь просить Вас, в соответствии с условиями статьи 35, пунктом 1 Устава [47], довести этот вопрос до сведения Совета Безопасности, с тем, чтобы Совет смог разобраться в ситуации и рекомендовать соответствующие условия урегулирования.

4. Иранская делегация готова помогать Совету Безопасности, предоставив полное изложение фактов, которые породили нынешнюю ситуацию, вместе с копией соответствующего договора, который связывает заинтересованные стороны» [48].

Начался новый этап развития иранского кризиса, в который до вывода советских войск в мае 1946 г. из Ирана в качестве одного из главных средств его разрешения будет задействован Совет Безопасности ООН.

Таким образом, спор по выработке методов решения кризиса в Иране среди западных союзников в декабре 1945 г. – январе 1946 г. подошел к завершающей фазе. Британский «имперско-колониальный» проект создания Трехсторонней комиссии по Ирану не был принят как СССР, так и Ираном. У каждой стороны на это были свои причины. Американцы в этот период пытались убедить как сталинское руководство соблюдать все договоренности по Ирану, так и иранское правительство провести демократические конституционные преобразования, в то же время балансируя между возможными организационными предложениями англичан и иранцев по разрешению иранского кризиса. Из-за сопротивления и саботирования всех инициатив со стороны СССР и частично со стороны Ирана, логика событий привела к тому, что должно было использоваться последнее перед крупномасштабной конфронтацией средство – ООН.

Примечания

1. *Гасанлы Д.* СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006.

2. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 69. Оп. 26. П. 107. Д. 10. Л. 1–5; История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 205–206; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. Т. I. М., 1946. С. 217–221.

3. United States Department of State. Foreign relations of the United States: diplomatic papers (далее – FRUS). 1945. Vol. VIII. P. 518–519.

4. *Truman H.* Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 574.

5. *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В.* Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. С. 252–259; *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В.* Союзники и иранская нефть (1944–1945 гг.) // Россия и Соединенные Штаты: история отношений: сб. науч. ст. / ВятГГУ, Рос. гуманитар. науч. фонд. Киров, 2012.

6. Oral History Interview with Loy W. Henderson by Richard D. McKinzie. 1973. P. 54. URL: https://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm; FRUS. 1945. Vol. VII. P. 2–4.

7. *Truman H*. Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 574.

8. См. записку «О желательных основах будущего мира» И. М. Майского Молотову (Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в послевоенные годы. М., 2001. С. 15–16).

9. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 510–511.

10. Oral History Interview with Loy W. Henderson by Richard D. McKinzie. 1973. P. 53. URL: https://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm

11. *Гасанлы Д.* Указ. соч. С. 187.

12. Глава 8. Иранский Азербайджан и Московская встреча министров иностранных дел // Гасанлы Д. Указ. соч. См. также: Иранская политика Москвы и Вашингтона // Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 383–399.

13. FRUS. 1945. Vol. II. P. 771–772.

14. FRUS. 1945. Vol. II. P. 771–772, 775.

15. Возвращаясь после встречи 23 декабря в посольство, Бирнс сказал Болену, что он предвидит реальную угрозу Ирану (Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 250). Отчёт госсекретаря по иранским проблемам на московской встрече министров иностранных дел см.: Byrnes J. All in One Lifetime. N.

Y., 1958. P. 332–334, 337–338, 343; Radio report to the nation on December 30 // Department of State Bulletin, December 30, 1945, P. 1033, 1047. Взгляды президента Трумэна на дискуссию в Москве см.: Truman H. Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 549–552. В общем, президент остался неудовлетворённым: «Ни одного слова об Иране или другом месте, где Советы были на марше. Мы получили только пустое обещание дальнейших переговоров» (Truman H. Op. cit. P. 549–552).

16. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 504–505; *Cottam R. W.* Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittzburg, 1988. P. 67; *Гасанлы Д.* Указ. соч. С. 183–184.
17. FRUS. 1945. Vol. II. P. 774.
18. FRUS. 1945. Vol. II. P. 779.
19. *Гасанлы Д.* Указ. соч. С. 183.
20. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 488–489.
21. FRUS. 1945. Vol. II. P. 779–780, 798–799.
22. FRUS. 1945. Vol. II. P. 805–806.
23. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 519.
24. FRUS. 1945. Vol. II. P. 751–752.
25. Правда. 1945. 14 дек.; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 515.
26. Time. 1945. 17 December. P. 28–33; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 501; *Гасанлы Д.* Указ. соч. С. 179–180.
27. FRUS. 1945. Vol. II. P. 774.
28. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 512.
29. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 512.
30. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 513–514.
31. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 289–290.
32. Устав ООН. Статья 2, пункт 4. URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/ chapter-i/index.html
33. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 290.
34. *Гасанлы Д.* Указ. соч. С. 172, 175, 178.
35. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 514–515.
36. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 522.
37. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 291.
38. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 293.
39. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 293–294.
40. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 294–295.
41. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 295–297.
42. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 299–300.
43. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 300–301.
44. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 304.
45. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 297.
46. Статья 33 Устава ООН гласит: 1. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору. 2. Совет Безопасности, когда он считает это необходимым, требует от сторон разрешения их спора при помощи таких средств (URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vi/index.html).
47. Статья 35 Устава ООН гласит: 1. Любой Член Организации может довести о любом споре или ситуации, имеющей характер, указанный в статье 34, до сведения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи. Статья 34: Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности (URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vi/index.html).
48. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 304.

Notes

1. Hasanly D. *SSSR – Iran: Azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny (1941–1946 gg.)*[USSR – Iran: Azerbaijan crisis and beginning of the cold war (1941–1946 gg.)]. M. 2006.

2. The foreign policy archive of the Russian Federation (hereinafter AVP RF). F. 69. Sh. 26. P. 107. File 10. Sh. 1-5; *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. Vol. IV. M. 1975. Pp. 205–206; *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy* – Soviet Foreign policy during the Patriotic war: documents and materials. Vol. I. M. 1946. Pp. 217–221.

3. United States Department of State. Foreign relations of the United States: diplomatic papers (hereafter FRUS). 1945. Vol. VIII. Pp. 518–519.

4. *Truman H.* Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 574.

5. Jungblud V. T., A.V. Chuchkalov *Politika SSHA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [U.S. policy in Iran during the Second World War]. Kirov. 2011. Pp. 252–259; Jungblud V. T., A.V. Chuchkalov *Soyuzniki i iranskaya neft' (1944–1945 gg.)* [Allies and Iranian oil (1944–1945)] // *Rossiya i Soedinennye SHtaty: istoriya otnoshenij: sb. nauch. st.* – Russia and the United States: history: collection of scientific works / VyatSHU. Rus. human. scientific fund. Kirov. 2012.

6. Oral History Interview with Loy W. Henderson by Richard D. McKinzie. 1973. P. 54. Available at: https://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm; FRUS. 1945. Vol. VII. P. 2–4.

7. *Truman H*. Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 574.

8. See a note *«O zhelatel'nyh osnovah budushchego mira»* ["About the desired future foundations of the world"] of I. M. Maisky to Molotov (A. A. Danilov, A.V. Pyzhikov *Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v poslevoennye gody* [Birth of a superpower: USSR in the postwar years]. M. 2001. Pp. 15–16).

9. FRUS. 1945. Vol. VIII. Pp. 510–511.

10. Oral History Interview with Loy W. Henderson by Richard D. McKinzie. 1973. P. 53. Available at: https://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm

11. Hasanly D. Op. cit. p. 187.

12. Chapter 8. *ranskij Azerbajdzhan i Moskovskaya vstrecha ministrov inostrannyh del* – Iranian Azerbaijan and the Moscow meeting of Ministers of foreign Affairs // Gasanly D. Op. cit. See also: *Iranskaya politika Moskvy i Vashingtona* – Iranian policy of Moscow and Washington // *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Middle East in the years 1939–1947. Kirov. 2014. Pp. 383-399.

13. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 771–772.

14. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 771–772, 775.

15. Returning after a meeting on December 23 at the Embassy, Byrnes told Bohlen that he foresaw a real threat to Iran (Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 250). The report of the Secretary of state on Iranian issues at the Moscow meeting of foreign Ministers, see: Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. Pp. 332-334, 337-338, 343; Radio report to the nation on December 30 // Department of State Bulletin, December 30, 1945, P. 1033, 1047. Views of President Truman on the discussion in Moscow, see: H. Truman Memoirs: Year of Decisions. V. 1. N. Y., 1955. P. 549–552. In general, the President remained dissatisfied: "Not a single word about Iran or some other place where the Soviets were on the march. We have only received an empty promise of further negotiations" (Truman H. Op. cit. Pp. 549–552).

16. FRUS. 1945. Vol. VIII. Pp. 504–505; R. W. Cottam, Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittzburg, 1988. P. 67; Gasanly D. Op. cit. Pp. 183–184.

17. FRUS. 1945. Vol. II. P. 774.

18. FRUS. 1945. Vol. II. P. 779.

19. Hasanly D. Op. cit. P. 183.

20. FRUS. 1945. Vol. VIII. Pp. 488–489.

21. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 779–780, 798–799.

22. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 805–806.

23. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 519.

24. FRUS. 1945. Vol. II. Pp. 751–752.

25. Truth. 1945. 14 Dec.; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 515.

26. Time. 1945. 17 December. Pp. 28–33; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 501; Gasanly D. Op. cit. Pp. 179–180.

27. FRUS. 1945. Vol. II. P. 774.

28. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 512.

29. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 512.

30. FRUS. 1945. Vol. VIII. Pp. 513–514.

31. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 289–290.

32. The Charter of the United Nations. Article 2, paragraph 4. Available at: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/ chapter-i/index.html (in Russ.)

33. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 290.

34. Hasanly D. Op. cit. P. 172, 175, 178.

35. FRUS. 1945. Vol. VIII. Pp. 514–515.

36. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 522.

37. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 291.

38. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 293.

39. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 293–294.

40. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 294–295.

41. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 295–297.

42. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 299–300.

43. FRUS. 1946. Vol. VII. Pp. 300–301.

44. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 304.

45. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 297.

46. Article 33 of the UNO Charter states: 1. The parties to any dispute, the continuation of which could threaten the maintenance of international peace and security, shall first of all endeavour to resolve the dispute by negotiation, inquiry, mediation, conciliation, arbitration, judicial settlement, resort to regional agencies or arrangements, or other peaceful means of their choice. 2. The Security Council shall, when it deems necessary, call upon the parties to settle their dispute by such means (Available at: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vi/index.html).

47. Article 35 of the UNO Charter states: 1. Any Member may bring any dispute, or any situation of the nature referred to in article 34, to the attention of the Security Council or the General Assembly. Article 34: the Security

Council may investigate any dispute, or any situation which might lead to international friction or give rise to a dispute, to determine whether the continuation of this dispute or situation threaten the maintenance of international peace and security (Available at: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vi/index.html).

48. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 304.

УДК 94(47+73)«1982–1987»

А. В. Зорин

М. С. Горбачев в аналитических обзорах ЦРУ (1982–1987 гг.)*

Статья посвящена анализу новых и малоизвестных для отечественной историографии источников – оцифрованных и находящихся в открытом интернет-доступе аналитических докладов Центрального разведывательного управления США, посвященных деятельности последнего Генерального секретаря КПСС и главы СССР М. С. Горбачева в 1982–1987 гг. – с момента его появления в перечне возможных преемников Л. И. Брежнева и кандидата на высшие партийный и государственный посты в СССР до первых лет нахождения у власти и начала перестройки. Автор прослеживает эволюцию взглядов экспертов-советологов ЦРУ на личностные качества Горбачёва, черты характера, взгляды и убеждения. Разбираются сравнения с другими советскими лидерами, оценки целей и задач Горбачева, хода и результатов политической деятельности, рассматриваются прогнозы реформ и развития СССР.

The article is devoted to the analysis of some newly digitized and declassified analytical reports of the US CIA, focused on the last CPSU General Secretary and Soviet state leader Mikhail Gorbachev since his appearance in the list of Leonid Brezhnev's successor and a candidate for the top positions in the Soviet Union to the first two years of his leadership and his turn to Perestroika. The author traces the evolution of the CIA experts opinions and views towards Gorbachev's personality, features of character, attitudes and beliefs, comparisons with other Soviet leaders, estimations of Gorbachev's goals and targets, progress and results of his political activity, forecasts for further reforms and development of the Soviet Union.

Ключевые слова: Горбачев, ЦРУ, СССР, разведка.

Keywords: M. Gorbachev, CIA, USSR, intelligence.

В последние годы благодаря развитию информационных технологий у историков появляется все больше возможностей для изучения ранее недоступных или труднодоступных материалов. Одними из наиболее интересных и слабо изученных источников, отражающих события недавнего прошлого, являются постепенно рассекречиваемые документы спецслужб. Если в России процесс доступа к подобным ресурсам по-прежнему остается затрудненным, в США благодаря «Закону о свободе информации» (Freedom of Information Act), предписывающему государственным органам предоставлять доступ к несекретным документам через электронные читальные залы, в последние годы в открытом доступе появляется все больше ранее неизвестных документов времен холодной войны и советско-американского противостояния. Достаточно активно оцифровываются и публикуются рассекреченные материалы одной из наиболее могущественных американских спецслужб – Центрального разведывательного управления (ЦРУ). В настоящий момент они находятся в открытом доступе на интернет-сайте данного ведомства и доступны для всех желающих [1].

Учитывая роль, которую упомянутое ведомство играет с момента своего создания в определении внутри- и внешнеполитического курса Вашингтона, архивы ЦРУ представляют несомненный интерес для изучения не только американской, но и мировой, и российской истории XX – начала XXI в. Особый интерес представляют материалы, охватывающие период холодной войны, когда данная спецслужба являлась одним из главных источников разведывательной и аналитической информации, оказывая непосредственное влияние на политику американского руководства. Для нас документы ЦРУ представляют первостепенный интерес, когда они касаются советско- и российско-американских отношений, событий, периодов или фигур, связанных с отечественной историей. Одним из них, безусловно, является последнее десятилетие существования СССР, закончившееся коллапсом и распадом советского государства и образованием современной России. Одним из наиболее спорных и дискуссионных вопросов в современной исто-

© Зорин А. В., 2016

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.*

риографии можно считать оценку соотношения объективного и субъективного факторов в этих событиях, и особенно роли политических лидеров той эпохи. Ключевой фигурой в их ряду являлся последний Генеральный секретарь ЦК КПСС и глава советского государства М. С. Горбачев, радикальный политический курс которого способствовал началу необратимых процессов в СССР и связанных с ним странах, распаду советской системы и окончанию холодной войны.

Отношение к Горбачеву остаётся неоднозначным с момента его прихода к власти до настоящего времени. С этих позиций представляется интересным рассмотреть, как его деятельность воспринималась американскими аналитиками и экспертами, профессионально занимавшимися изучением и прогнозированием действий СССР. Некоторые из выложенных на сайте ЦРУ документов предоставляют нам такую возможность. Они позволяют раскрыть трансформацию отношения к последнему главе КПСС и СССР на личностном и профессиональном уровнях. Однако, несмотря на большой прогресс в оцифровке ранее секретных документов ЦРУ, к настоящему времени не весь их перечень по затронутому вопросу и периоду является доступным. В имеющихся материалах зачастую присутствуют значительные лакуны – закрытые слова, строчки, абзацы и целые страницы. В связи с этим анализ поставленной проблемы пока что не может претендовать на полноту и исчерпывающий характер. Тем не менее он позволяет составить общий взгляд и представляет значительный интерес.

В рамках данной статьи были проанализированы семь аналитических записок и докладов, охватывающих промежуток в пять лет – с 1982 по 1987 г.: со времени появления Горбачева в перечне потенциальных преемников Л. И. Брежнева до утверждения у власти и перехода к радикальным реформам в рамках политики перестройки. Рассмотренные документы были подготовлены аналитиками ЦРУ (в некоторых в качестве источника указывается Управление советского анализа) и предназначались для высшего руководства страны, в том числе президента США – все они сконцентрированы в фонде Рональда Рейгана. Таким образом, представленные в них соображения и выводы могли оказывать непосредственное влияние на принятие политических решений в отношении СССР.

Рассматривая данные материалы, прежде всего необходимо отметить, что эксперты ЦРУ внимательно следили за происходившими изменениями в сфере высшего руководства СССР. Отдельные доклады имеют большой объем и содержат как разбор текущих событий, так и прогнозы на ближайшее будущее. Судя по контексту, главным источником информации для них служили открытые и общедоступные источники – материалы печати и СМИ. Зачастую тексты содержат ссылки на опубликованные или озвученные речи или слова советских руководителей. Отсылок к секретным разведданным в этих документах не приводится. Можно заметить, что аналитики были не очень хорошо осведомлены о деталях и подробностях внутриполитической борьбы в советском руководстве, часто подчеркивая вероятностный характер своих предположений и выводов и отражая общее видение положения дел.

Проблема перехода власти в советском руководстве по понятным причинам была одной из ключевых в докладах первой половины 1980-х гг. Первые упоминания о М. С. Горбачёве как одном из возможных кандидатов на пост высшего руководителя КПСС и СССР стали появляться в 1982 г. в связи с ухудшением состояния здоровья Л. И. Брежнева, обострившейся в рядах советской элиты борьбой за власть и выбор преемника. Тогда эксперты отмечали, что именно новый лидер будет предопределять дальнейшее развитие СССР, оказавшегося в брежневский период в экономическом и кадровом застое. В первом из рассматриваемых документов – апрельском докладе за 1982 г. – обращалось внимание на наметившийся раскол советской элиты на старых «брежневцев», тяготевших к сохранению текущего курса, и стремившееся к переменам более молодое поколение. Правда, тут же отмечалось, что реальные настроения последнего оставались малоизвестными и последствием утверждения его представителей у власти могла стать не либерализация курса, а «возвращение к той или иной форме неосталинистской ортодоксии». Среди основных претендентов на высший пост указывались три секретаря ЦК КПСС: А. П. Кириленко, К. У. Черненко, М. С. Горбачев. Но шансы последнего в этой тройке оценивались слабо, как имевшего наименьшее влияние и худшие позиции [2]. В другом отчете за тот же период называлось уже пять фамилий: первую тройку претендентов составляли К. У. Черненко, Ю. В. Андропов (глава КГБ СССР), Д. Ф. Устинов (министр обороны), во втором ряду шли В. В. Гришин (первый секретарь Московского горкома КПСС) и Горбачев. У последнего отмечались два преимущества: возраст (он был самым молодым членом Политбюро) и сфера ответственности – сельское хозяйство – аналитики замечали, что аналогичную должность занимал Н. С. Хрущев на своем пути к власти [3]. В дальнейшем сравнение с Хрущевым повторялось неоднократно. Правда, в майском отчете за 1982 г., трактуя возраст Горбачева как преимущество, его узкая сфера работы называ-

лась серьезным недостатком в борьбе за власть. Но отмечалось, что в последнее время он более активно проявлял себя в несельскохозяйственных вопросах [4].

После смерти Брежнева и назначения на высшие посты в СССР Андропова эксперты замечали растущую активность и влияние Горбачева, постепенно уделяя ему больше внимания. В декабре 1983 г. экспертный доклад называл его среди двух главных кандидатов на преемство наравне с Г. В. Романовым (член Политбюро и секретарь ЦК КПСС), причем отмечалось, что положение первого значительно улучшилось благодаря поддержке Андропова. «С точки зрения видимых показателей политического статуса Горбачев далеко впереди Романова. Его положение значительно улучшилось, начиная с вступления Андропова в должность, и его обязанности в настоящее время выходят далеко за пределы его первоначального портфеля сельского хозяйства», – замечалось в документе [5]. Однако, как известно, следующим руководителем КПСС и СССР в 1984 г. стал Черненко, занимавший свой пост до 10 марта 1985 г. Рассмотренные материалы не освещают данный период и не содержат информацию о Горбачеве и процессе его выбора на высшие советские посты.

Следующий доклад относится к июню 1985 г. и имеет дело с Горбачевым уже в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. Он посвящен рассмотрению первых ста дней нахождения нового советского лидера у власти, детальному анализу его политических планов и личностных характеристик. Документу предшествует интересная записка главы ЦРУ У. Д. Кейси президенту США Р. Рейгану, датированная 27 июня 1985 г.: «Уважаемый господин президент, вы можете найти здесь хороший материал для чтения в самолете. Это хорошее описание стиля Горбачева, целей и методов работы, продемонстрированных в первые 100 дней его руководства. Вам понравится его нацеленность на массивный бюрократический аппарат (далее небольшая лакуна. – *А. З.*)» [6].

Доклад акцентировал внимание на значительное отличие нового Генерального секретаря от предшественников. Среди его личностных качеств подчеркивались активность, решительность, бескомпромиссность и даже агрессивность. Ближайшим напоминавшим его советским лидером был Хрущев: «Горбачев продемонстрировал в свои первые сто дней, что он является самым агрессивным и активным советским лидером со времен Хрущева. Он готов принимать спорные и даже непопулярные решения…». По мнению авторов, политика Горбачева определялась двумя главными намерениями: стремлением к расширению и укреплению политической власти («что исторически являлось главной целью каждого нового партийного лидера») и необходимостью сломить сопротивление старой элиты. Для достижения этих целей, замечалось в докладе, он прежде всего старался создать опору в бюрократическом аппарате, вытесняя старую элиту и продвигая своих союзников на ключевые руководящие должности. «За четыре месяца предпринял больше кадровых перемещений в Политбюро и секретариате КПСС, чем его предшественники», – отмечалось в докладе. Еще одной важной задачей Горбачева авторы считали восстановление «общественного доверия к руководству и чиновничеству».

Отмечая отсутствие безоговорочной поддержки нового Генсека в высшем руководстве страны, авторы считали потенциальными сторонниками Горбачева недовольных кадровым «застоем брежневских времен» чиновников среднего звена и общественность. Для получения их поддержки новый глава КПСС активно прибегал к популистским методам: заострял в речах внимание на кризисном состоянии страны, необходимости перемен, критиковал прежнюю экономическую политику, увольнял некоторых чиновников. В докладе отмечалось, что Горбачев умело подстраивал «публичные выступления и свой медиаимидж» к достижению своих целей, с этой целью проявлял «большое внимание к организации своих встреч с общественностью, создавая видимость знания и заботы о жизни граждан» и продолжая «антикоррупционную гонку Андропова», дополнив ее «кампанией по борьбе с алкоголем». Таким образом, Горбачев воспринимался прежде всего как умелый и расчетливый политик, нацелившийся на укрепление личной власти и создание необходимой кадровой опоры. Эксперты не считали, что он предлагал кардинально новый политический курс для СССР, и приходили к выводу, что он лишь продолжил то, что инициировал и не успел реализовать Андропов: «Горбачев начал там, где остановился Андропов». «Анализируя опыт Андропова, Горбачев сознательно создал обстановку срочности и дал понять, что намерен бороться с проблемами», – констатировалось в докладе. Интересно, что авторы замечали и некоторые параллели политики Горбачева и Сталина – в стремлении избежать радикальных перемен «с помощью чистки и обновления партии и государства от вредных элементов». В целом политический курс Горбачёва расценивался как рискованный и авантюрный, встречающий серьезное сопротивление советской элиты. Дальнейшая его судьба и успех его замыслов пока что представлялись неопределёнными. «Горбачев будет находиться под прицелом, вынужденный демонстрировать сохраняющиеся доказательства движения вперед или подвергаться другому

риску, позволяя потенциальным противникам сблизиться и работать против него. Противники будут искать возможности для замедления темпов Горбачева», – заключалось в отчете [7].

Важным этапом в дальнейшей карьере Горбачева, по мнению американских аналитиков, стал проходивший с 25 февраля по 6 марта 1986 г. XXVII съезд КПСС. В докладе, посвящённом разбору итогов данного мероприятия, отмечалось, что после его проведения позиции Горбачева укрепились: он произвел самые кардинальные кадровые перестановки за последние 25 лет и «почти поменял высшее руководство партии», значительно ускорив темпы инициированной Андроповым «дебрежневизации». Тогда же Горбачев стал более активно выступать с критикой предшествующего курса, заявляя, что «кадровая политика Брежнева и стиль руководства привели к накоплению серьезных политических, экономических и социальных проблем, с которыми приходится сталкиваться, чтобы оживить систему». «Расхлябанность Брежнева в общении с подчиненными, его склонность оставлять чиновников на местах даже после того, как они становились слишком старыми или демонстрировали недееспособность на своих постах, его благодушное отношение к кумовству и коррупции способствовали серьезной эрозии центральной власти по отношению к основным партийным и государственным бюрократическим структурам. Концентрация внимания Горбачева на кадровых вопросах может указывать на разделяемую некоторыми членами его команды веру в то, что “человеческого фактора” самого по себе достаточно для коренного улучшения функционирование системы», – заключалось в докладе. Авторы отмечали, что съезд в первую очередь можно было рассматривать как успешный шаг на пути консолидации Горбачевым власти, но оказавший незначительное влияние на решение экономических и социальных проблем СССР. Это усиливало аргументы в пользу довода о том, что советский лидер не хотел и не имел возможности существенно менять советскую систему.

В этом же докладе вновь фигурировало сравнение Горбачева со Сталиным, но отмечались и существенные отличия двух лидеров: «Подход Горбачева действительно имеет больше общего со сталинским, чем подход Брежнева или Хрущева, хотя это сходство не распространяется на широкое использование репрессий. Многие из приоритетов нового генерального секретаря также напоминают Сталина: к примеру, его требование к дисциплине, его призыв к большей дифференциации в оплате труда и его нетерпимость к местным бюрократическим империям. Тем не менее существуют резкие различия между Сталиным и нынешним лидером: призыв к большей управленческой автономии; политика гласности и сокращение партийных привилегий; ограничение полномочий органов безопасности; отсутствие прославления русского национализма» [8].

Последний по времени появления доклад, анализируемый в данной статье, был составлен в июле 1987 г. – после объявления о переходе СССР к политике перестройки. В нем авторы рассматривали Горбачева уже как устоявшегося лидера, нацелившегося на достижение серьезных целей и проведение кардинальных реформ в экономической и социальной сферах: «По собственному признанию Горбачева, СССР сталкивается с системным кризисом. Провал его предшественников в стремлении эффективно бороться с нарастающим упадком в стране и снижение доверия за границей подорвали доверие к советской модели, заставляя как иностранцев, так и местное население сомневаться в том, что система способна на значительное улучшение. Горбачев и его союзники ясно дали понять, что они видят, что ведущая роль партии, статус СССР как супердержавы и будущее коммунистической системы поставлены на карту». В связи с этим общая тональность восприятия Горбачева меняется. Он предстает уже не как расчётливый политик, добивавшийся укрепления личной власти, а прежде всего как решительный и последовательный реформатор: «Михаил Горбачев поставил на карту свое будущее в смелом стремлении оживить советское общество, улучшить способности Москвы конкурировать с Западом и более эффективно продвигать советское влияние на мировой арене. Реформы, которыми он добивается достижения этих целей, способны произвести наиболее значительные изменения в советской политике и управлении со времен сталинской принудительной регламентации страны в конце 1920-х годов». При этом по-прежнему авторы считали, что Горбачев стремился не к созданию новой системы, а к некоторому обновлению старой, элементами которой должны были стать «верховенство Коммунистической партии и стратегический контроль над основными направлениями экономики» при более терпимом отношении со стороны «политического и бюрократического окружения» к «политическим дискуссиям, рыночные силы в экономике, конкуренция между предприятиями и отдельными гражданами, проверки со стороны центральных органов власти и расширенные права индивидов». «Он был намерен обновить основные институты сталинской системы, сохраняя основные черты ленинской», – заключалось в докладе, – но «в некоторых отношениях… отвергнуть сталинизм в пользу ленинизма». С этих позиций, с точки зрения авторов, Горбачев придерживался «традиционных целей: в первую очередь повышения безопасности Со-

ветской Родины; расширения советского влияния во всем мире; вытеснение коммунизмом капитализма по всему земному шару».

Правда, в докладе приводилось и альтернативное мнение директора Агентства национальной безопасности, который считал экономические и социальные реформы Горбачева лишь прикрытием для «фактических чисток партии и государств как традиционного средства восстановления жизненных сил партии» и усиления политического контроля. Итогами такого курса могли стать два варианта событий. Первый предполагал, что Горбачев «преуспеет в очищении партии, но в процессе высвободит многие социальные силы, которые ему затем придется возвращать под контроль с помощью КГБ и партийных средств». Это было бы лучшим результатом для Горбачева, который мог бы «сопровождаться умеренными экономическими улучшениями» и укреплением советской политической системы. Второй (и более вероятный) вариант допускал неудачу в проведении чисток и возвращение к новой брежневской эпохе, проявляющейся в сочетании «внутренней неподвижности с внешний мобильностью». Это создало бы «стабильную, но немного ослабленную политическую систему». «В обоих случаях, – заключалось в прогнозе, – советская внешняя политика, скорее всего, останется мобильной, более искусной и гибкой, чем в последние брежневские годы, и будет большим вызовом для США как в странах третьего мира, так и в промышленно развитых странах Европы и Восточной Азии».

Авторы доклада, разбирая дальнейшие планы советского лидера, также отмечали серьезные трудности, давая прогноз в отношении его курса: «Исторически сложилось, что изменения такого масштаба в России и Советском Союзе могли успешно производить только чрезвычайно авторитарные лидеры. У Горбачева нет такой власти, и вряд ли он ее получит. Ему грозит затяжная борьба… Его политическое выживание будет зависеть от сочетания политического мастерства, эффективного управления реформой и преодоления трудностей, которые она неизбежно повлечет за собой, и удачи». Авторы отмечали возможность «существенных изменений» в СССР в следующем десятилетии лишь при сохранении власти за Горбачевым: «Горбачев будет упорно продвигаться вперед в реализации своей программы, делая при необходимости тактические корректировки и задержки. До тех пор пока он остается у руля… остается перспектива значительного прогресса на пути системных реформ. Если он умрет на посту или будет отстранен, существенно возрастет вероятность того, что руководство остановит принципиальные изменения». Таким образом, Михаил Сергеевич считался ключевой фигурой в проведении кардинальных реформ советской системы.

В приложении к данному докладу разбирались его личностные характеристики и акцентировалось внимание на особых качествах: решительности, настойчивости, нетерпимости, твердости, склонности к нетрадиционным методам в достижении целей. Авторы приходили к заключению, что Горбачева не устраивала роль обычного советского руководителя и он заметно отличался от своих предшественников: «Михаил Горбачев является самым грозным советским лидером из всех, с которыми Соединенные Штаты сталкивались со дня смерти Сталина. Он твердо привержен своему курсу на радикальное повышение эффективности и производственной мощи СССР и тем самым увеличение влияния Советского Союза во всем мире. Хотя его шансы на успех вызывают сомнение, его решимость – нет». Хотя у Горбачева не было тщательно продуманного «генерального плана системы, которую он хотел создать», он «решил руководить СССР, а не просто служить в качестве главы Политбюро. В отличие от склонного к консенсусам (consensus-building) Брежнева, Горбачев… готов экспериментировать и рисковать, чтобы вдохнуть новую жизнь в советскую систему. В отличие от Хрущева, однако, его готовность идти на риск смягчается тщательным расчетом возможных последствий своих действий. Он будет упорно продвигаться к своим целям, демонстрируя при этом необыкновенную тактическую гибкость». «Горбачев очень уверен в потенциале СССР и его собственной способности руководить. Если он почувствует, что программа реструктуризации не отвечает его ожиданиям… он продолжит и даже усилит свои усилия. Когда изменения вызовут разногласия и политические потрясения, Горбачев пойдет на компромисс в том, что он считает второстепенными вопросами, и изменит свою тактику, но продолжит настаивать на достижении своих целей. Мы считаем, что он осознает, что проводит потенциально опасный курс, но намерен продолжать его, даже несмотря на риск неудачи, вместо сохранения статус-кво», – заключалось в докладе [9].

Аналитические доклады ЦРУ довольно подробно и разносторонне рассматривают личностные и политические характеристики М.С. Горбачева. В них можно заметить множество соображений, совпадающих и с современными оценками. Но они также показывают, что фигура последнего советского генсека во многом являлась непредсказуемой и слабо прогнозируемой для специалистов-советологов. Действия Горбачева оценивались противоречиво, в форме предположений и гипотетических прогнозов. Большое внимание уделялось психологическому портрету

советского лидера и разбору личностных характеристик. Ограниченность выводов во многом определялась и использовавшимися источниками информации. В затронутый период авторы не смогли предложить достаточно точный прогноз дальнейших радикальных действий Горбачева и оценить последствия его политики для СССР, связанных с ним стран и всего мира. Впрочем, это в полной мере относилось и к советскому руководству.

Примечания

1. Электронная библиотека Центрального разведывательного управления США. URL: www.cia.gov/ library

2. The Soviet Political Succession: Institutions, People, and Policies. An Intelligence Assessment. April 1982. URL: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19820401A.pdf

3. Memorandum for the President. Soviet Political Succession: Institutions, People and Policies. 22 April 1982. URL: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19820422.pdf

4. Special analyses. USSR: Candidates for the Succession. May 4 1982. URL: www.cia.gov/library/ readingroom/docs/19820504.pdf

5. Whither the Soviet Leadership. National Intelligence Council. 12 December 1983. URL: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19831212.pdf

6. *William J.* Casey to the President. Gorbachev, the New Broom. 27 June 1985. URL: www.cia.gov/library/ readingroom/docs/19850601.pdf

7. Ibid.

8. The 27th CPSU Congress: Gorbachev's Unfinished Business. April 1986. URL: www.cia.gov/library/ readingroom/docs/19860401A.pdf

9. Gorbachev: Steering the USSR Into the 1990s. July 1987. URL: www.cia.gov/library/readingroom/ docs/19870701.pdf

Notes

1. The electronic library of the Central Intelligence Agency of the United States. Available at: www.cia.gov/library

2. The Soviet Political Succession: Institutions, People, and Policies. An Intelligence Assessment. April 1982. Available at: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19820401A.pdf

3. Memorandum for the President. Soviet Political Succession: Institutions, People and Policies. 22 April 1982. Available at: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19820422.pdf

4. Special analyses. USSR: Candidates for the Succession. May 4 1982. Available at: www.cia.gov/ library/readingroom/docs/19820504.pdf

5. Whither the Soviet Leadership. National Intelligence Council. 12 December 1983. Available at: www.cia.gov/library/readingroom/docs/19831212.pdf

6. William J. Casey to the President. Gorbachev, the New Broom. 27 June 1985. Available at: www.cia.gov/ library/readingroom/docs/19850601.pdf

7. Ibid.

8. The 27th CPSU Congress: Gorbachev''s Unfinished Business. April 1986. Available at: www.cia.gov/ library/readingroom/docs/19860401A.pdf

9. Gorbachev: Steering the USSR Into the 1990s. July 1987. Available at: www.cia.gov/ library/ readingroom/docs/19870701.pdf'

УДК 94(470):68

Т. И. Лыпка

Социальная политика на промышленных предприятиях Германии (II половина XIX – начало XX в.)

Статья раскрывает содержание социального законодательства Германии: II половина XIX – начало XX в. Основное внимание уделено активному участию руководителей ведущих промышленных предприятий Германии в решении социальных проблем. Представители первого поколения промышленников олицетворяли в позитивном смысле тип патриархальных предпринимателей, которые претендовали на участие в личной жизни своих рабочих. Последующее поколение предпринимателей с ростом предприятий потеряло личный контакт с работниками своих предприятий и вместе с тем чувство социальной ответственности. В 80-х гг. XIX в. государство приняло на себя часть социальных задач владельцев предприятий. Под руково-

© Лыпка Т. И., 2016

дством канцлера О. Бисмарка была создана система обязательного страхования в 1883–1889 гг. Но предприниматели всегда считали своей задачей и делом чести, будучи успешными бизнесменами, выделять часть денежных средств на решение социальных проблем.

The article reveals the content of social legislation Germany: the second half of XIX – beginning of XX century the Main attention is paid to the active participation of heads of leading industrial enterprises of Germany in solving social problems. Among the first generation Industrialists represented in a positive sense, the Patriarchal type of entrepreneurs that applied to participate in the personal lives of their workers. The next generation of entrepreneurs with growth companies have lost personal contact with their employees and along with that a sense of social responsibility. In the 80-ies of the XIX century the state has assumed the social tasks of business owners. Under the leadership of Chancellor O. Bismarck had created a system of compulsory insurance in 1883–1889 gg. But entrepreneurs have always believed in their task and a matter of honor, being successful businessmen, to allocate part of funds on solving social problems.

Ключевые слова: социальное законодательство, социальная политика, социальное страхование, благотворительные фонды промышленных предприятий, больничные кассы, жилье для рабочих и служащих.

Keywords:: social legislation, social policy, social insurance, welfare funds, industrial companies, health insurance, housing for workers and employees.

Социальное законодательство является достижением европейской правовой культуры в XX в. Государственно-правовое регулирование социальной сферы позволило Германии избежать социальных потрясений, способствовало повышению уровня жизни и социальной защищённости наемных рабочих.

Обострение социальных проблем ощутили не только социалисты и другие противники капитализма. Поиском решений социального вопроса в Германии уже во II половине XIX в. озаботились крупные промышленники – А. Крупп, А. Борзиг, Р. Бош и др. Они пытались в новую систему внедрить старые, феодально-патриархальные отношения [1] . Представители первого поколения предпринимателей эпохи грюндерства существенно отличались от известных промышленников второго поколения. Альфред Крупп, Вернер фон Сименс, позднее Роберт Бош олицетворяли в позитивном смысле тип патриархальных предпринимателей, которые претендовали на участие в личной жизни своих рабочих, одновременно чувствовали социальную ответственность и соответственно этому поступали [2].

В 1848 г. Альфред Крупп унаследовал сталелитейное производство. В Германии началась мартовская революция 1848 г. В одном из писем, написанных в те дни Идой Крупп [3], говорилось: «Матиас Штиннес, владеющий большинством угольных рудников, не только прекратил платежи по векселям, превышающим сумму в 700 000 талеров, но, ссылаясь на невозможность сбыта продукции, уволил много рабочих в Эссене и Мюльгейме, оставив их без куска хлеба. Рабочие начали волноваться, возникли беспорядки, дело дошло даже до вызова военных… Альфред Крупп вчера вечером собрал всех рабочих, рассказал им о тревожном времени и о том, чего он ждет от них в этой ситуации. Он просил, чтобы никто из них не принял участия в беспорядках, если они дойдут до Эссена» [4]. Хотя финансовое положение завода было очень тяжелым, рабочие продолжали работать. Крупп решил отдать на Монетный двор в Дюссельдорфе своё фамильное серебро, чтобы переплавить в монеты и заплатить рабочим [5]. Он не обладал ни честолюбием, ни самоуверенностью известных рейнских предпринимателей, таких как Г. Мевиссен, Л. Кампхаузен или А. Ганземан, считавших себя спасителями отечества, просто он считал себя ответственным за порядок в его собственном доме, полагая, что за порядком в государстве должны следить люди, стоящие во главе государства. Этот принцип он распространял и на собственное производство.

Последующее поколение предпринимателей с ростом предприятий быстро потеряло личный контакт со своими рабочими и служащими, а вместе с этим и чувство социальной ответственности.

Социальное страхование предложило убедительный ответ на вопрос, каким образом необходимые для граждан социальные гарантии можно трансформировать в задачи государства. Ресурсы государства формируются за счет изъятия части доходов у населения посредством налогообложения. Более чем столетняя традиция называет средства социального страхования «корпоративными», так как они вносились и работниками и работодателями, и характеризовались тем, что аккумулировали эти средства не в бюджете государства, а в специально созданных финансовых организациях (фондах, больничных кассах) [6].

В 1845 г. в Пруссии был принят Промышленный устав, который ввел обязательное страхование от несчастных случаев на производстве. Органы местного самоуправления имели право

издать такого рода акты. В результате судебной практики было выработано понятие профессионального риска: предприниматель подвергал работника, работающего на предприятии, определенному риску, связанному с исполнением профессиональных обязанностей. Предприниматель за этот риск нес материальную ответственность. В Германии первый закон об ответственности предпринимателей за профессиональный риск был принят в 1871 г.

В объяснительной записке Отто фон Бисмарка к социальному проекту, представленному в рейхстаге в 1881 г., было сказано: «Государство должно заботиться о своих нуждающихся в помощи подданных больше, чем оно делало это до сих пор. Это не только дело приверженности гуманности и христианским добродетелям, которыми должны быть проникнуты государственные учреждения: это также задача политики, стремящейся к укреплению государства, ибо цель её – внушить неимущим классам населения, которые в то же время и самые многочисленные и наименее обеспеченные, что государство – учреждение не только необходимое, но и творящее добро. В конце концов, эти классы должны быть приведены путем ясных и прямых выгод, доставляемых им законодательными мерами, к тому представлению, что государство есть институт, изобретенный не только для защиты более обеспеченных, но и служащий также и их нуждам и интересам» [7].

Завершилось создание системы обязательного социального страхования в 1883–1889 гг. под руководством канцлера Бисмарка. В 1883 г. был введен Закон о страховании потери трудоспособности в связи с болезнью [8]. В 1884 г. принят Закон страхования от несчастных случаев, который действовал только в отношении промышленных предприятий [9]. В течение последующих трех лет его действие распространилось на транспорт, сельское хозяйство, лесное хозяйство, морское судоходство, что придало закону универсальный характер. В случае производственной травмы предусматривалась выплата пособия в размере двух третей заработка на время утраты трудоспособности, а при полной потере трудоспособности – пожизненно. Вдовам назначалась пенсия, составляющая 60% от этих двух третей. В 1889 г. был принят Закон о страховании нетрудоспособности в старости [10]. При этом в названных законах плательщиками являются как рабочие, так и работодатели, а в особых случаях и государство. Эти виды страхования стали обязательными для работающих, независимо от возраста, пола, профессии, квалификации и состояния здоровья. Они явились фундаментом немецкого «социального рыночного государства» [11]. Таким образом, Бисмарку в созданной им модели социальной политики удалось обобщить и юридически обосновать как норму обычного права как представления о справедливости, так и уже институционально сложившиеся реалии экономических отношений. Это и обусловило устойчивость модели Бисмарка.

Бисмарк понимал значимость общественного спокойствия, стабильности и национальной консолидации для будущего Германии, поэтому он стремился к социальному равенству и социальной справедливости. Канцлер занимался решением социальных вопросов, тем самым защищал интересы людей, их права и свободы и ставил заслон распространению социалистических идей в Германии.

В дальнейшем вопросы правового регулирования страхования по болезни вошли в Имперский страховой устав 1911 г. [12] Социальное законодательство Бисмарка было дополнено введением в 1914 г. пенсионного страхования и пособия по инвалидности для работников бюджетной сферы [13]. Практическую работу по страхованию на случай болезни осуществляли больничные кассы. Они собирали страховые взносы, выдавали пособия по болезни и иные денежные выплаты, а также проводили мероприятия в области здравоохранения.

Больничные кассы образовывались по региональному и профессиональному принципу (местные, земельные, производственные, больничные кассы Союза ремесленников и т. д.). Основным видом являлись производственные больничные кассы, создаваемые на предприятиях. Они могли быть образованы для одного либо нескольких предприятий, экономически тесно связанных между собой (общие производственные больничные кассы).

Для организации больничных касс устанавливался законом круг лиц, входящих в кассу данного вида. Основным признаком при этом выступала профессиональная принадлежность лица. Лишь два вида касс: местные и земельные, были всеобщими для всех застрахованных (§ 238 Имперского страхового устава 1911 г.) [14].

Деятельность больничных касс была организована по принципу самоуправления. Руководство больничными кассами осуществлялось на паритетных началах застрахованными и предпринимателями, входящими в представительные органы касс. Финансирование выплат по больничному страхованию базировалось на трехстороннем участии застрахованных, предпринимателей и государства. Застрахованные и предприниматели уплачивали взносы в равных долях, а

государство предоставляло к отдельным выплатам дотации. Активное участие в решении социальных проблем принимали руководители ведущих промышленных предприятий Германии.

В 1888 г. в рамках законодательства Германии о социальной защите рабочих по старости АЕГ (Всеобщая компания электричества) организовала пенсионный фонд для служащих. Также была создана касса взаимопомощи, на её счет переводились каждый год существенные суммы, которые направлялись на помощь служащим, а затем позднее и рабочим и членам их семейств при несчастном случае. В начале 90-х гг. XIX в. был основан Союз потребительских обществ, в котором наёмные рабочие могли покупать дешёвые продукты и товары.

В 1892 г. был учрежден Фонд Матильды Ратенау по оказанию помощи вдовам и близким родственникам умерших служащих Всеобщей компании электричества и Берлинского электрозавода. Председателем попечительского совета Фонда стала жена генерального директора АЕГ Эмиля Ратенау – Матильда Сабина Ратенау. Фонд выполнял задачу поддержки вдовствующих членов трудового коллектива АЕГ, а также замужних женщин и детей всех членов трудового коллектива. В случае болезни им оказывалась бесплатная медицинская помощь, оплачивались медикаменты, укрепляющие средства, предоставлялась иная поддержка. Кроме того, фонд принимал на себя каждый год расходы по организации отдыха большой группы детей служащих в возрасте от 7 до 14 лет на море. Финансовые возможности фонда изначально составляли 16 000 марок и в последующие годы они регулярно дополнялись из личных средств Эмиля Ратенау, а также за счет средств АЕГ, так что на 30 июня 1915 г. на счет фонда поступило более 1,7 млн марок [15].

К 25-летнему юбилею фирмы АЕГ в 1908 г. было создано Общество выплаты пенсий по выслуге. Все служащие, которые отработали в концерне по меньшей мере 10 лет или достигли возраста 65 лет, имели право на пенсию по выслуге. Также была гарантирована при утрате кормильца пенсия вдовам и сиротам [16]. Касса осуществляла выплаты пенсий не из взносов служащих, а из ежегодных перечислений предприятия. В тот же год общее собрание решило финансировать отдельные направления благотворительности, отчисляя в будущем с половины дивидендов минимум 5%. Черед год у АЕГ появились возможности поддержать различные направления благотворительности путем ежегодно увеличивающихся отчислений. К началу 1915 г. общая сумма этих взносов составила 1 млн марок [17].

Вернер Сименс активно занимался социальными проблемами, проявившимися в процессе промышленного развития общества. В 1868 г. он создал Фонд поддержки. С 1891 г. на его предприятии был введен сокращённый рабочий день с 9 ч. до 8,5 ч., за заводом был закреплен врач, который отвечал за лечение рабочих и служащих, с 1888 г. этим врачом был доктор Ф. Керте. Сименс понимал потребности производства, и его отношение к социальным вопросам объяснялось не религиозными или философскими взглядами, а только здравым смыслом и пониманием нужд развивающегося промышленного общества.

В честь 25-летнего юбилея фирмы «Сименс и Гальске» (1875 г.) была учреждена пенсионная касса, целью которой было свести к минимуму ущерб, вызванный утечкой рабочей силы. В письме В. Сименса к государственному инспектору фабрик и заводов фон Штюльпнагелю от 10.11.1875 г. имеется характерное признание: «…при создании пенсионной кассы мы руководствовались не столько гуманизмом, сколько в значительной степени здоровым эгоизмом» [18].

Хозяин, который хотел чувствовать себя на своём производстве спокойно, следовал по этому пути, исполняя свой долг перед обществом. Благодаря социальным мероприятиям, часть которых позднее взяло на себя государство, на предприятиях фирмы «Сименс и Гальске» никогда не было никаких волнений на производственной почве, там царил мир, который способствовал росту прибыли. Вернер Сименс считал, что его сотрудники должны принимать реальное участие в получении прибыли, это мы видим из его письма Карлу Сименсу: «Если бы я не отдал своим верным помощникам причитающуюся им часть прибыли, то заработанные деньги жгли бы мне руки как раскалённое железо» [19]. Сказанное характеризует Вернера Сименса как современного руководителя производства, заинтересованного в прогрессе.

Актуальной была проблема жилья для рабочих и служащих. На протяжении XIX – начала XX в. жилищные условия большинства промышленных рабочих не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. В большинстве случаев жилища были перенаселены. Если под перенаселением понимать проживание в каждой комнате, включая кухню, более двух человек, то в перечисленных квартирах обитали: в Познани – 53%, в Дортмунде – 41%, в Дюссельдорфе – 38%, в Аахене и Эссене – 37%, в Бреслау – 33%, в Мюнхене – 29%, в Кёльне – 27%, в Берлине – 22% рабочих [20].

Осознание того, что хорошее жилье является одной из основ социального мира, пробуждало городские власти к расширению муниципального строительства. К концу XIX в. внешний вид

промышленных городов, населенных преимущественно рабочими, резко изменился. Сносились трущобы, улицы избавились от грязи и лачуг, на месте которых возводились большие каменные дома. Жилищный фонд все больше концентрировался в руках муниципалитетов, которые следили за его благоустройством. В городах стали разбиваться парки, усовершенствовались системы отопления и освещения, водопровода и канализации.

Строили дома для рабочих и крупные предприниматели. В Рурской области в 1914 г. 35% шахтеров жили в квартирах, принадлежащих рудникам [21]. За фабричную квартиру платили меньше, чем за частную. Но в этом случае рабочие попадали в зависимость от предпринимателя. Арендные договоры содержали предостережения об изъятии квартиры за участие в стачках. Семейство Крупп предоставило своим работникам квартиры, школы, лечебницы. «Построенные в 1890-х годах жилые поселки вносили свежую струю в рациональную архитектуру города. В Альтенгофе возник поселок, в котором проживали рабочие, ставшие инвалидами, и вдовы, оставшиеся без кормильцев, все они освобождались от квартплаты. Поселок удачно объединял систему английских коттеджей с чертами южнонемецкой, несколько тяжеловесной, архитектуры. Построенные дома отдыха для оздоровления рабочих тоже были отмечены хорошим архитектурным вкусом» [22].

Архитектор Петер Беренс строил квартиры для служащих и рабочих такого громадного предприятия, как АЕГ. Он пытался осуществить политическую мечту социальной интеграции рабочего класса в механизированное индустриальное общество известного либерала Фридриха Науманна [23]. Беренс описал в марте 1908 г. методы серийного строительства жилых домов, которые должны быть построены для «людей как сути общества» в противоположность методам строительства XIX в. с их «преувеличенно подчеркнутым индивидуализмом» и «анархичной очевидностью» [24]. Планы серийной застройки архитектор частично смог осуществить до Первой мировой войны в поселении для рабочих АЕГ [25]. Поселения «отражали дух индустриализации, согласно идее органичного единства маленьких рабочих населенных пунктов с производственными сооружениями, составлявшими основу нового и своеобразного типа современного индустриального города» [26].

Беренсом была предпринята компромиссная попытка сделать промышленное поселение органичной частью индустриальной архитектуры. Он перенёс язык форм классического стиля на архитектуру фабрик и квартир работников предприятия от простых служащих до директора. Он хотел посредством этих форм, несовместимых с ранее известными художественными стилями, создать социальную пирамиду в горизонтальных этажах, которые сглаживались легкими летними переходами и террасами. На Фонтанештрассе, 10/18, в Обершёневейде, отражая социальную структуру в поселении предприятия, вплоть до 1928 г. проживали рабочие Лакнер, Янишевски вместе с электромонтером Питровски, купцом Шульце, художником Фришем, дипломированным инженером Флиднером и директором фабрики Штейном [27]. При строительстве домов в рабочих поселениях АЕГ использовались материалы и формы, применяемые при строительстве фабрик.

Активное участие промышленников в строительстве жилища для рабочих и служащих было ответом просвещенных предпринимателей на вызов социал-демократии. Социалистические идеи заставляли новаторски мыслить многих архитекторов.

Предприниматели считали своей задачей и делом чести, будучи успешными бизнесменами, выделять часть денежных средств на решение социальных проблем.

В Германии в конце XIX в. было привычным распределение «социальных обязанностей», по той причине, что за разработку и реализацию социальной политики отвечает не только государство, но и экономические акторы, то есть работодатели и работники. Модель социальной политики, базирующуюся на системе социального страхования, организуемой и финансируемой «социальными партнерами», часто называют германской, или моделью Бисмарка.

Система государственного социального страхования, возникнув в Германии, быстро охватила практически все страны Европы и стала важным шагом в направлении к будущему социальному государству.

Исторический опыт Германии в области социального законодательства и социальная политика промышленных предприятий представляют практическое значение и заслуживают серьёзного анализа.

Примечания

1. *Oberder P., Schlei H. K.* Das Sozialstaatsprinzip:Ursprunge und Entwicklungstendenzen // Orientirungen zur Wirtschafts – und Geselschaftspolitik. 2001. H. 88. S. 21.

2. *Манчестер У.* Оружие Круппа: история династии пушечных королей. М., 1971. С. 129.

3. Ида Крупп – сестра Альфреда Круппа.

4. *Schröder E.* Krupp. Gottingen, 1968. S. 98.
5. Ebd. S. 99.
6. История государства и права зарубежных стран / под ред. Е. Милехиной. М., 2004. С. 352.
7. *Bismark O.* Die gesammelten Werke. 2. Aufl. Berlin, 1924–1935. Bd.12. S. 273.
8. *Сувиров Н. И.* Государственное страхование рабочих в Германии. СПб., Б. г.; *Дихтяр С. Р.* Охрана труда и социальное страхование в Германии. Минск, 1928.
9. Закон о страховании при несчастных случаях от 6 июля 1884 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост. Н. А. Крашенинникова. М., 2000. С. 470–472.
10. Трудовое и социальное право зарубежных стран: основные институты. Сравнительно-правовое исследование / под. ред. Э. Б. Френкеля. М., 2002. С. 75.
11. Государственное и административное устройство Германии: пер. с нем. Бонн, 1998.
12. Reichsgesetzblatt. 1924. 1. S. 779.
13. *Huber, E*. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. In Bd. 5. Weltkrieg, Revolution und Reichserneuerung. 1914–1919. Berlin. S. 834.
14. Reichsgesetzblatt. 1924. 1. S. 779.
15. *Pohl, M*. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein, 1988. S. 188.
16. Ebd. S. 189.
17. Ebd. S. 190.
18. Weiher, v. S. Werner von Siemens. Gottingen, 1970. S. 100.
19. Ebd.
20. *Кучинский Ю.* История условий труда в Германии (1800–1945). М., 1949. С. 189; статистика 1884 г.
21. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 165.
22. *Schröder E.* Krupp. Gottingen, 1968. S. 181–182.
23. Dekorative Kunst, 1908. Berlin. S. 307.
24. Die Gartenstadt 2, 1908. Berlin. S. 26.
25. *Rathenau W.* Kritik der Zeit. Berlin, 1912. S. 60.
26. Dekorative Kunst. Berlin, 1908. S. 307; *Muller, M*. Der Verdrangung des Ornaments. Frankfurt, 1977. S. 69.
27. *Neimeyer F.* Die AEG-Arbeitersiedlungen von P. Berens in Berlin-Hennigsdorf und Oberschöneweide und das bootshaus Elektra // Peter Behrens und AEG. 1907–1914. Berlin, 1975. S. 134.

Notes

1. *Oberder P., Schlei H. K.* Das Sozialstaatsprinzip:Ursprunge und Entwicklungstendenzen // Orientirungen zur Wirtschafts – und Geselschaftspolitik. 2001. H. 88. P. 21.
2. Manchester W. *Oruzhie Kruppa: istoriya dinastii pushechnyh korolej* [Weapon of Krupp: the history of the dynasty of the cannon kings]. M., 1971. S. 129.
3. Ida Krupp – sister of Alfred Krupp.
4. *Schröder E.* Krupp. Gottingen, 1968. P. 98.
5. Ibid. P. 99.
6. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran* – History of state and law of foreign countries / under the editorship of E. Milekhina. M. 2004. P. 352.
7. *Bismark O.* Die gesammelten Werke. 2. Aufl. Berlin, 1924–1935. Bd.12. P. 273.
8. Suvirov N. I. *Gosudarstvennoe strahovanie rabochih v Germanii* [State insurance of workers in Germany]. SPb. B. G.; Dichtyar S. R. *Ohrana truda i social'noe strahovanie v Germanii* [Health and social insurance in Germany]. Minsk. 1928.
9. *Zakon o strahovanii pri neschastnyh sluchayah ot 6 iyulya 1884 g.* – The law on insurance for accidents, 6 July 1884 // *Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran* – Reader on the history of state and law of foreign countries / comp. N. A. Krasheninnikova. M. 2000. Pp. 470-472.
10. *Trudovoe i social'noe pravo zarubezhnyh stran: osnovnye instituty. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* – Labour and social law of foreign countries: basic institutions. Comparative-legal research / under ed. E. B. Frenkel. M. 2002. P. 75.
11. *Gosudarstvennoe i administrativnoe ustrojstvo Germanii: per. s nem.* – State and administrative structure of Germany: transl. from Germ. Bonn. 1998.
12. Reichsgesetzblatt. 1924. 1. P. 779.
13. *Huber E*. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. In Bd. 5. Weltkrieg, Revolution und Reichserneuerung. 1914–1919. Berlin. P. 834.
14. Reichsgesetzblatt. 1924. 1. P. 779.
15. *Pohl M*. Emil Rathenau und AEG. Berlin; Frankfurt a. Mein. 1988. P. 188.
16. Ibid. P. 189.
17. Ibid. P. 190.
18. Weiher, v. S. Werner von Siemens. Gottingen, 1970. P. 100.
19. Ibid.
20. Kuchinsky J. *Istoriya uslovij truda v Germanii (1800–1945)* [History of labour conditions in Germany (1800–1945)]. M. 1949. P. 189; statistics 1884

21. Zider R. *Social'naya istoriya sem'i v Zapadnoj i Central'noj Evrope (konec XVIII–XX vv.)* [Social history of family in Western and Central Europe (the end of XVIII–XX centuries)]. M. 1997. P. 165.
22. *Schröder E.* Krupp. Gottingen, 1968. Pp. 181–182.
23. Dekorative Kunst, 1908. Berlin. P. 307.
24. Die Gartenstadt 2, 1908. Berlin. P. 26.
25. *Rathenau W.* Kritik der Zeit. Berlin, 1912. P. 60.
26. Dekorative Kunst. Berlin, 1908. 307 p.; *Muller M*. Der Verdrangung des Ornaments. Frankfurt. 1977. P. 69.
27. *Neimeyer F.* Die AEG-Arbeitersiedlungen von P. Berens in Berlin-Hennigsdorf und Oberschöneweide und das bootshaus Elektra // Peter Behrens und AEG. 1907–1914. Berlin. 1975. P. 134.

УДК 298.9

Р. В. Шиженский

Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI в. (на примере дискурсов Н. Н. Сперанского)*

В статье рассматриваются проекты создания и функционирования религиозных институтов: центра, монастыря, школы – в рамках современной языческой традиции. На основе анализа данных нарративных источников, источников сети Интернет и материалов интервью с одним из лидеров современного русского язычества автором выявлены системообразующие элементы «языческой церкви» руководителя общины «Коляда Вятичей» Н. Н. Сперанского (Велимира). Важнейшими составляющими, необходимыми для жизнедеятельности предлагаемой религиозной проекции, следует считать: унификацию существующих русских языческих обрядовых практик, строительство комплекса сакральных объектов (магический комплекс, жреческую избу, «скит»), подготовку pagan-элиты (жреческо-волховской группы), абсолютизацию сословия служителей культа через сакрализацию и деификацию, главенствующую роль нового жреческо-волховского элемента в политической, воспитательной и образовательных сферах жизни социума.

In the article are considered projects of creation and operation of the religious institutions: centre, monastery, school, in the framework of the contemporary pagan tradition. On the basis of analysis of this narrative source, sources of Internet and materials of interview with one of the leaders contemporary Russian paganism, author revealed backbone elements of «pagan church» of the head of community «Kalyada Vyatichians» N. N. Speranskogo (Velimira). The most important components, necessary for life of this religious projection, should be considered: unification of existing Russian pagan ritual practice, construction of the complex of sacral objects (magic complex, priestly hut, «skit»), training pagan-elite, absolutisation of class attendants of a cult through sacralization, leading role of new priestly – volkhv element in the political and educational sphere of the life of society.

Ключевые слова: современное язычество, церковь, жречество, монастырь, волхвы, школа, этнос.

Keywords: contemporary paganism, church, priesthood, monastery, volkhv, school, ethnicity.

Одним из проповедников-интеллектуалов современного русского язычества, является духовный лидер московской общины «Коляда Вятичей» Н. Н. Сперанский (Велимир).

С 2008 г., времени выхода коллективной брошюры «Коляды Вятичей» «Суть языческой веры», Н. Н. Сперанский обращается к идее частичной унификации существующей языческой духовности. Признавая право общин на мировоззренческое самоопределение, Велимир предлагает объединение обрядовых практик русских «родноверческих» групп. Система доказательств необходимости предлагаемой ритуальной кодификации сводится к тезису волхва об исключительной важности обрядового действа в рамках всей религиозной языческой системы: «Именно через обряд для большинства язычников лежит путь к пониманию богов. Через участие в обрядах сегодня рождается человеческое единство и взаимопонимание» [1]. Началом реализации идеи, по мнению Велимира, должна стать постоянная, чётко соблюдаемая внутриобщинная практика недельных богослужений (Коло Недельных Богослужений), концовкой – создание языческой церкви – «Великого Капища». Отметим, что, синтезируя религиозное и этническое, лидер оппозиционной веры (об оппозиционности русского и языческого красноречиво свидетельствует заголо-

© Шиженский Р. В., 2016

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247).*

вок рубрики одного из номеров газеты «Дерево Жизни» и даже первоначальное название данного периодического издания) [2] видит смысл собрания Великого Капища в организации единства среди последователей «традиции» и, следовательно, «в формировании единства русского народа» [3]. Основываясь на данных письменных источников Н. Н. Сперанского, структура церкви должна включать: центр (центры) «языческого богопочитания», языческий монастырь, организацию (школу) жрецов. Дорожная карта «Этнокультурного центра», или «Центра традиционной культуры», представлена в брошюре «Дарна – учение о жизни в Природе и обществе» (2009 г.) и материалах 56-го номера газеты «Дерево Жизни» (2012 г.). Упуская техническую и значительную часть содержательной стороны проекта, остановимся на фиксации пунктов «религиозного меню». В обозначенных текстах среди запланированных построек непосредственное отношение к культовой практике имеют: 1) магический комплекс, включающий: капище (построенное с упором на имеющиеся археологические данные), поляну для игр и гаданий, «стоунхендж» (солнечные часы и календарь из валунов), экологическую тропу; 2) жреческая изба (в помещении хранятся предметы культа, одежда, живут сотрудники); 3) «скит» – закрытое от туристов отдельное поселение, предназначенное для личных обрядовых практик сотрудников. В не раз цитируемой монографической работе волхва «Родноверие» перечень сакральных объектов, вернее, масштабность ключевого из них, значительно возрастает. Место «скита» занимает языческий монастырь. Потребность в появлении этих, во всех отношениях феноменальных отшельнических жилищ, согласно планам Велимира, устроенных по типу индийских ашрамов, обусловлена, с точки зрения общинного лидера, индивидуальностью религиозных открытий вождей славянского нативистского движения, отсутствием возможности передачи сакральной информации в «родноверческие» массы. Кроме того, появление монастырей значительно упростит деятельность pagan-элиты по разработке языческого знания и его экспериментальной проверке. План организации и деятельности монастыря был выложен Сперанским на страницах интернет-форума в 2011 г. Ряд положений проекта совпадает и даже полностью копирует пункты этнокультурных центров (в плане хозяйственно-экономического насыщения), сохраняя при этом естественное доминирование религиозного сектора:

«а) Необходим религиозный центр – «монастырь», в котором шла бы отработка годовой обрядности, где бы уточнялся языческий религиозный культ. Где бы формировался образ и отрабатывался психотип служителей культа волхвов и жрецов. Равно для мужчин и для женщин…

в) При центре должна быть жреческая школа, цель которой – обучение жречества для последующей работы этих жрецов в других местах Русской Земли. Жречество учится этнической философии и этнической культуре, ведению хозяйства, осваивает ремесленную деятельность, обучается ведению обрядов. Но основное: жрец – это человек веры. Человек, признающий, что он должен служить богам, даже если есть дела экономически более выгодные. Вставая на путь языческого жреца, человек понимает, что он получает не кормушку, но становится на жизненный путь борьбы за русское национальное самосознание. Ввиду этого требуется дальнейшая разработка и развитие этических норм и жизненных принципов внутри славянского жречества. Выработать в будущих жрецах всё это возможно лишь в условиях такой изолированной школы.

г) При центре должны быть волхвы и жрецы, которые в то же время психологи (гипнотизёры, хироманты, гадатели, предсказатели, шаманы – это, по моему разумению, разновидность психолога). Сегодня волхвы мало работают с психикой людей – это наша ошибка. Но эти же жрецы и волхвы в то же время: рыбаки, охотники, землепашцы, резчики, плотники, кузнецы, вышивальщицы, шорники, травники, целители. Не должно быть «пророков – белоручек», держащих в руках только книги и рассуждающих витиевато. Они должны учить всем этим знаниям учеников. Нужно возродить наш традиционный универсализм, когда человек умел делать всё и был на все руки мастером. Потому что только в этом случае человеку открывается видение всего Мира в целом...

ж) Центр организует экспедиции в уникальные природные места для духовного обогащения волхвов и накопления музейных экспонатов (путешествие – обязательная часть духовной практики, возродим умение ходить по Руси!). Организуются экспедиции и в удалённые точки славянского мира для этнографических исследований и налаживания связей с существующими экопоселениями и общинами, а также в места бедствий для получения информации из первых уст и для посильной помощи пострадавшим» [4].

Деятельная наполняемость языческих монастырей не рассматривается Велимиром исключительно как внутренняя, исключающая взаимодействие с внешним, не жреческим, внеязыческим миром. Отвечая на вопрос автора, посвящённый прогнозам развития русского язычества, интервьюируемый возложил именно на монастырскую братию ответственность за распространение языческой идеи среди городского населения [5]. Главным препятствием на пути к откры-

тию аскетических языческих церковных учреждений, по мнению волхва, является отсутствие стартового капитала. Отсюда необходимость введения денежных пожертвований: «Если язычники-индивидуалисты не хотят кормить свою языческую церковь, то через двадцать лет их дети будут кормить церковь христианскую или мусульманскую» [6]. По нашему мнению, планируемый Сперанским выход обученного монашеского актива в города, призыв к введению языческой десятины приближает нас к кульминационному пункту программы восстановления и обретения Золотого Века. Стержневым элементом мировоззренческого конструкта становится иерархическая лествица – основа функционирования правильного общества Велимира. Отметим, что волхв предлагает создание религиозной группы в соответствии с принципами построения предприятия, где появление иерархии – закономерный результат иерархии производственной [7]. Главные компоненты выбранного принципа структурной организации – жреческое сословие и отшельники-волхвы. Жреческое служение, по Сперанскому, при сохранении традиционной специфики [8], с момента становления духовного сословия на Руси и вплоть до дня сегодняшнего выходит далеко за рамки «капищных работ». Жречество формирует нравственные нормы и правила повседневной жизни социума, основываясь на этическом кодексе, выносит судебные решения, поэтапно контролирует жизненный путь общинника. Разница между историческими поборниками веры и их современными преемниками объясняется лидером «Коляды Вятичей» отсутствием должного уровня знаний. Ещё одной проблемой современных языческих духовников, не позволяющей оформиться и жреческому институту, и в целом иерархически выстроенной «родноверческой» организации, признающей его власть, становится проблема недостаточного общественного авторитета новых жрецов. В авангарде сомневающихся – язычники-индивидуалисты, не желающие терять духовную свободу, прямой, мистический контакт с пантеоном через навязываемое жреческое посредничество и ограничивать свою веру рамками языческого церковного строительства [9].

В работах Велимира жреческая тематика органически включает в себя и языческое лидерство, исторически обусловленную заявку на сегодняшнее политическое господство. Ссылаясь на материалы летописей, Сперанский противопоставляет жреца (волхва) – политика и духовника славянского этноса князю – главному претенденту на абсолютизацию светской власти. Для языческого лидера эти две противостоящие друг другу силы олицетворяют и иллюстрируют борьбу консервативной традиции с динамическими нововведениями. Соответственно, важнейшим общепринятым, народным мерилом вождизма в текстах волхва становится «божественный дар», харизма – исключительные способности избранных из жреческого сословия.

Само жреческое сословие в религиозной системе современного волхва далеко от функциональной и статусной однородности. Кроме жрецов-старейшин семей и родов, Велимир считает, что определённый процент служителей культа существовал вне границ социума, совершенствуя свою сакральную практику в тайных поселениях. Именно представители этой изолированной группы приближённых к богам и составляли, по мнению Н. Н. Сперанского, когорту «главных хранителей веры». В качестве параллелей возникающей языческой иерархии волхв «Коляды Вятичей» в очередной раз обращается к опыту старообрядчества: «Старообрядческий “собор” – это уединённое религиозное сообщество пожилых и старых людей, живущих в чистоте, вне обыденных человеческих интересов. Высшие представители “собора” живут в уединении, в лесу. Низшие – более молодые, живут среди людей, лишь возложив на себя какую-то аскезу, нравственную обязанность» [10]. Во главу сословия языческого духовенства современности Велимир ставит волхвов – сильнейших из жречества, обладающих, согласно его представлениям, рядом специфических черт. Во-первых, согласно данным нарративов автора и его соратников, данному институту свойственны черты сакрализации и мифологизации. История появления волхвов-сверхлюдей (волховская антропогония) «вплетена» в основную мифологическую систему «Коляды Вятичей», известную как «Миф о творении». Этот новый теокосмогонический миф рассматривает волхвов как учеников Чернобога. Волхвы обладают элементами шаманской техники (путешествуют между мирами), молятся богу Велесу и почитаются простыми людьми наравне с богами [11]. Во-вторых, религиозное первенство волхвов в сохранении и приумножении опыта и знаний Сперанский дополняет национальной (этнической) ориентацией высшего языческого духовенства. Кроме того, и летописные и сегодняшние волхвы независимы от официальных государственных управленческих режимов прошлой Руси и современной России. Будучи более тысячи лет в оппозиции, они сами, согласно текстам Велимира, могут обладать вполне осязаемой экономической и политической властью и даже претендовать на звание народного лидера с обязательным практическим опытом в плане следования ладу (дарне). Выделяя духовный стержень – волховскую «силу духа», как основную, преобладающую над мирскими категориями служения истинного волхва, Велимир признаёт возможность существования богатой языческой церкви и в плане роскоши

храмового комплекса, и в плане безбедного существования его служителей. К сфере материального, можно отнести и не раз поднимаемый Сперанским вопрос о своеобразной «языческой церковной десятине», обязанности народа поддерживать (кормить) своих волхвов [12].

Языческий образ жизни по правилам волховского вождизма, по Велимиру, предполагает следование принципам структурированной группы (стаи) с активным участием рядовых членов при авторитете лидера – открытого примера для остальных. Вместе с тем политическая роль волхвов в государственной языческой системе будущего мыслится Н. Н. Сперанским и в несколько ином ключе. Представляя «следующую» Россию как независимое социалистическое государство с думвиратом в виде народного собрания и монархии, младоязыческий лидер наделяет монарха жреческим функционалом. Волхвы же в данной системе должны представлять отдельный гуманитарный институт, напрямую не связанный с властью [13].

Отметим, что духовное избранничество жрецов и волхвов позволяет им позиционировать себя не только политическими лидерами нации, но и её учителями. Так, языческое религиозное сословие, с точки зрения лидерского коллектива «Коляды Вятичей», ответственно за определение меры погружения человека в цивилизацию. К этому следует добавить и личное мнение Велимира о накоплении культурных ценностей языческой традиции через осмысление и практическую реализацию «рядовыми нативистами» мистического опыта волховского сословия [14]. В прогнозируемом будущем языческая элита позиционируется ещё и как общечеловеческий мессия, призванный сформировать духовность следующих поколений: «По-видимому, мы призваны сформулировать духовность будущей цивилизации, суть которой в частичном возвращении к традиционному обществу и балансу между традиционным обществом и государством» [15].

Обозначенный круг «жреческо-волховских проблем» руководитель «Коляды Вятичей» предлагает частично решить, создав религиозную школу, в которой сегодняшние волхвы смогли бы передать опыт ученичеству. Первый шаг к открытию школы предполагает объединение духовных лидеров «родноверия» в волховской союз с разработанной единой программой будущего преподавания. Отказ от подобного объединения, по мнению Сперанского, уничтожит весь опыт, накопленный отечественным pagan-движением за последние десятилетия: «Получается так, что если группа сегодняшних волхвов “сойдёт со сцены”, то на их место не станут новые подготовленные люди, которые сумеют унаследовать весь наработанный ими опыт. Вести обряды будет просто некому. Это отбросит сегодняшнее языческое движение на двадцать лет назад, и это позволит расширить жизненное пространство тем же инглистам, которые учат своих учеников обрядовой практике» [16]. «Первой ласточкой» возникающего «волховского кризиса» можно считать полемику по поводу сроков купальского праздника, развернувшуюся в одной из социальных интернет-сетей. Одной из причин смещения сроков торжества на 6–7 июля, фактическое проведение второй Купалы, объясняется Велимиром элементарной нехваткой религиозных служителей в общине: «Мы вынуждены праздновать Купалу 22 июня под Москвой (в кругу общины) и 6 июля под Калязином (при большом собрании народа) в силу того, что деятельность “Коляды Вятичей” ведётся на большой площади и жречество одновременно не может присутствовать в разных местах» [17].

Переходя к выводам данной статьи, сфокусируем внимание на двух локусах идеальной языческой системы, предлагаемой Н. Н. Сперанским. Придерживаясь формулы названия знаменитой работы М. Элиаде «Le sacre et le profane», попытаемся охарактеризовать важнейшее в мире священного и мирского волхва Велимира.

Одно из положений, выдвигаемых просветителем от оппозиционного мировоззрения, условно обозначенное нами сферой «мирского язычества», кроме безусловных авторских новаций, базируется на предшествующих философских, социологических и политических концепциях «вне родноверческого» толка. Речь идёт о не раз упоминавшихся в материалах самого Сперанского взглядах одного из идеологических направлений русской интеллигенции – народничества. К особенностям общего порядка следует отнести массовость интеллектуальных заимствований или совпадений. То есть отстаиваемый волхвом набор дискурсов находит параллели в идеогемах основных направлений народничества. Мировоззренческие аналогии рассматриваемых систем проявляются уже на стадии неприятия существующего мирового порядка. Так, и народник-пропагандист П. Л. Лавров, и язычник Н. Н. Сперанский критикуют современную им цивилизацию, пишут о необходимости предварительной разработки нравственных принципов (отметим, что «нравственные цели» Лаврова, как и «нравственный Закон Рода» Сперанского, включают в себя не только этические принципы, но и общественно-политические задачи) и главенствующей идеи, придают огромное значение пропаганде, наконец, находят элитарную группу, способную спасти человечество. Если, по мнению лидера «Вятичей», в роли мессии должны выступить русские язычники и, в первую очередь, новое жречество, то Лавров вменяет спасительную обязан-

ность критически мыслящим людям с абсолютно идентичным новым нативистам комплексом задач: «Критическая личность призвана работать для народа, входить в его жизнь, распространять в массах свои идеи, просвещать сознание трудящихся…» [18]

Религиозной идее лидера «Коляды Вятичей», нашедшей своё воплощение в том числе в «фундаментальном для родноверия» [19] законе Рода – интеллектуальном продукте волхва и его соратников, свойственен определённый фанатизм. Либо индивид (общность людей) живёт в рамках закона, совершенствуется, становится праведником, либо сходит с исторической сцены и погибает. Соответственно, разработанная Велимиром языческая идеократия становится не просто доминирующей формой существования русского этноса, а единственной законной.

Затрагивая проблему служителей младоязыческого культа, небезынтересным видится сравнение предполагаемого, запланированного языческим лидером жреческо-волховского института с исторически фиксируемым аналогом – религиозной организацией славянской Прибалтики, известной по нарративам XII столетия. Как было отмечено выше, институт языческих духовных лидеров рассматривается Н. Н. Сперанским как духовный, идеологический и, отчасти, политический руководитель этноса. Судя по данным Гельмольда, Саксона Грамматика, теократический элемент вполне успешно функционировал среди отдельных племён, племенных союзов западных славян. Как и в проекции Велимира, жречество имело в своём распоряжении значительные материальные богатства, соответствующий обеспеченный храмовый комплекс [20]. В отдельных случаях языческое духовенство успешно конкурировало со светской властью. «Славянская хроника» сообщает об исключительной статусности ранского жречества [21]. Историографы проблемы – А. Ф. Гильфердинг и З. М. Черниловский – также отмечают роль религиозного компонента в общественно-политическом устройстве этого племени. Отметим однако, что оба автора не склонны рассматривать публичную власть острова исключительно с позиции теократизирующего образования. И Гильфердинг, и Черниловский в качестве главного политического регулятора власти жречества называют народное собрание (общину, вече) [22]. Кроме того, ранский религиозный институт исторически уникален. К счастью или к сожалению, но мы не можем найти аналогичный пример максимизированного официального старшинства служителей культа на восточнославянской территории. Даже предположив, что подобный феномен был распространён в религиозной жизни фиксируемых летописью восточнославянских племён, комплекс механизмов, критериев «волховской работы» остаётся неизвестным. Подобно арконскому варианту, проект добровольного (осознанного населением) богодержавия, предлагаемый Велимиром, отчасти сдерживается его же ставкой на эгалитарное свободное общинное управление, но лишь отчасти. Анализ нарративов язычника позволяет констатировать тенденцию к абсолютизации лидером «Коляды Вятичей» новой жреческо-волховской группы через её сакрализацию и деификацию, главенствующую роль служителей культа в политической, воспитательной и образовательных сферах жизни социума.

Ноу-хау велимировского «места, которого нет» является разработка программных положений центра, монастыря, школы. Как было показано выше, эти учреждения крайне идеологизированы. Все они априори содержат языческий компонент, более того, само создание любой из перечисленных структур просто невозможно без пропагандируемой Сперанским мировоззренческой базы.

Кроме того, прописанные в программе волхва языческие монастыри и церкви, возможно, являют собой новый виток жизни современного русского язычества и в организационном плане, и в религиозном развитии. Пусть только лишь запланированное, общежительное служение в виде языческого монастыря дополняет существующие на сегодняшний день формы нативистских организаций включающие: индивидуальную – отшельническую практику и групповую, представленную отдельными общинами, союзами «родноверческих» объединений и, с недавнего времени, отечественными языческими конфедерациями[11]. Церковно-монастырские проекции волхва 2000-х, с учётом будущего массового признания в младоязыческой среде, могут вывести отечественную вариацию языческого мировоззрения на позиции противников – мировых религиозных систем, с соответствующим бонусными и проблемными комплексами.

Примечания

[11] Под языческими конфедерациями мы, в данном случае, понимаем краткосрочное объединение автономных «родноверческих» союзов с целью проведения совместного празднования, подготовки общей документации с последующим обнародованием данных, автоматически приобретающих более высокий статус на пространствах альтернативной религиозности в РФ, и т. д. Ярким примером практической деятельности такого сверхсоюза можно считать общую деятельность ССО СРВ и Велесова Круга во время проведения традиционных годовых («кологодних») праздников Купалы и Перунова дня в 2013–2014 гг.

1. *Мезгирь, Велимир, Пересвет*. Суть языческой веры. Б. м.: Коляда Вятичей, 2008. С. 22.

2. *Велимир.* Почему русское язычество – религия оппозиции // Дерево Жизни. Газета этнического сопротивления. Троицк-1, 2004. № 5.

3. *Мезгирь, Велимир, Пересвет*. Указ. соч. С. 23.

4. *Велимир*. Языческий религиозный центр, его задачи и проблемы создания // Информационный портал языческой традиции. URL: http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic=399 (дата обращения: 07.06.2013).

5. Расшифровка аудиозаписи интервью Н. Н. Сперанского Р. В. Шиженскому. Москва. 27.11.2012. Из личного архива автора.

6. *Велимир.* Языческая церковь, кто За и кто Против? – высказываемся // Информационный портал языческой традиции. http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic=428 (дата обращения: 05.06.2013)

7. Там же.

8. *Влх. Велимир*. Книга природной веры. М.: ВЕЛИГОР. 2009. С. 168.

9. *Велимир*. Языческая церковь, кто За и кто Против?

10. *Влх. Велимир*. Указ. соч. С. 170.

11. *Мезгирь, Велимир, Пересвет*. Указ. соч. С. 11.

12. *Влх. Велимир*. Указ. соч. С. 174–175, 180.

13. *Волхв Велимир*. Родноверие. М.: Самотёка, 2012. С. 94.

14. *Велимир.* Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. Троицк: Тровант, 1999. С. 49.

15. *Мезгирь, Велимир, Пересвет*. Указ. соч. С. 31.

16. *Велимир*. О перспективах языческого движения, школа // Информационный портал языческой традиции. URL: http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic (дата обращения: 05.06.2013)

17. Интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 07.07.2013. Из личного архива автора.

18. *Щипанов И. Я.* Философия и социология русского народничества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 58.

19. *Волхв Велимир*. Указ. соч. С. 125.

20. *Черниловский З. М*. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959. С. 101.

21. *Гельмольд.* Славянская хроника // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegel2.htm (дата обращения: 17.07.2013)

22. *Гильфердинг А*. История балтийских славян. М.: ВНИИОЭНГ, 1994. Т. I. С. 125; *Черниловский З. М*. Указ. соч. С. 101.

Notes

1. Mezgir', Velimir, Peresvet. *Sut' yazycheskoj very* [The essence of pagan belief]. B. M.: Kolyada Vyatichey. 2008. P. 22.

2. Velimir. *Pochemu russkoe yazychestvo – religiya oppozicii* [Why Russian paganism is the religion of the opposition] // *Derevo ZHizni. Gazeta ehtnicheskogo soprotivleniya* – Tree of Life. Newspaper ethnic resistance. Troitsk-1. 2004, No. 5.

3. Mezgir', Velimir, Peresvet. Op. cit. P. 23.

4. Velimir. *YAzycheskij religioznyj centr, ego zadachi i problemy sozdaniya* [Pagan religious center, its tasks and issues creation] // *Informacionnyj portal yazycheskoj tradicii* – Information portal of the pagan traditions. Available at: http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic=399 (accessed on 07.06.2013).

5. Transcript of audio interview with N. N. Speransky to V. R. Shizhenskiy. Moscow. 27.11.2012. From the personal archive of the author.

6. Velimir. *YAzycheskaya cerkov', kto Za i kto Protiv? – vyskazyvaemsya* [The Gentile Church, who is For and who is Against? – speak] // *Informacionnyj portal yazycheskoj tradicii.*- Information portal of the pagan traditions. Available at: http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic=428 (date of access: 05.06.2013)

7. Ibid.

8. Magus Velimir. *Kniga prirodnoj very* [The book of natural faith]. M. VELIGOR. 2009. P. 168.

9. Velimir. *YAzycheskaya cerkov', kto Za i kto Protiv?* [The Gentile Church, who is For and who is Against?]

10. Magus Velimir. Op. cit. P. 170.

11. Mezgir', Velimir, Peresvet. Op. cit. P.11.

12. Magus Velimir. Op. cit. Pp. 174-175, 180.

13. Magus Velimir. *Rodnoverie* [Rodnoverie]. M. Samotyoka. 2012. P. 94.

14. Velimir. *Darna – uchenie o zhizni v Prirode i obshchestve* [Darna – the doctrine of life in Nature and society]. Troitsk: Trovant. 1999. P. 49.

15. Mezgir', Velimir, Peresvet. Op. cit. P. 31.

16. Velimir. *O perspektivah yazycheskogo dvizheniya, shkola* [On the prospects of the pagan movement, schools] // *nformacionnyj portal yazycheskoj tradicii* – Information portal of the pagan traditions. Available at: http://triglav.ru/forum/index.php?showtopic (date of access: 05.06.2013)

17. Internet correspondence with N. N. Speransky from the 07.07.2013. From the personal archive of the author.

18. Shchipanov I. Y. *Filosofiya i sociologiya russkogo narodnichestva* [Philosophy and sociology of Russian populism]. M. Publ. of Mosc. University. 1983. P. 58.

19. Magus Velimir. Op. cit. P. 125.

20. Chernilovsky Z. M. *Vozniknovenie rannefeodal'nogo gosudarstva u pribaltijskih slavyan* [Emergence of early feudal state in the Baltic Slavs]. M. 1959. P. 101.

21. Gelmol'd. *Slavyanskaya hronika* [Slavic chronicle] // *Vostochnaya literatura* – Oriental literature. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegel2.htm (accessed: 17.07.2013)

22. Hilferding A. *Istoriya baltijskih slavyan* [History of the Baltic Slavs]. M. All-Union Scientific-Research Institute of Organization, Management and Economics of Oil and Gas Industry. 1994. Vol. I. P. 125; Chernilovsky Z. M. Op. cit. P. 101.

УДК 930.25"1945/1967"(316.4)

Н. В. Чернышева

Советская льготная политика и социально-экономические возможности трудовых мигрантов в середине 1940–1960-х гг. (на материалах Кировской области)*

В послевоенные годы Кировская область являлась крупным поставщиком рабочей силы в другие регионы страны. Мигрантов направляли в Калининградскую область, на территорию Карельского полуострова, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Основные потоки трудовых мигрантов формировались за счет набора молодежи в систему государственных трудовых резервов и их последующего распределения, организованного набора рабочих на предприятия и стройки, а также переселения граждан. Анализируется система льгот различных категорий трудовых мигрантов и их основные социально-экономические возможности. Автор отмечает, что льготная политика в отношении мигрантов определялась: периодом осуществления миграционной политики, категорией трудовых мигрантов, территорией вселения и прочими условиями. Устанавливались следующие виды льгот: налоговые, транспортные, продовольственные и промтоварные, на покупку жилья и строительство, приобретение скота. Льготы предоставлялись единовременно и на определенный срок.

In the postwar years, Kirov region is the largest supplier of manpower to other regions of the country. Migrants sent to the Kaliningrad region, the territory of the Karelian Peninsula, the Urals, Siberia and the Far East. The main streams of migrant workers formed by a set of youth in state labor reserves and subsequent distribution of organized recruitment of workers at enterprises and construction sites, as well as the resettlement of citizens. We analyze the system of benefits of different categories of migrant workers and their basic social and economic opportunities. The author notes that the preferential policy towards migrants determined by: the period of the migration policy, the category of migrant workers, the territory of settlement and other conditions. The following types of benefits: tax, transport, food and manufactured goods, for the purchase of housing and construction, the purchase of livestock. Benefits provided at the same time and for a specified period.

Ключевые слова: льготная политика, социально-экономические возможности, трудовые мигранты, переселение, организованный набор рабочих, государственные трудовые резервы.

Keywords: preferential policies, socio-economic opportunities, labor migrants, resettlement, organized set of workers, state labor reserves.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес среди исследователей к изучению миграций в послевоенное время [1]. Как отмечают историки, одной из основных причин трудовых миграций были предоставляемые гражданам льготы и стремление улучшить социально-экономическое положение. В первые послевоенные десятилетия в Кировской области отмечалось отрицательное сальдо миграции. Причиной тому – отток трудоспособного населения в рамках переселения, оргнабора и набора в систему трудовых резервов. Тысячи жителей региона покинули свою малую родину. Для реализации миграционной политики государство использовало комплекс мер, направленных на стимулирование данных процессов. Льготная политика определялась: периодом осуществления миграционной политики, категорией трудовых мигрантов, территорией вселения и прочими условиями.

© Чернышева Н. В., 2016

**Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6607.2016.6.*

Включение мигрантов в категорию «плановых переселенцев» гарантировало им получение государственной помощи. Переселенческий билет являлся документом, подтверждающим получение льгот. Переселенцам предоставлялись следующие виды льгот и помощи.

1. Налоговые льготы предоставлялись для переселенцев (освобождались от сельхозналога, в совхозах – от подоходного налога), а для колхозов, принимающих новоселов: подоходного налога, страховых платежей, обязательных поставок зерна (10 лет) и обязательных поставок государству контрактации сои, овощей и льна (5 лет). Также колхозам разрешалось расходовать часть денежных средств и продуктов питания, оставшихся в их распоряжении, на обеспечение хозяйственного устройства и оказание помощи особо нуждающимся переселенцам. С 1959 г. образовывались фонды хозяйственного устройства и поддержки переселенцев.

Проанализировав расходные данные, С. А. Пискунов делает вывод, что лишь незначительная часть средств, полученных колхозами в качестве льгот за прием семей новоселов, использовалась на оказание помощи прибывшим [2].

Исполнительным комитетам на местах предоставлялось право списывать по представлению райисполкомов с переселенцев числящиеся за ними недоимки по сельскохозяйственному налогу, а с переселяющихся колхозов и с колхозов, из которых переселяются колхозники, – недоимки по подоходному налогу [3].

2. Выплата единого денежного пособия (ЕДП). С 1 января 1951 г. вводилась «Инструкция о порядке финансирования и кредитования мероприятий по сельскохозяйственному переселению».

Размер пособия зависел от территории вселения и устанавливался Советом Министров СССР. Пособие определялось средним размером на главу семьи и каждого члена семьи в зависимости от 4 территориальных групп (на 1 января 1961 г.):

1) районы целинных и залежных земель РСФСР и Казахской ССР, а также Калининградская область (60 руб. и 20 руб. соответственно);

2) районы орошаемых земель (Узбекская, Туркменская, Азербайджанская, Грузинская, Армянская, Киргизская, Казахская ССР), а также Херсонская, Николаевская, Крымская области (50 руб. и 15 руб. соответственно);

3) районы Читинской области, Дальнего Востока и Крайнего Севера и приравненных к нему (150 руб. и 30 руб. соответственно);

4) остальные районы (20 руб. и 10 руб. соответственно).

При переселении внутри края или области ЕДП выплачивались в размере: 20 руб. – на главу семьи, 10 руб. – на члена семьи [4]. Пособие выдавалось в местах их выхода. А с 1958 г. в данный порядок были внесены изменения, предусматривающие выплату пособия в 2 этапа: 50% – при выезде семьи и 50% – при истечении 3 месяцев непрерывной работы в колхозе или совхозе. В начале 1960-х гг. изменилась процедура получения ЕДП: выплаты производились только по именным чекам на имя главы семьи [5].

3. Возмещение имущества и неиспользованных затрат при переселении колхозов в полном составе. Закрепленные за колхозом земли и имущество, которое не могло быть перевезено, передавалось другим колхозам. Колхозы возмещали переселяющимся стоимость имущества и затрат, вложенных в передаваемую землю. Стоимость строений возмещалась по ценам, действующим в момент передачи, с учетом износа [6].

4. Предоставлялись дополнительные возможности для проезда следующим категориям:

– право на бесплатный проезд «туда-обратно» для представителей колхозов (ходоков);

– льготы главам или трудоспособным членам семей, направляемым в места вселения для участия в строительстве домов, устройства хозяйства: бесплатный проезд «туда-обратно»; суточные в размере 1 руб. на время пути в один конец и 50% ЕДП;

– льготы всем переселенцам: бесплатный проезд до места вселения, провоз имущества до 2 тонн на семью, а также провоз скота по установленным нормам.

На республиканском уровне – внутри союзной республики в безлесные районы оплачивалась стоимость провоза лесоматериалов и срубов домов за счет ассигнований.

В 1953 г. были упорядочены льготы для плановых переселенцев. Колхозам и бригадам – провоз общественного имущества, а также в отдельных случаях – семенных и фуражных фондов, лесоматериалов, срубов домов и пр.

5. Льготы на приобретение скота и покупку продовольствия. Переселенцам, переселяемым колхозам и бригадам предоставлялось право сдавать заготовительным организациям скот, зерно и картофель. Выдаваемые квитанции гарантировали им обмен. Вводилась продовольственная помощь переселенцам в местах вселения в размерах: зерно или мука – 0,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи. Скот не перевозился в Сахалинскую и Камчатскую области. Скот можно

было приобрести двумя путями: по обменным квитанциям и получению ссуды (до 2 тыс. руб. на 5 лет).

6. Льготы на строительство и жилье. Планы строительства жилья ежегодно утверждались постановлениями Советов Министров республик. Строительство домов осуществлялось хозяйственным или подрядным способами. Сумма кредита варьировалась от 1000 от 2200 руб. (по данным на 1959 г.). Размеры определялись территориальным принципом:

1) районы освоения целинных и залежных земель РСФСР и Казахской ССР, а также Калининградская область;

2) районы орошаемых земель Узбекской, Туркменской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Киргизской, Таджикской, Казахской ССР, а также при переселении в Херсонскую, Николаевскую и Крымскую области;

3) районы Читинской области, Дальнего Востока, Крайнего Севера и районы, приравненные к нему;

4) остальные районы.

7. Кредиты на покупку коров или другого КРС для семей, переселяющихся в колхозы. Размер кредита составлял 300 руб. (для переселяющихся в Читинскую область, районы Дальнего Востока и Крайнего Севера, а также районы, приравненные к нему), в остальных районах – 150 руб. [7]

С 10 января 1961 г. колхозам предоставлялся кредит на строительство построек культурно-бытового назначения, дорог и мостов, устройство переправ и плотин.

Законодательно определялся перечень лиц, не имеющих права на предоставление льгот (ранее переселявшимся, лицам, не связанным родственными отношениями, одиночкам и пр.).

С началом освоения целинных и залежных земель обострилась проблема сверхпланового вселения. В мае 1954 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О мерах помощи гражданам, изъявившим желание переселиться в колхозы районов освоения целинных и залежных земель». Для семей, изъявившим желание переехать в эти районы, определялись льготы, предусмотренные Постановлением Совета Министров от 19 февраля 1953 г. В 1956 г. молодежь, прибывшая на целину по комсомольским путевкам, была приравнена в получении льгот к плановым переселенцам.

В ходе массового освоения целины использовались прямые и косвенные методы, направленные на стимулирование миграции трудовых ресурсов. Добровольцам предусматривались выплаты в размере стоимости расходов по проезду и единовременное пособие в размере двухмесячного оклада по месту прежней работы, но не менее 500 руб. в месяц.

К началу 1960-х гг. была упорядочена система льгот для переселенцев, расширился перечень лиц, имеющих право на переселение, выделен ряд приоритетных направлений вселения. Несмотря на принятые меры, часть льгот уже не удовлетворяла реальных нужд переселенцев.

Льготы и иные меры социальной помощи для рабочих, участвовавших в оргнаборе, устанавливались Постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. [8] С 1 июля 1947 г. оргнабор рабочих для угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, строительства электростанций, строительства предприятий тяжелой индустрии, строительства топливных предприятий, строительства военных и военно-морских предприятий, а также лесной, цементной и асбестовой промышленности, погрузочно-разгрузочных работ на речном и морском транспорте проводило МТР (Министерство трудовых резервов) по договорам, заключенным с соответствующими министерствами. Индивидуальный трудовой договор заключался с рабочими от имени контор МТР и соответствующего предприятия (треста) министерства, для которого проводился набор рабочих на срок не менее 1 года, а для работы на предприятиях и стройках Дальнего Востока – на срок не менее 2 лет.

Руководство предприятий (строительных организаций) было обязано к моменту прибытия набранных рабочих подготовить оборудованные общежития, предоставить транспорт для перевозки рабочих от станции назначения и организовать для них питание.

Постановлением устанавливались следующие виды льгот.

1. Рабочим, заключившим трудовые договоры для работы в другой местности на срок не менее 1 года, выплачивалось единовременное пособие в размере 300 руб., а рабочим, направленным на предприятия (строительства) Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, – 500 руб. на самого рабочего и соответственно по 125 и 200 руб. на каждого переезжающего с ним члена семьи.

В 1948 г. были снижены размеры единовременного пособия рабочим, заключившим трудовой договор для работы в другой местности, с 300 до 150 руб., а рабочим, направляемым на пред-

приятия (строительство) Урала, Сибири и Дальнего Востока, – с 500 до 300 руб., отменены выплаты единовременного пособия на членов семьи.

2. Суточные рабочим за время нахождения в пути – 10 руб., а для направляемых на Урал, Дальний Восток, Сибирь и Крайний Север – 15 руб.

3. Устанавливались нормы оплаты стоимости проезда рабочих и членов их семей, а также провоза багажа [9].

Для семей колхозников, заключающих договор для работы в угольных шахтах, также сохранялись льготы, установленные еще в 1938, 1942 и 1946 гг. Набираемые рабочие обеспечивались также в пунктах сбора и на время следования питанием по продовольственным нормам и медицинским обслуживанием.

Вводились дополнительные нормы снабжения, которые реализовывались за наличный счет (рабочим, заключившим трудовой договор на срок не менее 1 года, не позднее 6 месяцев после прибытия их к месту работы).

Нормы снабжения, предоставляемые рабочим, участвующих в оргнаборе

Отраслевые министерства	Нормы снабжения на 1 рабочего/ 1 члена семьи	Нормы снабжения для рабочих, направленных на Урал, в Сибирь и Дальний Восток
Угольной промышленности западных и восточных районов Нефтяной промышленности южных и западных районов Нефтяной промышленности восточных районов Черной металлургии Цветной металлургии Строительства предприятий тяжелой индустрии (по металлургии) Строительства топливных предприятий Лесной промышленности	1 пальто, 1 костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, 10 м мануфактуры, по 5 м мануфактуры на каждого переехавшего с рабочим члена семьи	1 пальто, 1 костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, по 15 и 7 м мануфактуры соответственно
Строительства предприятий тяжелой индустрии (кроме строек металлургии) Строительства военных и военно-морских предприятий, электростанций Морского и речного флота Промышленности строительных материалов	1 пальто, 1 костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, 5 м мануфактуры, по 3 м мануфактуры на каждого переехавшего с ним члена семьи	1 пальто, 1 костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, по 8 и 5 м мануфактуры соответственно

Рабочим, заключившим трудовой договор для работы в лесозаготовительной промышленности, отводился приусадебный участок, выдавалась ссуда на постройку дома, отпускались строительные материалы. В районах Севера рабочие освобождались от обложения сельхозналогом, им предоставлялась скидка по поставкам государству мяса и молока и ряд других льгот. По истечении срока трудового договора рабочий по своему желанию мог остаться на работе, перезаключить трудовой договор на новый срок или возвратиться к постоянному месту жительства (оплачивалась стоимость обратного проезда). Организованный набор рабочих проводился отдельно для предприятий с постоянными кадрами и для отраслей с сезонным характером производства.

Рабочим, проработавшим сезон и заключившим трудовой договор на следующий сезон, выплачивалось единовременное денежное вознаграждение в размере месячной тарифной ставки. Работающим в хозяйствах колхозникам, в торфяной промышленности предоставлялись льготы по обязательным поставкам государству молока, а при распределении урожая в колхозах они обеспечивались хлебом и кормами для скота по государственным закупочным ценам. Рабочим, заключившим трудовой договор на сезон лесозаготовок, предоставлялись те же льготы, а вместо единовременного пособия выплачивались подъемные.

28 ноября 1951 г. Постановлением Совета Министров СССР «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих» устанавливались новые правила проведения оргнабора [10]. С 1 января 1952 г. оргнабор рабочих для постоянной работы на предприятиях и стройках всех министерств и ведомств проводило МТР. Набор рабочих из числа городского неработающего насе-

ления по месту нахождения предприятий и строек проводили сами предприятия и стройки. Оргнабор из сельского населения для сезонных работ проводили те министерства и ведомства, которым набор рабочих был предусмотрен народнохозяйственным планом или отдельными решениями правительства. Все расходы по оргнабору с этого времени возлагались на бюджеты предприятий и строек министерств и ведомств. Единовременное пособие для рабочих, заключивших договор на срок 2 года и более увеличилось в 2 раза. Рабочему предписывалось выплачивать аванс в размере 50% от единовременного пособия и суточные, а также деньги на проезд.

Определенные возможности имелись и у призывавшихся через систему трудовых резервов и профтехобразования. В период обучения учащиеся обеспечивались стипендией, обмундированием и питанием. После обучения они направлялись на работу по специальности в МТС и совхозы Кировской области, а также в районы, нуждающиеся в притоке рабочей силы. Воспитанники детских домов, сироты, дети погибших воинов и дети инвалидов Великой Отечественной войны при представлении документа от райсобеса обеспечивались бесплатным питанием, а также обмундированием и обувью за 50% стоимости. В зависимости от успеваемости все учащиеся получали стипендию. Лицам, получавшим бесплатное питание, выдавалась стипендия от 80 до 120 руб. Лицам, не обеспеченным бесплатным питанием, – от 190 до 230 руб. в месяц.

Осенью 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР устанавливались меры по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых через систему трудовых резервов [11]. В частности, совершенно неудовлетворительно была поставлена работа на предприятиях и стройках по закреплению молодых специалистов (плохие жилищные условия, использование выпускников не по специальности или не в соответствии с квалификацией). Меры предусматривали: запрет для руководителей снижать квалификационные разряды; предоставление работы в соответствии с разрядом; предоставление благоустроенных и оборудованных помещений; выдача возвратной ссуды на хозяйственное обзаведение в размере 2 тыс. руб. с погашением в течение 2 лет. Запрещалось направлять рабочих на предприятия и стройки, не подготовившие общежития для размещения молодых рабочих. С 1953 г. на Госплан СССР возлагались обязанности по проверке готовности предприятий и строек к приему рабочих [12]. Государственные трудовые резервы с 1959 г. были заменены системой профтехобразования с сохранением льгот и социально-экономической помощи для учащихся.

Подводя итог, стоит отметить, что имеющиеся у трудовых мигрантов льготы и иные социально-экономические возможности предоставлялись государством с целью стимулирования рабочих, колхозников и неквалифицированной молодежи к миграции, а также их дальнейшего закрепления на производстве и в местах вселения. Данные социально-экономические мероприятия служили подспорьем для трудовых мигрантов, но не способствовали полному решению их социально-экономических проблем. Имеющиеся архивные документы и документы личного происхождения позволяют говорить о ряде сложностей с получением льгот и реализацией социально-экономических возможностей.

Примечания

1. *Большакова Г. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2010. 44 с.; *Горбачев О. В.* Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья, 1945–1985 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. 472 с.; *Он же.* Экономические факторы миграции сельского населения Центрального Нечерноземья (1946–1970 гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та им. И. Г. Петровского, 1999. 96 с.; *Занданова Л. В.* Переселение крестьянства в азиатскую Россию (конец 40-х – сер. 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 158 с.; *Пискунов С. А.* Правовой статус планового переселенца в РСФСР, 1946–1991 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-1(33). С. 148–151; *Он же.* Эволюция государственной помощи переселенцам российской деревни (вторая половина 40-х – 80-е гг. XX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2(46). С. 187–192.

2. *Пискунов С. А.* Государственная политика переселения в земледельческие районы Дальнего Востока (сер. 1940–1960-х гг. XX века). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 95.

3. *Твердов А. А.* Льготы для переселенцев. М.: Госюриздат, 1961. С. 17.

4. Там же. С. 12–13.

5. *Чернышева Н. В., Бровцин А. В.* Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 годы. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 146.

6. *Твердов А. А.* Льготы для переселенцев. М.: Госюриздат, 1961. С. 18.

7. Там же. С. 33.

8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смирнов. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 428–432.

9. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2169. Оп. 25. Д. 1348. Л. 398.

10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 674–677.
11. Там же. С. 341–349.
12. Там же. С. 14–17.

Notes

1. Bolshakova G. I. *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee real'noe voploshchenie na Karel'skom pereshejke v 1940–1960-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Resettlement policy of the Soviet state and its actual implementation on the Karelian isthmus in 1940-1960-ies: abstract dis. ... Dr Hist. Sciences]. SPb. 2010. 44 p.; Gorbachev O. V. *Migraciya sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya, 1945–1985 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Migration of the rural population of Central Nechernozemie, 1945–1985: dis. ... Dr Hist. Sciences]. M. 2003. 472 p. *EHkonomicheskie faktory migracii sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya (1946–1970 gg.)* – Economic factors of migration of rural population of the Central Nechernozemie region (1946–1970). Bryansk. Publishing house of Bryansk State Ped. Un. n.a. I. G. Petrovskiy. 1999. 96 p.; Zandanova L. V. *Pereselenie krest'yanstva v aziatskuyu Rossiyu (konec 40-h – ser. 60-h gg. XX v.)* [Resettlement of the peasantry in Asian Russia (late 40's – mid. 60-ies of XX century)]. Irkutsk. Publishing house of Irkut. State Ped. University. 1997. 158 p.; Piskunov S. A. *Pravovoj status planovogo pereselenca v RSFSR, 1946–1991 gg.* [Legal status of the planned migrant in the USSR, 1946–1991] / / *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2013, No. 7-1(33), pp. 148–151. Also him. *EHvolyuciya gosudarstvennoj pomoshchi pereselencam rossijskoj derevni (vtoraya polovina 40-h – 80-e gg. XX v.)* [The evolution of state aid to displaced persons of the Russian village (second half of 40's – 80-ies of XX century)] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* – Social and humanitarian sciences in the Far East. 2015, No. 2(46), pp. 187–192.

2. Piskunov S. A. *Gosudarstvennaya politika pereseleniya v zemledel'cheskie rajony Dal'nego Vostoka (ser. 1940–1960-h gg. XX veka)* [Government policy of resettlement in agricultural areas of the Far East (ser. 1940-1960-ies of XX century)]. Blagoveshchensk. Publishing house of BSPU. 2011. P. 95.

3. Tverdov A. *L'goty dlya pereselencev* [Benefits for migrants]. M. Gosyurizdat. 1961. P. 17.

4. Ibid. Pp. 12–13.

5. Chernysheva N. V., A. V. Brovtsyn *Trudovye migracii naseleniya Kirovskoj oblasti v 1945–1967 gody* [Labour migration of the population of the Kirov region in the years 1945–1967]. Kirov. Publ. "Raduga-PRESS" LTD. 2015. P. 146.

6. Tverdov A. *L'goty dlya pereselencev* [Benefits for migrants]. M. Gosyurizdat. 1961. P. 18.

7. Ibid. P. 33.

8. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: v 5 t. T. 3. 1941–1952 gg.*- The decision of the party and government on economic matters: in 5 vol. Vol. 3. 1941–1952 / comp. K.U. Chernenko, M. S. Smirnov. M. Publ. of polit. lit. 1968. Pp. 428–432.

9. State archive of the Kirov region (GAKO). F. P-2169. Sh. 25. File 1348. Sh. 398.

10. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam* – The decisions of the party and government on economic issues. Pp. 674–677.

11. Ibid. Pp. 341–349.

12. Ibid. Pp. 14-17.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

А. А. Яшина

Метафизика смерти в ранней лирике Н. А. Некрасова

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного некрасоведения – теме смерти в творчестве поэта. Автор исследует проблему на материале ранней лирики Н. А. Некрасова (сборника «Мечты и звуки») и приходит к выводу о том, что в ней воплощены характерные для русской романтической поэзии 1830-х гг. христианские представления о смерти. Материальный мир изображается поэтом как конечный, стремящийся к смерти и разрушению, грешный и порочный. Идею танатостремительности мира воплощают многочисленные тафологические образы и мотивы. Земной юдоли противопоставлен мир иной, в контексте сборника воспринимаемый как царство божие. Существование в земном мире для лирического героя мучительно, оно сравнивается с пребыванием в могиле, оковах. В ряде текстов смерть персонифицируется в образе благого антропоморфного существа либо светлого ангела. Таким образом, понимание смерти двоится: с одной стороны, умирание есть состояние материального мира, с другой стороны, смерть воспринимается как желанная граница между ним и миром небесным и ключ к достижению вечного блаженства. В статье также устанавливается ориентация ряда мифопоэтических, христианского генезиса образов на образцы, представленные в лирике А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Айбулата.

The article is dedicated to the death in Nekrasov's lyric poetry, being one of topical issues in modern Nekrasov studies. The article analyzes the death in the early works by the poet (*Dreams and Sounds* collection), coming to conclusion that they reflect Christian concepts of the death typical for Russian romantic poetry of the 1830s. Nekrasov depicts the material world as final, sinful, vicious and striving for death and destruction. Numerous thanatological images and motifs embody idea of a death-striving world. The vale of tears is opposed to the other world, which, in the context of the collection, is perceived as the paradise, Kingdom. The narrator suffers in the human world comparing it to staying in a grave or fetters. In some poems, Nekrasov personifies the death as a good anthropomorphic being or angel. Thus, he understands the death in two ways: on the one hand, dying is a state of the material world, and on the other one, the death is a desired border between the material and heavenly worlds, and a key to eternal bliss. The orientation of some mythopoetic images to Pushkin's, Lermontov's and Aibulat's samples is also investigated in the article.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, танатология, романтизм, образ смерти.

Keywords: N. A. Nekrasov, thanatology, romanticism, image of death.

Проблема танатоцентризма художественного мира Н. А. Некрасова была впервые поднята, вероятно, К. И. Чуковским в его критических «Рассказах о Некрасове» (1918). Отмечая своеобразную «завороженность» поэта проблемой смерти, он называет его «могильщиком по самой своей природе» [1], указывает на многочисленные «погребальные» названия его текстов («Смертушка», «Смерть крестьянина», «Похороны», «Кладбище», «Гробок», «Могила брата», «Покойница») и обилие в них танатологической образности («И какие погребальные метафоры! – людей он называет червями, которые копошатся на трупе <…>, тучи – гробами, Неву – гробницею, землю – мертвецом <…> Деревенские зимние сумерки для него как бы всемирная смерть <…>. Даже литеры в руках у наборщиков кажутся ему мертвецами» [2]) и заключает: «К кладбищенским темам Некрасова влекло постоянно» [3].

Вопросы, обозначенные К. И. Чуковским в его критической статье, неоднократно затрагивалась литературоведами, однако косвенно – в контексте рассуждений о тех или иных аспектах биографии и творчества Н. А. Некрасова [4]. Специальных работ, посвященных ей, нам обнаружить не удалось. Во многом этим обусловлена актуальность нашей статьи, в которой мы попытаемся проанализировать генезис воплощенных в ранней лирике поэта (сборнике «Мечты и звуки») представлений о смерти и специфику их поэтического оформления.

Общеизвестно, что первые опыты Н. А. Некрасова носили подражательный характер: им воспроизводились общие места и типовые формулы массовой романтической журнальной по-

© Яшина А. А., 2016

эзии. Само название сборника, в который автор включил стихотворения 1836–1840 гг., – «Мечты и звуки» (1840) – имело типовой характер (ср. «Мечты и звуки поэзии» И. Грузинова, вышедшие в 1842 г. в Москве). Подражательность ранних стихотворений Н. А. Некрасова была замечена критикой (см. отзывы Ф. Н. Менцова, В. Г. Белинского) [5].

Романтики 30-х гг., оказавшиеся образцом для молодого Н. А. Некрасова (М. Ю. Лермонтов, И. И. Козлов, А. И. Подолинский, В. Г. Бенедиктов, А. В. Тимофеев, А. Г. Ротчев, А. И. Полежаев, Д. П. Ознобишин и др.), отталкивались от эстетики пушкинской «школы гармонической точности» и во многом противопоставляли себя ей. Они обращаются к религиозному идеализму, мистицизму и иррационализму на уровне идей, повышенной экспрессивности («неистовству») – на уровне эмоций (немногие исключения, как отмечает М. Я. Вайскопф, «не меняют главного в метафизической ориентации основного потока русской литературы 1820–1830-х гг. – <…> ориентации не рассудочной, а религиозно-эмоциональной» [6]).

Романтическая концепция двоемирия, по наблюдению В. Э. Вацуро [7], начинает интерпретироваться ими почти исключительно в христианском духе, распространяется понимание творчества как мистического причащения художником божественного начала. Мысли о величии творения и готовность восславить прекрасный Божий мир сочетаются в поэзии русских романтиков 1830-х гг. с представлениями о том, что земная жизнь есть юдоль скорби, а тело – темница души; тексты их пронизывает недоверие и презрение к материальному, «эскапистский настрой, хмурая вражда к дольнему миру и экзальтированная ностальгия по тому свету, граничащая с некрофилией» [8]. «Любовь к смерти» становится одной из смысловых доминант позднего русского романтизма [9].

Представление о материальном мире как о несовершенном и конечном задается уже в первом опубликованном юным Н. А. Некрасовым тексте – стихотворении «Мысль» (текст был напечатан в 1838 г. в журнале «Сын Отечества» и впоследствии включен в сборник «Мечты и звуки»). Оно строится как развернутая метафора «мир – старец»: «Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый <…> И, может, быть, распустится зерно / В тебе давно угасшей жизни силы, / И новой жизнию заглохшие могилы, / Печальный мир, повеют над тобой!» [10] Мир в представлении поэта безобразен, стар, лишен жизненных сил, погружен в сон; по существу, состояние мира – постепенное приближение к смерти, *умирание*.

Стихотворение «Мысль» открывает «Мечты и звуки» и воспринимается как своеобразный камертон, задающий понимание всего сборника. Идея близости мира к смерти, его *танатостремительности* последовательно проводится в «Мечтах и звуках»: отдельный человек и социум вообще, материальные объекты и артефакты, природа – все элементы дольнего мира и сам он в целом изображаются как умирающие, обреченные на исчезновение. Как реализация этой идеи в текстах сборника возникают многочисленные *тафологические* [11] *мотивы и образы (похороны, могила, гроб, покойник, погребальные аксессуары), образ руин, образ зимы.*

Представление о *смерти человека* оказывается тесным образом связанным с *идеей греха*. Связь эта в изучаемом корпусе текстов двоякая.

С одной стороны, тяжелейшим грехом, согласно воплощенной в сборнике идеологии, становится «*мятежное сомнение*», неизбежно ведущее к неверию: «Больше в сердце мрачных дум, / Дух коварный искушенья / Ими душу окружит / И *мятежное сомненье* / В чистом сердце поселит… <…> И, ребенок простодушный, / Ты погиб, когда его – / Силой духа своего – / Не отвергнешь!..» («Злой дух»), «…приюта не давай / В душе своей мятежному сомненью, / Беги его и сердца не вверяй / Его всегда недоброму внушенью <…> И вот плоды несчастных размышлений, / С сомнением томительных бесед: / Ты, раб его неправедных внушений, / Им омрачишь отрадной веры свет. / Тогда, тогда – печатью отверженья / Зажжет чело отступника позор, / И торжество коварного сомненья / Тебе прочтет последний приговор…» («Сомнение»).

Одержимость «мятежным сомнением», по Н. А. Некрасову, делает жизнь человека бессмысленной, приводит к *преждевременной смерти души*; для описания внутреннего состояния сомневающегося зачастую используется танатологическая образность и мотивика: «Он *не живет*; он без сознанья / Влачит томительные дни, / И цепью горького страданья / Влекутся медленно они <…> Всему он чужд – и нет тяжеле / Его *догробного креста*, / И носит он на грешном теле / Печать поборника Христа» («Безнадежность»), «Все осквернит нечистое сомненье / И окует грудь *холодом могил*» («Сомнение»). Причем сомнение, неверие, душевная опустошенность и омертвелость представляются в сборнике характерными чертами современного автору *общества в целом*; яснее всего это выражено в стихотворении «Жизнь», написанном с явной ориентацией на лермонтовскую «Думу» (ср. специфическую субъектную организацию текста, ритмомелодический строй, близость в лексическом отношении): «И гибельно парит над нами злобы гений, / Еще в зародыше все доброе губя. / Себялюбивое, корыстное волненье / Обуревает нас, блаженства ищем мы, / А к

пропасти ведет порок и заблужденье <…> Но чуждо нас добро, искусства нам не новы, / Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть; / Мы любим лишь себя, нам дружество – оковы, / И только для страстей открыта наша грудь» («Жизнь»).

Сила, толкающая человека на путь греховного сомнения, в трех текстах сборника воплощена в *образе «злого духа»*: «Полюбишь ты: сомненья призрак бледный, / Как адский дух, предстанет пред тобой…» («Сомнение»), «Дух нечистый, дух порочный, / Как прокрался ты ко мне? / Для чего ты в час полночный / Здесь, со мной наедине? / Нет в очах твоих привета, / Как на давнем мертвеце, / Лед бесстрастья на лице, / Злобной радостью одетом…» («Злой дух»), «Не приходи в часы раздумья, / Когда наводит демон зла, / Вливая в сердце яд безумья, / На нечестивые дела; / Когда внушеньям духа злого, / Как низкий раб, послушен ум, / И нет в нем ничего святого, / И много, много грешных дум» («Смерти»). Образ этот, несомненно, связан с традицией *романтического демонизма*, прежде всего, пушкинскими ее образцами: стихотворениями «Мое беспечное незнанье…», «Демон» и «Ангел»; непосредственным источником является стихотворение А. С. Пушкина «Демон» [12] (ср. «И вливает яд волненья / В сердце холодом речей» – у Пушкина: «Его язвительные речи / Вливали в душу хладный яд»).

Кроме того, в сборнике проводится и идея о том, что смерть есть *наказание за человеческие грехи*; эти представления наиболее ярко воплощены в стихотворении «Землетрясение»: «Спит пышный град. Разврата не тая, / Он обнажил поруганное тело, – / Рука страстей над ним отяготела <…> Картина от очей не скрытой наготы: / Присутствие греха, отсутствие святого, / Господство одного порочного и злого – / Разврата блеклые цветы… <…> Плещется море, и рушатся домы, / Людям земля приговор говорит. / Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада, / Тяжкие вопли придавленных жертв, / Видишь ли тело погибшего брата? – / Он бездыханен, холоден, мертв. <…> Покайся! близка твоя смерть…» («Землетрясение»).

Одна из основных характеристик материального, дольнего мира, описываемого Н. А. Некрасовым, – его конечность, устремленность к смерти и разрушению, причем это касается как мира в целом (напомним, мир, по Н. А. Некрасову, «дряхлый старец»), так и слагающих его элементов: природы (соположение зимы и смерти), культуры (образ руин), человека (смерть как плата за грех, мотив преждевременной смерти души).

Существование в этом мире для лирического героя мучительно; одна из самых частотных метафор, которые употребляются для описания существования в нем (материальном мире) – бремя, оковы: «Душа, покинув *жизни бремя*, / Без страха в небо перейдет…» («Смерти»). «Связь с *бренною землей* расторгнув без усилья, / Свободен как орел, могуществен как царь…» («Два мгновения»). «Тогда рука судьбы жестоко / Меня к земному пригнела, / *Оковы врезались глубоко* <…> Хочу лететь, подняться выше, / Но *цепь звенит* мне: не пущу! / И я припомню, что в *оковы* / Меня от неба низвели…» («Изгнанник»), «Зачем запретные познанья / Тебе, *рабу земных оков*? <…> Отринь губящий дух гордыни…» («Истинная мудрость»).

Итак, жизнь на земле для лирического героя фактически равна смерти; все помыслы его устремлены к преодолению телесных границ, к «небу», миру иному, в общем христианском контексте сборника воспринимаемому как рай: «Не доверяй души сомненью, / За горе жизни не кляни, / Молись святому провиденью / И веру в господа храни <…> И воспаришь ты величаво / В *обитель горнего царя*, / В *свою небесную отчизну*» («Изгнанник»).

Это пространство противопоставлено земному как сакральное – профанному; «небо» есть царство вечной гармонии, обиталище бога и бессмертных душ: «…Из мира / Многогрешного парю / В область светлого эфира, / В слуги *горнему царю*…» («Встреча душ»), «И воспаришь ты величаво / В *обитель горнего царя*, / В *свою небесную отчизну*» («Изгнанник»), «На недвижный и безмолвный / Неба божьего предел / Взор, уверенности полный, / Как на родину смотрел…» («Встреча душ»).

В основе романтического представления о небесах как о родине души, куда она после смерти тела должна вернуться, лежали эклектически соединенные философские, восходящие к учениям Пифагора и Платона, и религиозные – христианские – идеи; представление это имело большую популярность (ср. «Ангел» М. Ю. Лермонтова, «Ночь» Е. И. Звалинского, «Память доколыбельного» Ф. Н. Глинки и др.) и стало одним из общих мест позднеромантической поэтики.

Если основные характеристики «многогрешной земли» – пространственная замкнутость, повышенная отмеченность границ (вспомним параллели «земля – тюрьма», «земля – могила») и временная конечность, то в описании «небес», напротив, подчеркивается их пространственная и временная безграничность: «И дух, согретый чистым жаром, / *Преград не ведал на пути* <…> В мир, мне неведомый дотоле, / Рванулась пылкая душа. / Отважно я взглянул, сын праха, / В *широкий,* радужный *эфир*…» («Изгнанник»), «Души родственно слились / И в сиянье огнецветном / Выше, выше понеслись <…> …для них свиданье это / *Не найдет себе конца*» («Встреча душ»).

Кроме того, «небеса» являются пространством динамическим; движение в нем связано с перемещением по вертикальной оси – *полетом*, парением («И *воспаришь* ты величаво / В обитель горнего царя <…> Я от восторга трепещу / Хочу *лететь, подняться выше»,* «Из мира / Многогрешного *парю* / *В область горнего эфира* <…> Души родственно слились / И в сиянье огнецветном / *Выше, выше понеслись*» («Встреча душ»), причем полетом легким, вольным: «Без порывов, без усилья, / Словно волны ветерка, / Златом облитые крылья / Вольно режут облака <…> Понеслись под божье знамя / Так торжественно, легко…» («Встреча душ») (ср. уже упоминавшееся сравнение «земля – оковы»: «Тогда рука судьбы жестоко / Меня к земному пригнела, / Оковы врезались глубоко…» («Изгнанник»).

Пространство «иного мира» подчеркнуто нематериально, невещно; для описания его используются образы, связанные со стихиями – воздухом и огнем, светом: «Струйкой *света* что-то мчится / По *воздушному* пути, / В *полуогненную ризу* / *Из лучей* облечено <…> Словно *волны ветерка* / *Златом облитые* крылья / Вольно режут *облака* <…> И *блистателен* и пышен / Был *венец* ее двойной, / Лет торжественный, чуть слышен, сыпал *искры* за собой <…> *Пламень* нового *сиянья* / *Тучи* грудь пробороздил <…> От одежд их *свет и пламя* / Расстилались далеко» («Встреча душ»).

Земная жизнь, таким образом, для лирического героя есть пребывание в «тюрьме», «оковах», бескрайние пространства святости и гармонии, «обитель горнего царя», «небесная отчизна» являются для него предметом страстного томления, а смерть, соответственно, воспринимается как *граница* между дольним и горним мирами: «Я близок к небу – смерти время! / Нетруден будет *переход*; / Душа, покинув жизни бремя, / Без страха в небо перейдет…» («Смерти»), «Скажу “Прощай” мятежной жизни нашей, / И дух мой в небо воспарит…» («Моя судьба»), «Над ложем слез, как вестник славы, / Взойдет предсмертная заря, / И воспаришь ты величаво / В обитель горнего царя…» («Изгнанник»; I; 197); достижения этой границы лирический герой ждет с нетерпением, смерть для него *желанна* и *очищена от внушаемого ею страха* (ср. «Всегда готовый встретить смерть, / Не жить здесь в мире я родился, / Нет, я родился умереть…» («Изгнанник»).

В одном из текстов смерть персонифицируется в образе благостного и сострадающего лирическому герою *ангела*, помощника в преодолении предсмертных мук тела и переходе в мир иной: «И снидет ангел к изголовью, / Крестом трикраты осеня, / С *неизъяснимою любовью и грустью* глянет на меня <…> И горько плакать буду я, / И сам со мною прослезится / Он, *сострадания* не тая. / *Меня учить он будет звукам / Доступных господу молитв* <…> Назначит смертную минуту / Он, *грустно* голову склоня…» («Ангел смерти»).

Изображения благой смерти были широко распространены в поэзии 1830-х (ср. «Смерть» Е. А. Баратынского («Смерть дщерью тьмы не назову я…»), «Смерть и сон» М. Деларю), однако наибольшую близость в интерпретации данного образа, а также близость лексическую текст обнаруживает со стихотворением К. Айбулата (Розена) «Смерть». Это стихотворение было опубликовано в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1838 г. и быстро приобрело чрезвычайную популярность, переиздавалось вплоть до конца века и приписывалось разным авторам, в том числе М. Ю. Лермонтову [13].

В обоих текстах действие отнесено к неопределенному будущему, однако грамматически представлено как реальное: «*Придет* пора преображенья, / Конец житейского пути…» (Некрасов) – «Она *придет* неслышно и незримо…» (Айбулат); лирический сюжет развивается по одной схеме: сообщение ангела/небесной посланницы о скорой смерти – молитва героя – его смерть – указание ангелом/небесной посланницей пути в иной мир. И Некрасов, и Айбулат подчеркивают благую сущность смерти и момент сострадания ее герою; у Айбулата читаем: «И станет, *светлая*, у моего одра, / И скажет мне с *тоской неизъяснимой*…», у Некрасова – «И снидет ангел к изголовью, / Крестом трикраты осеня, / С *неизъяснимою любовью и грустью* глянет на меня; / Опустит очи и чуть внятно, / Тоскливо скажет…». Не менее важная характеристика, повторяющаяся у обоих авторов, – *тихость* смерти: «Она придет *неслышно и незримо* <…> Закроет навсегда мои *тихонько* очи…» (К. Айбулат), «Опустит очи и *чуть внятно*, / Тоскливо скажет <…> Он скажет *шепотом*: сейчас!» (Некрасов).

Тихому вестнику смерти и в «Ангеле смерти», и в «Смерти» противопоставляется мятущийся лирический герой. Айбулат заостряет данное противопоставление, акцентируя момент привязанности героя к земному миру и его нежелание умирать: «”Я жить хочу!.. оставь мне здешний свет”», / И буду я *молить с слезами* и со злостью <…> Но дней земных, печальных жаль мне будет, / Да, жаль!». Некрасов, напротив, это противопоставление сглаживает: молитва лирического героя «Ангела смерти» – не «мятежная», а смиренная («Меня учить он будет звукам, / Доступных господу молитв, / И сердце, преданное мукам, / В груди их глухо повторит…»), муки его, хотя и частично связанные с привязанностью к земной юдоли («”Чрез час ты – мира не звено. / Молись!”

– и буду я *молиться*, / И горько *плакать* буду я…»), преимущественно обусловлены неизвестностью перед предстоящим ему: «И робко спрашивать я буду: / “Господь простит ли там меня?”».

Ангел смерти Некрасова материален, ему приписан ряд телесных черт (он «осеняет крестом» лирического героя, «грустно склоняет» голову, «опускает очи», плачет); его облик антропоморфизирован и соответствует традиционному христианскому представлению об ангелах как о существах, внешне подобных человеку. Смерть Айбулата, напротив, практически лишена материальных черт, упомянута лишь ее «*прозрачная* рука».

Влияние «Смерти» Айбулата на стихотворение Некрасова явственнее всего прослеживается в последнем четверостишии «Ангела смерти», полностью повторяющем рифмовку айбулатовского оригинала: «Вдруг… он с мольбой закроет очи, / Слезой зажжет пустую грудь / И в вечный свет иль к вечной ночи / Душе укажет тайный путь…» – ср. у Айбулата: «Она дохнет в лицо прохладой вечной ночи, / Прозрачною рукой мою придавит грудь, / Закроет навсегда мои тихонько очи / И – в путь!». Как мы видим, повторены все основные смысловые моменты исходного текста: манипуляции ангела смерти с глазами и грудью преставившегося (грудь, согласно архаическим мифологическим представлением, часто служит местом локализации души: в ряде русских диалектов само слово «душа» может значить «грудь», иногда – «сердце» [14]), начало пути в вечность.

Посмертное существование души, как следует из вышесказанного, не является для лирического героя сборника вопросом.

Так, например, в стихотворении «Встреча душ» разрабатывается распространенный в русской поэзии 1830-х гг. мотив встречи душ любящих в загробном мире (ср. «Отчужденного» и «Див и пери» А. И. Подолинского; теснее всего, как представляется, «Встреча душ» связана со стихотворением Е. А. Баратынского «Своенравное прозванье…» – повторена лирическая ситуация этого текста: души влюбленных в раю оказываются лишенными своего телесного облика и узнают друг друга лишь по «своенравному прозванью», интимному имени: «Верю, мне творец всесильный / Амариллу возвратит… / – Амариллу? голос друга / Я узнала… я твоя!»).

Таким образом, в основе представлений о смерти, выраженных в ранней лирике Н. А. Некрасова, лежит христианская метафизика. Смысловыми доминантами этих представлений являются вера в бессмертие души, «благость» физической смерти и стремление к ней. Образы и мотивы, воплощающие эти представления, традиционны (мотив посмертной встречи душ, образы ангела, смерти и т. п.) и даны в «концентрированном» виде, чрезвычайно частотны.

Подобная увлеченность темой смерти останется характерной чертой и зрелого творчества Н. А. Некрасова, однако описанная нами романтическая танатология окажется уже неактуальной для него: из его текстов после 1840 г. полностью исчезают какие-либо метафизические – в христианском духе – построения, смерть начинает восприниматься как прекращение жизни. Философско-религиозные размышления о смерти «вообще» сменяются в поэтических новеллах автора описаниями смертей конкретных людей, вызванными конкретными социальными обстоятельствами, а в его лирике – напряженным экзистенциальным переживанием лирическим героем собственной смертности.

Примечания

1. *Чуковский К. И.* Кнутом иссеченная муза // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8. Литературная критика. 1918–1921. М., 2012. С. 406.
2. Там же. С. 406–407.
3. Там же.
4. *Илюшин А. А.* О некоторых формах гротескной образности в литературе и искусстве // Славяне и запад: сб. статей к 70-летию И. Ф. Бэлзы. М., 1975. С. 36–55; *Жилякова Э. М.* Христианские мотивы и образы в творчестве Некрасова (1830–1850-е годы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1998. Вып. 5. С. 270–282; *Кучерская М. А.* Профетизм Некрасова // Toronto Slavic Quarterly. Fall 2013. № 46. P. 49–50.
5. *Вацуро В. Э.* Стихотворения 1838–1844 гг. // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 1. Стихотворения 1838–1855 гг. Л., 1981. С. 640–687.
6. *Вайскопф М. Я.* Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 40.
7. *Вацуро В. Э.* Поэзия 1830-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981. С. 362–379.
8. *Вайскопф М. Я.* Указ. соч. С. 62.
9. *Вайскопф М. Я.* Указ. соч.; Прусова М. А. Культ смерти в русской романтической поэзии. Симферополь, 1999.
10. Здесь и далее тексты стихотворений цитируются по изданию: Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 1. Стихотворения 1838–1855 гг. Л., 1981.
11. Тафология (от греч. taphos – погребение, могила) как научная дисциплина, изучающая различные аспекты погребальной онтологии (формы и способы обращения с умершим, устройство погребений,

специфику погребальных культов и т. п.), была системно определена Ю. А. Смирновым в статье «Тафология: попытка системного подхода». Под тафологическими мотивами и образами, следовательно, мы понимаем образы и мотивы, связанные с преднамеренным погребением.

12. *Вацуро В. Э.* Стихотворения 1838–1844 гг. С. 655.

13. *Вацуро В. Э., Миллер О. В.* Приписываемое Лермонтову // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 445–447.

14. *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 52–95.

Notes

1. Chukovsky K. I. *Knutom issechennaya muza* [Whipped Muse] // Chukovsky K. I. *Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 8. Literaturnaya kritika. 1918–1921* – Collected works: in 15 vol. Vol. 8. Literary criticism. 1918–1921. M. 2012. P. 406.

2. Ibid. Pp. 406–407.

3. Ibid.

4. Ilyushin A. A. *O nekotoryh formah grotesknoj obraznosti v literature i iskusstve* [On some forms of grotesque imagery in art and literature] // *Slavyane i zapad: sb. statej k 70-letiyu I. F. Behlzy* – The Slavs and the West: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of I. F. Belzy. M. 1975. Pp. 36–55; Zhilyakova E. M. *Hristianskie motivy i obrazy v tvorchestve Nekrasova (1830–1850-e gody)* [Christian motifs and characters in the works of Nekrasov (1830–1850-ies)] // *Problemy istoricheskoj poehtiki* – Problems of historical poetics. Petrozavodsk. 1998. Iss. 5. Pp. 270–282; Kucherskaya M. A. *Profetizm Nekrasova* [Prophetism of M. A. Nekrasov] // Toronto Slavic Quarterly. Fall 2013. No. 46. Pp. 49–50.

5. Vatsuro V. E. *Stihotvoreniya 1838–1844 gg* [Poems of 1838-1844] / / Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t. T. 1. Stihotvoreniya 1838–1855 gg.* – Complete works and letters: in 15 volumes. Vol. 1 Poems of 1838–1855 years. L. 1981. Pp. 640–687.

6. Weiskopf M. Ya. *Vlyublennyj demiurg. Metafizika i ehrotika russkogo romantizma* [Demiurge in love. Metaphysics and erotica of Russian romanticism]. M. 2012. P. 40.

7. Vatsuro V. E. *Poehziya 1830-h godov* [Poetry of the 1830s years] // *Istoriya russkoj literatury: v 4 t. T. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu* – History of Russian literature: in 4 vol. Vol. 2. From sentimentalism to romanticism and realism. L. 1981. Pp. 362–379.

8. Weiskopf M. Ya. Op. cit. P. 62.

9. Weiskopf M. Ya. Op. cit.; Prusova M. A. *Kul't smerti v russkoj romanticheskoj poehzii* [Cult of death in the Russian romantic poetry.] Simferopol. 1999.

10. Hereinafter, the texts of the poems cited according to the edition: Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t. T. 1. Stihotvoreniya 1838–1855 gg* [Complete works and letters: in 15 volumes, vol. 1 Poems 1838–1855 years]. L. 1981.

11. Taphology (from the Greek. taphos – burial, the grave) as the scientific discipline that studies various aspects of the funeral ontology (forms and ways of addressing to the deceased, the burial arrangements, the specifics of the funeral cults, etc.) were identified systematically by Yu. A. Smirnov in the article "Taphology: an attempt of system approach". Under taphological motifs and images, therefore, we understand the imagery and motifs associated with the deliberate burial.

12. Vatsuro V. E. *Stihotvoreniya 1838–1844 gg* [Poems of 1838–1844]. P. 655.

13. Vatsuro V. E. Miller O. V. *Pripisyvaemoe Lermontovu* [Attributed to Lermontov] // *Lermontovskaya ehnciklopediya* – Lermontov Encyclopedia. M. 1981. Pp. 445–447.

14. Tolstaya S. M. *Slavyanskie mifologicheskie predstavleniya o dushe* [Slavic mythological idea of the soul] // *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Narodnaya demonologiya* – Slavic and Balkan folklore. Folk demonology. M. 2000. Pp. 52–95.

УДК 81’ 373

Е. В. Воронова

Семантический потенциал, символика и функционирование единиц лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма» в документально-художественном дискурсе И. Н. Кнорринг*

Статья посвящена описанию лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма», представленной в автодокументально-художественном дискурсе Ирины Николаевны Кнорринг, эмигрировавшей с революционного полуострова в 1920 г. В рамках когнитивно-дискурсивной научной парадигмы выявлены лексические репрезентанты, обозначающие социальную инфраструктуру Крыма; проанализированы особенности их функционирования, символика, парадигматические, синтагматические связи; состав и структура группы соотнесены с авторской языковой картиной мира. Когнитивно-семантический анализ языкового материала произведения «О чём поют воды Салгира. Беженский дневник. Стихи о России» свидетельствует о том, что концептуальная модель региональной инфраструктуры места последнего пристанища автора перед бегством из страны объективирована в лексемах-доминантах *дом, комната, вокзал, вагон, корабль, пароход*. В качестве ядерных единиц данные лексемы вербализируют индивидуально-авторскую концептуализацию действительности в период «Крымского исхода». Лингвокультурные характеристики лексем позволяют интерпретировать содержание рассматриваемой группы сквозь призму переживаний вынужденного изгнания и утраты Родины.

The paper describes the lexical-semantic group «Social infrastructure of the Crimea» presented in the documentary and imaginative discourse of Irina Knorring who emigrated from the revolutionary peninsula in 1920. Within the cognitive-discursive paradigm there were distinguished representatives indicating the social infrastructure of the Crimea; there were analyzed characteristics of their functioning, symbolism, paradigmatic, syntagmatic relations; composition and structure of the group were correlated with the author's linguistic view of the world. Cognitive-semantic analysis of the linguistic material of the work «About what Salgir waters sing. A refugee’s diary. Poems about Russia» suggests that the conceptual model of the regional infrastructure of the author’s final resting place before fleeing the country is reconstructed in the lexemes *house, room, station, carriage, ship, steamer*. As the nuclear units these lexemes verbalize individual author's conceptualization of the reality during the «Crimean outcome». Linguistic-cultural characteristics of the lexemes allow to interpret the content of this group through the prism of experiencing the forced exile and the loss of the homeland.

Ключевые слова: документально-художественный дискурс, лексико-семантическая группа, языковая картина мира, когнитивно-дискурсивный анализ, российская эмиграция, Крым.

Keywords: author’s documentary and imaginative discourse, lexical-semantic group, the linguistic view of the world, cognitive discourse analysis, Russian emigration, the Crimea.

Цель статьи – выявление репрезентирующей системы лексико-семантической группы (ЛСГ) «Социальная инфраструктура Крыма» и описание её функционирования в эмигрантских мемуарах и дневниках Ирины Николаевны Кнорринг 1920–1943 гг. «О чём поют воды Салгира. Беженский дневник. Стихи о России» [1].

Языковое осмысление региональной инфраструктуры отражает индивидуально-авторскую концептуализацию действительности и определяется ситуацией «Крымского исхода» в годы Гражданской войны и болезненными эмоционально-чувственными переживаниями из-за утраты Родины и вынужденного изгнания. Выполненный в рамках когнитивно-дискурсивной научной парадигмы [2] комплексный анализ лексических единиц, объективирующих инфраструктуру Крыма, способствует выявлению специфики ментальных репрезентантов И. Н. Кнорринг.

В документально-художественной речевой системе поэтессы лексико-семантическое поле «Крым» вербализировано тремя ключевыми субполями: социально-экономические реалии Крымского полуострова (1246 лексем, или 62%), физическая география Крыма (644 лексемы, или 32%), военно-политические аспекты Юга России (118 лексем, или 6%). ЛСГ наименований инфраструктуры Крыма входит в центральное субполе наряду с группами субстантивов, номинирующих сферы физического и психического здоровья жителей Крыма (49%), социальный порт-

© Воронова Е. В., 2016

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №16-34-01083/16 «Семантическое поле “Крым” в лингвокультурологическом аспекте (на материале автодокументальной прозы русской эмиграции “первой волны”)».*

рет крымчан (20%), религиозное и поликонфессиональное своеобразие полуострова (10%), его историко-культурное наследие (8%), практики производства, распределения, обмена, потребления и накопления материальных благ (2%), и по объему занимает значимую часть индивидуальной концептосферы автора «поэтического» дневника (11%).

Методом сплошной выборки из текста дневника «О чём поют воды Салгира…» были извлечены 143 лексемы. Когнитивно-семантический анализ языкового материала дневникового дискурса позволил выделить в рамках исследуемой ЛСГ три семантические подгруппы парадигматического типа, единицы которых принадлежат к одной части речи и объединяются когнитивным значением ‘совокупность объектов, обеспечивающих жизнедеятельность людей’:

- ***группа номинаций жилья в Крыму*** (73 лексемы, или 51%):

– помещения, предназначенные для жилья: *дом* (23), *комната* (13), *общежитие* (1), *изба* (1), *усадьба* (1), *здание* (1), *шатёр* (1), *ночлег* (1), *лазарет* (1), *гостиницы* (1), *кофейни* (1), *кухни в частных домах* (1), *корпус* (1), *спальня* (1);

– элементы зданий и построек: *окно* (11), *стена* (7), *двери* (6), *порог* (1);

- ***группа именований видов и частей судов и наземных транспортных средств*** (46 лексем, или 32%):

– водный транспорт (29): *корабль* (8), *пароход* (6), *трюм* (5), *баржа* (3), *катер* (2), *палуба* (2), *«Дооб»* (название баржи) (2), *дредноут* (1);

– наземный железнодорожный транспорт (15): *вагон* (9), *теплушка* (4), *паровоз* (2);

– грузовые повозки: *обоз* (1), *телега* (1);

- ***группа названий береговых сооружений*** (24 лексемы, или 17%): *порт* (2), *пристань* (2), *мол* (1), а также *вокзал* (8), *станция Джанкой* (1), *курган* (2) / *могила* (7) / *склеп* (1).

Рассмотрим индивидуально-авторское осмысление инфраструктуры Крыма через анализ структурно-семантических и лингвокультурных характеристик ядерной субстантивной лексики рассматриваемых подгрупп.

Ключевыми лексемами **ЛСГ номинаций жилья в Крыму** являются субстантивы *дом* и *комната*. Выявленные коммуникативно-дискурсивные особенности функционирования лексем-доминант подгруппы в плане их употребления в прямом и переносном значениях свидетельствуют о том, что *дом* – полисемант, содержащий не только первичное номинативное значение ‘жилое здание или строение’. Изгнание из России и Харькова воспринимается автором как потеря собственного жилища, в результате чего актуализируются архаические представления о доме, приобретая новое звучание в авторском сознании и метафорическое функционирование в дневнике. «Пучок» ассоциативных представлений, связанных с лексемой *дом*, можно обозначить в виде следующих семантико-символических пластов: 1) дом как своё пространство, внутренний мир: *Я в жизни своей заплутала, Забыла дорогу* ***домой****. Бродила. Смотрела. Устала. И быть перестала собой. Живу по привычке, без цели. Живу, никуда не спеша. Мелькают, как птицы, недели, Дряхлеет и гибнет душа*; 2) дом как Россия: *Россия – тоска, разговоры, О барских* ***усадьбах****, салазках… Там в зачарованных снегах Стоит* ***изба*** *на курьих ножках, Где дремлет старая Яга У освещённого окошка*; 3) дом как семья (Мамочка, Папа-Коля и харьковская подруга Таня): *А* ***дома*** *больная Мамочка, заболела вчера; Домашние новости. Папа-Коля совсем захандрил*; 4) дом как крепость, ковчег, мирная жизнь – защита, спасение: *После долгих лет скитаний С искалеченной душой, Полны смутных ожиданий, Мы вернёмся в* ***дом*** *родной; Одним словом, пережили всё, что надо беженцу, и пора бы нам теперь возвратиться* ***домой*** *к мирной жизни с золотой медалью* (см. о семантической осложнённости лексемы *дом* в мемуарах и дневниках российских эмигрантов в работе [3]).

Семантико-когнитивные признаки, эксплицируемые ядерными лексическими единицами, характеризуются в дневнике автора большим разнообразием ассоциативных связей. С одной стороны, концептуальными признаками лексемы *дом* становятся ‘опустевший, необитаемый, осиротелый, переставший быть людным, безжизненный и мёртвый’. Ср.: *Мы вернёмся в* ***дом*** *родной, Робко станем у порога, Постучимся у дверей. Будет страшная тревога, Солнце станет холодней. Нас уныло встретят стены, Тишина и пустота. <…> И с измученной душою Мы останемся одни.* Или: *Пора, пора! Как пуст наш* ***дом****, Безмолвны вечера. И руки сложены крестом Над «завтра» и «вчера».* В дневниковых описаниях дом далёк от жизни и людей, исторических событий, стоит в стороне, обособленно, рядом с кладбищем и миром мёртвых. Ср.: *Мы живем на самой окраине города, в «уезде». Кварталом ниже нас проходит линия железной дороги, а за нею степь. В степи еврейское кладбище, у стены которого расстреливают*. Дом потерян, покинут и заброшен, *обменян бездомным бродягой на шорох шин по пустынным дорогам И свободу несчитанных дней, большие просторы, новизну неожиданных встреч, карту огромных скитаний и нити властно зовущих дорог*. Ср.: *Ты мечтаешь: «Вот вернусь* ***домой****, Будет чай с малиновым вареньем, На террасе*

– дрогнувшие тени, Синий, вечереющий покой». <…> – Глупый друг, ты упустил одно: Что не будет главного – России; <…> в этот ***дом****, где всё мне так знакомо, Мой тайный друг, я больше не приду*.

С другой стороны, лексема *дом*, наоборот, наделяется концептуальными признаками ‘переполненность, невозможность вместить семьи, желающие получить защиту и приют под крышей и стенами в условиях агрессивного внешнего мира’. Ср.: *Крым переполнен. Вся Украина, занятая летом Добрармией, вся в Крыму.* ***Дома*** *переполнены. Все* ***гостиницы****,* ***кофейни****, даже* ***кухни*** *в частных домах реквизированы. <…> Население ропщет; И квартирный вопрос! Завтра или послезавтра приедут Деревицкие, значит, нас с* ***квартиры*** *долой. Куда мы денемся? Хоть бы можно было устроиться ночевать у Мамочки на службе, в округе. Мечтать приходится о немногом. А ведь у каждого коммерсанта, наверно,* ***комнат*** *десять есть в запасе!; В этом* ***доме*** *столько народу живет и столько приходит, что я совершенно спуталась, – кто здешний, кто нет*.

Ассоциативно-смысловое наполнение языковой единицы *дом* уточняется в «поэтических» дневниках значением ‘разрушение’: в восприятии И. Н. Кнорринг вместо гостеприимства, уюта, любви, поддержки и уважения в доме царят измена и утраты, расставания с родными и близкими, беспорядок. Ср.: *А* ***дом*** *неубран и заброшен. Уюта нет. Во всём разлад. В далекий угол тайно брошен Отчаяньем сверкнувший взгляд…; Зачем я прихожу в Ваш тёмный* ***дом****? Зачем стою у Вашей страшной двери? Не для того ли, чтоб опять вдвоем Считать непоправимые потери?* Сигнифицируя с давних времён для русского сознания неприкосновенную область, защиту внутреннего мира от дворового, внешнего, чужого, дом в условиях изгнания лишается своей защитной функции. Дом, который традиционно призван охранять от хаоса, сам оказывается его источником и из сакрального духовного центра превращается в ад. Дом становится «рассадником» болезней, физической слабости из-за отключённого отопления и электричества, холода и голода, духоты. Ср.: *А* ***дома*** *больная Мамочка, заболела вчера. Боится холеры, которую сейчас очень легко заполучить. На душе такая безответная грусть. <…> Мы нашли себе другую* ***комнату****, через неделю переедем туда; Я сижу одна в нашей маленькой* ***комнате****, которая равняется кубической сажени, на скрипучем стуле, перед маленьким столиком, на котором в беспорядке расставлены всевозможные предметы: зеркало, примус, хлеб в полотенце, книги, грязные блюдца. <…> Жизнь идёт пустая, без цели, без желанья; Квартирный вопрос – средне: наша* ***комната*** *ещё не освобождена, и мы пока живём в маленькой* ***комнате****, зато в симпатичной семье. Холод здесь адский, в некоторых комнатах ноль градусов. У нас немного теплее. У меня опять распухают пальцы на руках*. Стоит отметить, что восприятие дома как холодного помещения, в котором постоянно не хватает еды, противоположно традиционно русскому. В русском культурном сознании дом – полная чаша, Россия – Мать, порождающая, плодородная, питательная сырая земля. Как думается, во многом именно травмирующая утрата дома и России, архетипическая разлука с Матерью актуализировали описание физиологических симптомов озноба, похолодания конечностей, то есть переосмысленного образа жилья как естественной реакции на переживаемый стресс.

Ядерными лексемами **ЛСГ именований видов и частей судов и наземных транспортных средств** являются такие перевозочные средства, как *вагон, корабль, пароход*. Актуализация лексем, обозначающих железнодорожный и гидротранспорт, исторически объяснима и закономерна. Черноморский флот был силой, которая сдерживала Красную армию и сохраняла для Вооружённых сил Юга России их последнее пристанище – Крым. Кроме того, корабль и поезд – основные средства, на которых русские изгнанники, в том числе Кнорринги, эмигрировали из России: «29 октября / 12 ноября 1920 г. линкор “Генерал Алексеев” в составе кораблей Русской Эскадры покинул Крым, “погрузив в свое огромное брюхо весь состав Морского корпуса” <…>. Корабли держали курс на Бизерту (Тунис)» [4]. Бегство по континентальной части полуострова осуществлялось на поездах. Причастность средств передвижения к важной жизненной вехе семьи И. Н. Кнорринг способствовала увеличению их знакового статуса. Анализ лексико-семанттического и семиотического значения водного и железнодорожного транспорта в воспоминаниях показывает, что метафоры *вагона поезда*, *корабля* и *парохода* одинаково содержат в себе идею выхода в Другое, Чужое пространство. Они воплощают то место, где течение событий изменяется и движение жизни приобретает иное качество. В этом отношении лексемы сходны по символическому значению с границей-мостом – точкой смены пространств, переходом-переправой. Рассмотрим подробнее дискурсивно-ассоциативную реализацию обозначающих транспортные средства языковых единиц в «О чём поют воды Салгира…».

Репрезентантами лексемы *корабль* являются значения: 1) крупное военно-морское судно; 2) символ безопасности, колыбели, поиска и перехода на другие уровни существования; корабль с крестообразной мачтой и крестообразным якорем – тайный раннехристианский знак Христа и Церкви, символ безопасности среди жизненных штормов [5]. Анализ контекстов из дневников И. Н. Кнорринг обнаружил дополнительные семантические признаки. Лексема *корабль* имеет не-

соотносимые ни с одной из существующих в толковых словарях дефиниций: *корабль тяжёлый* («имеющий большой вес, сильный, мощный», «доставляющий много неудобств, неприятностей, полный горя, лишений», «гнетущий, мрачный, безрадостный», «суровый, строгий, жестокий», «затрудненный, производимый не свободно, с напряжением» [6]), *тёмный* (погруженный во мрак, лишенный света и смысла, печальный, мрачный, хмурый), *несчастный* (приносящий неудачу, злополучный, жалкий и ничтожный), куда-то несущийся, ползущий к высокому молу, средство трусливого бегства, символ недостаточной внутренней твёрдости и предательства, неспособности принимать волевые решения и бороться до конца: *Я девочкой уехала оттуда, Нас жадно взяли* ***трюмы корабля****, И мы ушли – предатели-Иуды, И прокляла нас тёмная земля*. Большой артиллерийский военный броненосец, предшественник современного линейного корабля *дредноут* (от англ. *бесстрашный*) сравнивается со страшный чудовищем, которое поглощает пытающихся спастись в «исторической мясорубке». Ср: *Нет, не победа и не слава Сияла на пути… В броню закопанный* ***дредноут*** *Нас жадно поглотил*.

При лексеме *пароход,* означающей судно, приводимое в движение паровым двигателем, в воспоминаниях И. Н. Кнорринг чаще употребляется эпитеты *грязный* (как не имеющий чистоты и гигиены, так и преследующий неблаговидные цели, подлый, циничный); *последний*, вызывающий не только нравственные мучения, но и физическую болезнь: *В желудке было пусто, потому что провизии у нас не было; теснота, толкотня, волнение на море. Меня здорово укачало, и я возненавидела и море, и лунные ночи, и дельфинов, прыгающих за* ***пароходом****, и капитана. Мне было противно глянуть за борт на разъярённые воды. Спать не пришлось, и это была мучительная ночь морской болезни*. Внутреннее помещение парохода – *трюм* – воспринимается как давящее, гнетущее, *душное* пространство со спёртым, несвежим воздухом, затрудняющим дыхание, в котором *увядают дни*.

Семный состав языковой единицы *вагон* И. Н. Кнорринг имеет следующие экспликации: *тревожные сцепления вагонов, красные цепи, за которым толпа ревела*. Лексема, означающая локомотив с паровым двигателем, предназначенный для тяги поездов по железной дороге, в записях выступает главным компонентом предикативного сочетания, при котором автором используются глагольное сказуемое *визжит* (2) – издаёт пронзительные убийственные крики: *И целый день визжали* ***паровозы****, И взрослый страх беспомощно качал Мои ещё младенческие грёзы Под шум колёс….* Семемная атрибуция запечатлённых в дневнике ассоциативных реакций на лексему *теплушка* позволяет выделить сему ‘опасность’: в товарном вагоне с печкой, приспособленном для перевозки людей, при переезде из Керчи в Симферополь с Кнорингами ехали *человек сорок, большей частью военные <…> Это были такие тыловые прощелыги, каких теперь, к сожалению, очень много. С нами было несколько сыпнотифозных. В одном углу лежал и метался в бреду совсем молодой офицер, он бредил. <…> Из другой половины* ***теплушки*** *тоже раздавались стоны и дикие бессвязные слова*. В дневнике актуализируется восприятие железнодорожных средств передвижения как беспокойного, зловещего, опасного места, пут, рабства, кабалы – пленения Красной армией и зависимости от неё. Ср.: *Стучали колеса… «Мы там… мы тут»… Прицепят ли, бросят?.. Куда везут?.. <…> Широкие двери Вдоль красной стены. Не люди, а звери Там спасены*.

Семантико-ассоциативный и семиотический анализ смыслового наполнения водных и наземных транспортных средств в «поэтическом» дневнике автора свидетельствует о том, что репрезентантами становятся символы постыдного бегства, изгнания и страдания, средства бедствия, гибели, крушения надежд, перехода во враждебное, лишенное смысла, жестокое и бесчувственное, убивающее пространство. Например, описывая эвакуацию на корабле, И. Н. Кнорринг вспоминает: *И было страшно Среди ревущей тьмы. Три ночи над четвёртой башней. Как псы, ютились мы. А после в кубрик опускались Отвесным трапом вниз, Где крики женщин раздавались И визг детей и крыс. Там часто возникали споры: Что – вечер или день? И поглощали коридоры Испуганную тень. Впотьмах ощупывали руки И звякали шаги. Открытые зияли люки У дрогнувшей ноги, – Зияли жутко, словно бездны Неистовой судьбы. И неизбежно трап отвесный Вёл в душные гробы*. Ср. ещё: *Тянулись с Дона* ***обозы****, И не было им конца. Звучали чьи-то угрозы У белого крыльца. Стучали, стонали, скрипели Колёса пыльных* ***телег****… Тревожные две недели Решили новый побег*.

Ядерными лексемами **ЛСГ наименований берегового, портового и рейдового оборудования, сооружений и технических средств** в документально-художественных произведениях И. Н. Кнорринг являются не столько *порт, пристань* и *мол*, сколько *вокзал*.

Н. О. Осипова, характеризуя *вокзал* как ёмкий культурный символ, антихрам, «антицентр, вариант земного хаоса, гибельности, безнадёжности», отмечает его «некую грань, за которой – разлука, смена пространства, окружения, перенесение в иной мир»: «И храм, и вокзал предполагают наличие толпы, но если храм призван управлять этой разрозненной толпой и гармонизиро-

вать её, то хаос вокзала с его смешением концов и начал, какофонией звуков и непрерывного беспорядочного движения приводит к дисгармонии и психологическому ощущению близости конца и катастрофы» [7]. Изучение функционирования лексемы *вокзал* в дневнике автора свидетельствует, что транспортное предприятие наделяется такими значениями, как 1) вокзал – опасное и дезориентирующее, деструктурирующее, пограничное пространство: *как омут бездонный, пустынный, душный и тёмный, с тревожными цепями вагонов, заплёванный и страшный*, на стенах *дразнят плакаты*, стоит *пулемёт*; 2) вокзал-перекрёсток – крест – скрещённые кости – «конец пути»: *Крест зелёный на красном поле Украшал пустынный* ***вокзал.*** *Было жутко и было странно С наступленьем холодной тьмы… Провозили гроб деревянный Мимо окон, где жили мы*. Ср. также: *Тяжёлые вещи В тёмных углах… На холод зловещий Судьба взяла. Тела вповалку, На чемоданах… И не было жалко, И не было странно… Как омут бездонный Зданье* ***вокзала****, Когда по перрону Толпа бежала. В парадных залах Валялись солдаты. Со стен* ***вокзала*** *Дразнили плакаты*.

Порт, пристань и *мол* в автодокументальной прозе И. Н. Кнорринг выполняют тождественные функции, становясь в годы Гражданской войны местом жизни беженствующих, отчаявшихся, лишившихся всего. Прямое номинативное значение порта как ‘специально оборудованного места для стоянки, погрузки и ремонта судов’ [8], пристани как ‘сооружения для причаливания и стоянки судов, погрузочно-разгрузочных операций и для высадки и посадки пассажиров’ [9] и мола как ‘сооружения в виде высокого длинного вала, примыкающего одним концом к берегу у входа в порт для защиты судов от морских волн’ [10] дополняется потенциальными семами ‘место скопления насильственно / вынужденно изгнанных’ и ‘место грехопадения, беспутства, бесчинства и воровства’, а также коннотативными семами ‘опасный’, ‘неприятный’, ‘ущемляющий интересы’, ‘несущий потерю, урон’, ‘угнетающий, сковывающий, лишающий свободы’, ‘препятствие, затруднение, западня, ловушка, плен’. Так, И. Н. Кнорринг рассказывает о постоянных препятствиях-бедах, возникающих в порту или на пристани Крымского полуострова: про травму Олейникова, таран баржи, грабителей-военных, то, что *было на* ***пристани*** *тесно От душных, скорченных тел*. Человеческое противопоставляется тому, что связано с прибрежными сооружениями. В дневнике отмечается*: Владимирский выхлопотал для нас с Мамочкой ночлег у инспектора народных училищ, так что мы спали по-человечески, а не по-беженски, в* ***порту***.

К лексемам, обозначающим сооружения на краю прилегающей к Азовскому морю суши, автор относит *курган* (высокие насыпи над древними могилами) и греческий *склеп* (надземную постройку гробницы). Возведённые строения-памятники не вызывают в восприятии поэтессы скорби и подавленности. Напротив, объекты вызывают интерес: рассказывая про посещения кургана и склепа, автор делится впечатлениями: *Видели интересные* ***могильники*** *и* ***памятники*** *с трогательными надписями, великолепные вазы, сделанные за несколько веков до Рождества Христова, и много интересных древностей*. Сооружения-захоронения воспринимаются как ценностно-значимые места. Кроме того, курган становится местом уединения и единения с собой, локусом творчества. И. Н. Кнорринг отмечает, что именно на курганной возвышенности ей хорошо, несмотря на распространяющуюся в Симферополе холеру, болезнь матери и слухи о том, что Харьков занят повстанцами: *Пишу в степи, сижу на высоком* ***кургане*** *<…> и так хорошо*.

Таким образом, исследование документально-художественного дискурса И. Н. Кнорринг позволило выявить лексические репрезентанты лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма». Концептуальная модель региональной инфраструктуры, вербализированная в лексемах *дом, комната, вокзал, вагон, корабль, пароход*, обусловлена опытом прощания в Крыму с Родиной и мучительно переживаемым бегством из расколотой военно-революционной борьбой страны. «Крымский исход» способствовал повышению семиотического статуса языковых единиц: лексемы-доминанты, наряду с первичным номинативным значением за счет семантической осложнённости, соотнесения собственно фактологического и концептуального содержательных уровней текста приобрели в дневниковых записях автора метафорическое и символическое значения. В культурном сознании И. Н. Кнорринг обобщился их общекультурный смысл. Лексемы мифологизировались, вошли в новый контекст и сами стали текстом, артефактом и мифом о Крыме.

Примечания

1. *Кнорринг И. Н.* О чём поют воды Салгира. Беженский дневник. Стихи о России. М.: Кругъ, 2012. 208 с.
2. *Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б.* Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия): Университет им. Константина философа, 2011. 215 с.; *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ, 2014. 236 с.; *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.; *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 314 с.

3. *Воронова Е. В.* Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг. (на материале мемуаристики): дис. … канд. культурологии. Киров: ВятГГУ, 2007. 171 с.
4. *Кнорринг И. Н.* Указ. соч. С. 5.
5. *Тресиддер Д.* Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 1999. С. 159.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 4. С–Я. 1988. С. 438.
7. *Осипова Н. О.* Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. Киров: ВГПУ, 2000. 272 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 1999. С. 305.
9. Там же. С. 443.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 2. К–О. 1986. С. 289.

Notes

1. Knorring I. N. *O chyom poyut vody Salgira. Bezhenskij dnevnik. Stihi o Rossii* [What are waters of Salgir singing about. Refugee diary. Poems about Russia]. M. Krug. 2012. 208 p.
2. Alefirenko N. F., Korina N. B. *Problemy kognitivnoj lingvistiki. Nitra (Slovakiya): Universitet im. Konstantina filosofa, 2011* [Problems of cognitive linguistics]. Nitra (Slovakia): University n.a. Constantine the philosopher, 2011. 215 p.; Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: TSU. 2014. 236 p.; Kubryakova E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: Cognitive studies]. M. Znak. 2012. 208 p.; Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M. Vostok-Zapad. 2007. 314 p.
3. Voronova E. V. *Mifologiya povsednevnosti v kul'ture russkoj ehmigracii 1917–1939 gg. (na materiale memuaristiki): dis. … kand. kul'turologii* [Mythology of everyday life in culture of Russian emigration of 1917-1939 (based on the memoirs): dis. Cand. Cultural studies]. Kirov. VyatSU. 2007. 171 p.
4. Knorring I. N. Op. cit. P.5.
5. Tresidder D. *Slovar' simvolov* [The dictionary of symbols]. M. Fair-Press. 1999. P. 159.
6. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* – Dictionary of Russian language: in 4 volumes / under the editorship of A. P. Evgenieva. M. Rus. yaz. 1985-1988. Vol. 4. С–Я. 1988. P. 438.
7. Osipova N. O. *Tvorchestvo M. I. Cvetaevoj v kontekste kul'turnoj mifologii Serebryanogo veka* [Work of M. I. Tsvetaeva in the context of the cultural mythology of the Silver age]. Kirov. VSPU. 2000. 272 p.
8. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t* – Dictionary of Russian language: in 4 volumes / under the editorship of A. P. Evgenieva. M.: Rus. yaz., Poligrafresursy. 1999. Vol. 1. А–Й. 1999. P. 305.
9. Ibid. P. 443.
10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t* – Dictionary of Russian language: in 4 volumes / under the editorship of A. P. Evgenieva. M.: Rus. yaz., 1985-1988. Vol. 2. К–О. 1986. P. 289.

УДК 883 (092)

В. А. Жувак

Сквозные мотивы сборника Л. Тика «Фантазус» (1811)

В статье рассматриваются сквозные мотивы сборника Л. Тика «Фантазус», имеющие сюжетообразующее значение – мотивы рассказывания, пути, рока, безумия. При анализе новелл-сказок выделены авторские мотивы: «лесное уединение», «пылающий поцелуй», «убийство возлюбленной». Установлено, что мотив имеет сюжетообразующее значение и реализуется через систему персонажей. При анализе системы мотивов сборника показано, что Л. Тика интересует герой, который ищет идеал в мире мечты. После инициации в фантастическом мире герои Тика обычно погибают или теряют рассудок. С помощью системы мотивов в сборнике выражается внутренняя свобода личности героя. Мотивы «лесное уединения», «пылающий поцелуй», «убийство возлюбленной», введенные Л. Тиком, стали общеромантическими и нашли отражение в картине мира немецких романтиков.

This article discusses cross-cutting theme in a cycle «Fantasus» by L. Tieck having a value of plot – storytelling motifs path, rock, of madness. In the analysis of short stories, fairy tales singled copyrights reasons, «forest solitude», «flaming kiss», «kill the beloved». It has been established that the motive is the value of plot and character is realized through the system. In analyzing the motives of the collection system shows that interest L.Tieck hero who is looking for the ideal in the world of dreams. After initiation usually die or lose their minds in a fantasy world of

© Жувак В. А., 2016

heroes Tieck. With the help of the motives of the system in the collection expresses the inner freedom of the individual hero. Motives «forest solitude», «flaming kiss», «kill the beloved» introduced L. Tieck became romantic and reflected in the picture of the world german romantics.

Ключевые слова: мотив, контекст, национальная картина мира, немецкая ментальность, литературная традиция.

Keywords: motive, context, national picture of the world, the german mentality and literary tradition.

Творчество Л. Тика (Ludwig Tieck, 1773–1853) занимает особое место в немецкой литературе. Его художественное наследие разнообразно, в нем присутствуют такие литературные жанры, как роман, повесть, рассказ, сказка, трагедия, комедия, новелла и др. Л. Тик также известен издательской и переводческой деятельностью. На протяжении всей жизни он увлекался английской драматургией елизаветинской эпохи, а в 1842 г., по приглашению прусского короля стал драматургом королевского театра в Берлине, где ставил античные и английские драмы. Талантливый писатель-романтик был виртуозом и импровизатором, а также новатором в драматургии, новеллистике и поэзии. Особый интерес для рассмотрения представляет раннее творчество Л. Тика.

В ранних произведениях внимание писателя привлекает «внутренний человек», или «сокровенная жизнь его сердца» [1]. В эпоху романтизма на первом плане изображается личность, движимая поиском идеала и мира мечты. Главным достоинством первого романа Л. Тика «Вильям Ловель» («William Lovell», 1796) Фр. Шлегель называет «новизну изображенного в нем характера» [2]. Л. Тик показывает самобытность национального характера, с этой целью он изучает немецкую культуру, собирает средневерхненемецкую поэзию. В предисловии к циклу новелл-сказок «Фантазус» («Phantasus», 1811) Л. Тик пишет, что хочет описать «все, что есть истинно национального в наших произведениях живописи, скульптуры и архитектуры, что есть оригинального в манерах и обычаях каждой провинции, каждого города» [3].

В «Фантазус» Тик включает семь новелл-сказок: «Белокурый Экберт» («Der blonde Eckbert», 1797), «Любовная история прекрасной Магелоны и графа Петера Прованского» («Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence», 1797), «Верный Эккарт и Таннгейзер» («Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser», 1799), «Эльфы» («Elfen», 1802), «Руненберг» («Runenberg», 1802), «Любовные чары» («Liebes zauber», 1802), «Кубок» («Der Pokal», 1811). Для связи новелл-сказок внутри цикла Л.Тик использует, по примеру Дж. Боккаччо (Giovanni Boccaccio, 1313–1375), новеллу-обрамление, в которой круг друзей рассказывает друг другу сказки.

В новеллах-сказках сборника «Фантазус» выделен конфликт реального и ирреального пространства. Л. Тик стремится выразить внутреннюю, психологическую свободу личности героя, ее обособленность от внешних событий. С этой целью писатель вводит в повествование авторские мотивы «лесного уединения», «пылающего поцелуя», «убийства возлюбленной». Под мотивом понимаем «любой феномен», любое смысловое «пятно» – событие, черту характера, элемент ландшафта, любое поощренное слово, краску, звук и т. д. Единственное, что определяет мотив, – это «его репродукция в тексте» [4]. В таком понимании мотив не имеет строго заданной схемы построения, закрепленного места в композиции, он воспринимается одновременно со всеми фактами вместе. Мотив связан с сюжетом и реализуется через систему персонажей. Сюжет в произведениях «разгадывает внутреннюю логику бытия, связи, обнаруживает причины и следствия» [5].

Мотив «пылающего поцелуя» в цикле «Фантазус» приобретает новое значение. Так, в истории о Тангейзере говорится: «По преданию, кто получает поцелуй одного из горы, не сможет противостоять соблазну, который с колдовской силой тянет его в подземные расщелины» [6]. Фердинанд («Бокал») смотрит внутрь бокала и видит золото, «горящее красноватым жаром» [7], а после говорит, что сияние проникает в его душу, где сердце принимает его, как поцелуй. Контакт с волшебным предметом/проводником способен в сжатый срок переместить героя в состояние «безумства» или волшебства. С позиции реального рассудка сложно объяснить фантастическое появление «дивного оракула» и безумное желание Фридриха найти гору Венеры. Мотив «исцеляющего поцелуя», популярный в сказках («Белоснежка», «Спящая красавица», «Снежная королева»), Тик переосмысливает и наделяет иным смыслом. «Пылающий поцелуй» в цикле «Фантазус» имеет отрицательный и губительный исход для героя.

Мотив «убийство возлюбленной» встречается в новеллах-сказках «Любовные чары» и «Верный Эккарт и Тангейзер». Очарованные Эмиль и Тангейзер совершают убийство девушек, являющихся причиной их душевного состояния. Тангейзер считает Эмму «преградой» в его жизни и соотносит девушку с кознями Венеры. Невеста Эмиля – виновница смерти ребенка. После убийства возлюбленных чары не рассеиваются. Если Тангейзер убивает Эмму для устранения

преграды в своей «новой» жизни, то Эмиль убивает невесту, а затем и старуху ради возмездия и устранения опасности в жизни общества.

Мотив «лесного уединения» («Waldeinsamkeit») впервые встречается в новелле-сказке «Белокурый Экберт». Именно в лесу Берта чувствует свою значимость, она убегает от прошлой жизни, в которой была несчастна. Старуха, которую Берта повстречала в лесу, показала ей красоту природы. «Все кругом было облито нежным пурпуром и золотом…» [8] В дальнейшем разрыв с природой ведет героиню к драматической развязке. Мотив «лесного уединения» звучит в программной песне о «лесном уединении», которую исполняет волшебная птица. В песне птица поет о блаженстве и наслаждении, в котором пребывает человек, находясь в единстве с природой и вдали от суетного мира. Когда Берта похищает птицу у старухи, звучит второй вариант песни: она напоминает героине, что истинное счастье лишь в «лесном уединении», и предсказывает ей раскаяние в содеянном. В третьем варианте песни птицы подчеркивается незыблемость идеала «лесного уединения», которое не подвластно ни зависти, ни страданиям, ни времени.

Каждый герой цикла Л. Тика чувствует отчуждение в реальном мире и обществе. Эльфрида («Эльфы») «не любила играть с другими детьми, и избегала их из-за шумных игр, а лучше всего чувствовала себя в одиночестве» [9]. Эмиль («Любовные чары») живет «в величайшем уединении с самым живым, беспокойным и общительным человеком на свете» по имени Родерих. Христиан («Руненберг») «почувствовал себя таким одиноким, и одолела его тоска по людям» [10]. Характеризуя родственникам Фердинанда («Бокал»), Леопольд говорит: «Ему важна лишь наша любовь; жены у него нет, он охотно проводит время в одиночестве» [11]. В новелле-сказке о Тангейзере одиночество и скитания героя не проходят бесследно: «Мои родители печалились, при виде моего «одичания», мать заболела» [12].

Герой Тика хочет «удалиться из круга однообразной обыденности» [13], ищет гармонию, которую возможно достигнуть только в лесном уединении. Берта («Белокурый Экберт») говорит о том, что только в лесном уединении человек способен ощутить счастье, лес и одиночество не кажутся ей страшными. С. В. Тураев обозначает мотив «лесного уединения» как «идеал отрешенности от невзгод меркантильного мира» [14].

«Лесное уединение» является испытанием для героев цикла «Фантазус». Казалось бы, романтический герой, нашедший спокойствие в лесном уединении, должен возрадоваться и жить счастливо, но Тик показывает невозможность идиллии. Счастье Берты и Экберта невозможно, поскольку построено на обмане. Герой новелл-сказок нарушает негласный запрет лесного уединения: Берта крадет волшебную птицу, Мари рассказывает тайну, Христиан присваивает себе чужое золото, обрекая себя на смерть.

Одним из ведущих мотивов цикла «Фантазус» является рассказывание. Б. Томашевский относит данный мотив к «особому классу вводящих мотивов». «Мотив рассказывания является приемом ввода самих сказок и неустранимым из фабулы рассказа» [15].

Главные герои каждой из новелл-сказок представляют истории, которые с ними приключились и изменили дальнейшую жизнь. Например, в «Белокуром Экберте» Берта рассказывает мужу, как случайно встретила старуху. Христиан, герой «Руненберга», не раз вспоминает о чудесной ночи, как и Мари («Эльфы»), которая провела с эльфами один день, а также Фердинанд («Бокал»), участник ритуала алхимика. Новеллы-сказки «Белокурый Экберт», «Руненберг», «Эльфы» имеют определенно выраженный характер сказки, так как в них повествуется о событиях не только необычных, но и сказочно чудесных. Из мира сказок заимствованы: старуха, живущая в глухом лесу и превращающаяся в ведьму («Белокурый Экберт»); «королева металлов» («Руненберг»). Для сказочного жанра характерны такие мотивы, как вступление, рассказывание, троекратность, говорящая птица.

Тик использует и традиционные мотивы волшебной сказки: жизнь Берты в лесу напоминает пребывание сказочной героини у бабы-яги; в доме живет волшебная птица, которая несет яйца с драгоценными каменьями. Путешествие Берты можно сравнить с путешествием мальчика-с-пальчика, правда, фантастическая история девочки заканчивается не у людоеда, а у странной старухи. Нарушение сказочного мотива запрета в новелле-сказке «Эльфы» приводит к необходимости покинуть любимую эльфами страну. Церина дала земной девочке перстень, предупредив, чтобы она никому не рассказывала о своем пребывании в волшебном пространстве. Однако подросшая Мари испугалась за свою дочь и рассказала обо всем мужу. Вскоре алый камень в перстне потускнел, а эльфы покинули родные места.

Мотив пути, странствия героя является одним из сюжетообразующих в новеллах-сказках сборника «Фантазус» и позволяет «провести» героя через испытания, лишения и искушения. Берта («Белокурый Экберт») бежит из родной деревни в лес, пробегая чистое поле, карабкаясь на кручи, пробирается извилистой тропинкой, просит милостыню. Во время четырех дней скитаний

девочка неоднократно думала о смерти, но продолжала свой путь в «никуда». Её скитания заканчиваются после встречи со старухой у водопада, где и осуществляется переход «из ада в рай», в котором Берта найдет уединение и почувствует себя «полезной» и любимой. Берта говорит, что путь исцелил ее юную душу и она «прониклась предчувствием того, что такое мир и как в нем живут люди» [16]. До самой смерти Берта будет помнить о своем пути и о встрече со старухой, изменившей ее жизнь.

Рыцарь Петер («Любовная история прекрасной Магелоны и графа Петера Прованского») – это «баловень» судьбы, которому победы в состязаниях не приносят удовольствия, и он ищет новых впечатлений за пределами своего графства. «Внутренне самобытным» персонажем Петер становится только после испытаний судьбы, пройдя нелегкий путь лишений на необитаемом острове, в служении во дворце султана и др. В. М. Жирмунский пишет, что «романтики любили складывать сказки о настоящей, святой любви», что «настоящая любовь остается в душе героя, несмотря на его увлечения, пока он снова не встретится с ней» [17]. Для Петера «настоящей, святой» была его любовь к Магелоне. Путь к воссоединению с возлюбленной – «особое индивидуальное пространство персонажа» [18]. Своими поступками Петер олицетворяет верность и чистые помыслы к Магелоне («Верная любовь длится долго / Претерпевая часы / И никакое сомнение не пугает ее» [19]). В новеллах-сказках «Фантазуса» мотив пути выполняет сюжетообразующую функцию и становится «средством развёртывания характера во времени» [20]. В рамках изображения пути героя Тик показывает изменение его характера. Мотив пути отражает поиск героем лучшей жизни, где он освободится от одиночества, обретет любовь, найдет смысл жизни.

Мотив фатальных сил, властвующих над человеком, проходит через все новеллы-сказки цикла «Фантазус». Он отчетливо звучит в «Белокуром Экберте», где Берта томится в уединенной лесной избушке по большому миру. Она пугается тяжелой душевной борьбы: «Чувства мои были в смятении…» [21] Свой порыв Берта-рассказчица рассматривает как влияние губительной злой силы.

Целиком во власти губительной силы оказывается и герой «Руненберга». Христиан сходит с ума и ищет дорогу в горы за драгоценными камнями, к их демонической хозяйке. В естественный бытовой уклад человеческой жизни вторгаются таинственные, мистические силы и губят героя «Руненберга». Повстречавшись с лесной колдуньей, Христиан потерял покой и стал слышать зов и шепот драгоценных металлов. Герой находится во власти чар и отождествляет действительное со сном. Он слышит стенания и жалобы растений, которые являются, по его мнению, «мертвым телом прежнего великолепного мира камней» [22]. Отец Христиана советует сыну посещать церковь, которая сможет остановить безумие сына.

Благородный вассал Эккарт, образец смирения, становится вечным стражем у горы, к которой не должен приближаться христианин, потому что там живет нечистая сила, «находится двор госпожи Венеры со всем ее адским скопом мирских наслаждений и греховных желаний» [23]. Но, несмотря на все усилия стража, к этому двору попал рыцарь Тангейзер, один из тех, кому «от рождения дан злой дух, пока не приведет к самой черной цели» [24]. Он пошел в горы за неслыханной музыкой и оказался встречен «толпой ликующих богов во главе с госпожой Венерой» [25]. Тангейзер Тика – это человек, по которому стосковался ад. Он не находит в жизни ничего, равного неизмеримости своих желаний и тоске, зовущей к чувственным наслаждениям. День потери возлюбленной Эммы Тангейзер связывает с «днём рока – днём моей смерти» [26]. Фридрих называет рассказ Тангейзера игрой воображения, но пилигрим не может в это поверить: «Я был обманут и стал безумен, ад разыгрывает передо мной этот спектакль, чтобы я не освободился от своих прегрешений» [27].

Берта, Тангейзер, Христиан – это герои с предопределенной судьбой. Каждый из них бесцельно бежал от действительности: повстречав проводника ирреального пространства, герой не только принимает правила игры, но и становится заложником фатальных сил, разрушающих человеческое сознание. После инициации герои цикла «Фантазус» не только не находят себе места среди людей, но погибают (Берта, Мари, Эльфрида, Эмиль) или теряют рассудок (Тангейзер, Экберт, Христиан). Так, Экберт застрелил Вальтера в лесу из арбалета, надеясь таким способом обрести душевный покой. В своем новом друге Гуго он опять видит Вальтера, который чудится ему и во встреченном по дороге крестьянине. Наконец, Экберт встречает старуху и узнает, что она была в облике Вальтера и Гуго, а Берта – дочь его отца. Услышав это, Экберт теряет рассудок. Одичавший Христиан после нескольких лет отсутствия возвращается к людям с мешком простых камней, считая их драгоценными, а затем бесследно исчезает в лесу. Все «странно доставшееся» богатство утекало прочь после исчезновения Христиана. «Рок постигает человека извне» [28] и не может быть управляемым, но при помощи нравственной чистоты помыслов героя возможно преодоление роковой действительности. Так, путь Петера к прекрасной Магелоне выстрадан;

Фердинанд, неудачно прибегнув к услугам алхимика, обрекает себя на полную изоляцию от общества, но по истечении сорока лет вновь встречается с возлюбленной.

Таким образом, при помощи системы мотивов Тик показывает сложный характер и душевное состояние героя, подверженного влиянию колдовских чар. Тик пишет: «Изучение человека, знание сердца – всегда останется высшей задачей» [29]. Мотивы рассказывания, пути, уединения, рока, безумия и др., прозвучавшие в цикле «Фантазус», получат дальнейшее воплощение в произведениях его современников – А. Арнима («Изабелла Египетская», 1812), А. фон Шамиссо («Удивительная история Петера Шлемиля», 1813), Й. Эйхендорфа («Осенние чары», 1808), Э. Т. А. Гофмана («Эликсиры сатаны», 1815) и др.

Мотивы, используемые Л. Тиком, позволили романтикам показать героя, который стремится любым путем удалиться от серой «земной» жизни, где он не может обрести уединение, спокойствие и радость, после инициации в фантастическом мире герои погибают (Берта, Мари, Эльфрида, Эмиль) либо теряют рассудок (Тангейзер, Христиан). Авторские мотивы («пылающий поцелуй», «убийство возлюбленной»), введенные Л. Тиком, стали общеромантическими и нашли отражение в картине мира Й. Эйхендорфа («Осенние чары»), А. Арнима («Изабелла Египетская»).

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Соч. Александра Пушкина. Ст. вторая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 145.
2. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. (Сер. История эстетики в памятниках и документах).
3. *Попова Ю. Н.* Примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983. С. 312.
4. *Tieck L.* Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. S. 306. (Пер. наш).
5. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993. С. 30.
6. *Чичерин А. В.* Идеи и стиль: о природе поэтического слова. М.: Сов. писатель, 1965. С. 11.
7. *Tieck L.* Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. S. 52–86. (Пер. наш).
8. *Тик Л.* Бокал: пер. Н. Славятинского // Немецкая романтическая повесть: в 2 т. Т. I. Шлегель, Новалис, Вакенродер, Тик. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. С. 211–229.
9. *Тик Л.* Белокурый Экберт: пер. А. Шишкова в переработке Н. Славятинского // Немецкая романтическая повесть: в 2 т. Т. I. Шлегель, Новалис, Вакенродер, Тик. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. С. 169–188.
10. *Tieck L.* Elfen // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. S. 211–234. (Пер. наш).
11. *Тик Л.* Руненберг: пер. А. Шишкова // Немецкая романтическая повесть: в 2 т. Т. I. Шлегель, Новалис, Вакенродер, Тик. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. С. 188–211.
12. *Тик Л.* Бокал. С. 211–229.
13. *Tieck L.* Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser. S. 52–86. (Пер. наш).
14. *Tieck. L.* Maerchen aus dem «Phantasus». S. 306. (Пер. наш).
15. *Тураев С. В.* Литература начала XIX в.: [Немецкая литература]. Новалис. Тик. Жан-Поль Рихтер. Гельдерлин. Поздний Шиллер. Клейст. Гейдельбергские романтики // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На тит. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 6. 1989. С. 36–51.
16. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика / вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 122.
17. *Тик Л.* Белокурый Экберт. С.169–188.
18. *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 78.
19. *Tieck L.* Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. S. 151–211. (Пер. наш).
20. Там же. С. 204.
21. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 253.
22. *Тик Л.* Белокурый Экберт. С. 169–188.
23. *Тик Л.* Руненберг. С. 188–211.
24. *Tieck L.* Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser. S. 52–86. (Пер. наш).
25. Там же. С. 75.
26. Там же. С. 83.
27. Там же. С. 79.
28. Там же. С. 85.
29. *Тик Л.* Руненберг. С. 188–211.

Notes

1. Belinsky V. G. *Soch. Aleksandra Pushkina. St. Vtoraya* [Works of Alexander Pushkin. Art. two] // Belinsky V.G. *Poln. sobr. Soch.* – Full. Coll. of works. Vol. 7. M. 1955. P. 145.

2. Schlegel F. *EHstetika. Filosofiya. Kritika: v 2 t. T. 1* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vol. Vol. 1]. M. Iskusstvo. 1983. (Ser. History of aesthetics in monuments and documents).

3. Popova Yu. N. *Primech. Al. V. Mihajlova i YU. N. Popova* [Notes of Al. V. Mikhailov and Yu. N. Popova]. M. Iskusstvo. 1983. P. 312.

4. *Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. P. 306. (Our transl.).*

5. B. M. Gasparov *Literaturnye lejtmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the twentieth century]. M. Nauka. Publ. company "Vostochnaya literatura". 1993. P. 30.

6. Chicherin A. V. *Idei i stil': o prirode poehticheskogo slova* [Ideas and style: on the nature of the poetic word]. M. Sov. Pisatel'. 1965. P. 11.

7. *Tieck L. Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. S. 52–86.* (Our transl.).

8. Tieck L. *Bokal: per. N. Slavyatinskogo* [Glass: transl. from Germ. N. Slavatinskiy] // *Nemeckaya romanticheskaya povest': v 2 t.* – German romantic story in 2 volumes. Vol. I. Schlegel, Novalis, Wackenroder, Tieck. M.; L. Academiya. 1935. Pp. 211–229.

9. Tieck L. *Belokuryj EHkbert: per. A. SHishkova v pererabotke N. Slavyatinskogo* [Blond Ekbert: transl. from Germ. A. Shishkov in the processing of N. Slavatinskiy] // *Nemeckaya romanticheskaya povest': v 2 t.*- German romantic story in 2 volumes. Vol. I. Schlegel, Novalis, Wackenroder, Tieck. M.; L. Academiya. 1935. Pp. 169–188.

10. *Tieck L. Elfen // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart. 2003. Pp. 211–234*. (Our transl.)

11. Tieck L. *Runenberg: per. A. Shishkova* [Rosenberg: transl. from Germ. A. Shishkov] // *Nemeckaya romanticheskaya povest': v 2 t.* – German romantic story in 2 volumes. Vol. I.Schlegel, Novalis, Wackenroder, Tieck. M.; L. Academiya. 1935. Pp. 188–211.

12. Tieck L. *Bokal* [Glass]. Pp. 211–229.

13. *Tieck L. Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser. Pp. 52–86.* (Our transl.).

14. *Tieck. L. Maerchen aus dem «Phantasus». S. 306.* (Our transl.).

15. S. V. Turaev *Literatura nachala XIX v.: [Nemeckaya literatura]. Novalis. Tik. ZHan-Pol' Rihter. Gel'derlin. Pozdnij SHiller. Klejst. Gejdel'bergskie romantiki* [Literature in the early nineteenth century: [German literature]. Novalis. Tieck. Jean-Paul Richter. Hölderlin. Later Schiller. Kleist. The Heidelberg romantics of the world] // *Istoriya vsemirnoj literatury: v 8 t.*- History of literature: in 8 vol. / AS USSR; In-t of world lit. n.a. A. M. Gorky. M. Nauka. 1983–1994. On title sheet of ed.: History of world literature: in 9 vol. Vol. 6. 1989. Pp. 36–51.

16. Tomashevsky B. *Teoriya literatury. Poehtika* [Theory of literature. Poetics] / introd. article by N. D. Tamarchenko; Comm. of S. N. Broitman with the participation of N. D. Tamarchenko. M. Aspect Press. 1999. P. 122.

17. Tieck L. *Belokuryj Ehkbert* [Blond Ekbert]. Pp. 169–188.

18. Zhirmunsky V. *Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and modern mysticism]. SPb. 1914. P. 78.

19. *Tieck L. Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence // Tieck L. Maerchen aus dem «Phantasus». Stuttgart, 2003. Pp. 151–211.* (Our transl.).

20. Ibid. P. 204.

21. Lotman Y. M. *Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya* [Art space in Gogol's prose] // *V shkole poehticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': kn. dlya uchitelya* – In school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol: book for teachers. M. Prosveshcheniye. 1988. P. 253.

22. Tieck L. *Belokuryj Ehkbert* [Blond Ekbert]. Pp. 169–188.

23. Tieck L. *Runenberg* [Runeberg]. Pp. 188–211.

24. *Tieck L. Der getreue Eckart und Der Tannenhäuser. Pp. 52–86.* (Our transl.).

25. Ibid. P. 75.

26. Ibid. P. 83.

27. Ibid. P. 79.

28. Ibid. P. 85.

29. Tieck L. *Runenberg* [Runeberg]. Pp. 188–211.

УДК 821.111

К. А. Нагайцева

Цикл «Португальские сонеты» в контексте творчества Элизабет Барретт Браунинг

В статье исследуется место и значение цикла «Португальские сонеты» в контексте всего литературного творчества Элизабет Барретт Браунинг. Автор статьи выделяет и анализирует основные мотивы поэзии Элизабет Барретт Браунинг и приходит к выводу, что цикл любовной лирики «Португальские сонеты» явился единственным произведением автора, объединившим основные тенденции творчества поэтессы.

The article studies the meaning of “Sonnets from the Portuguese” in the context of Elizabeth Barrett Browning’s literary art. The author of this article marks and analyses the main motives of Elizabeth Barrett Browning’s poetry and concludes that the lyrical cycle “Sonnets from the Portuguese” is the only work uniting basic tendencies of her literary art.

Ключевые слова: Элизабет Барретт Браунинг, цикл сонетов, автобиографизм, основные мотивы, периодизация творчества.

Keywords: Elizabeth Barrett Browning, cycle of sonnets, autobiographism, main motives, periodization of poetry.

В процессе изучения поэтического творчества исследователь, как правило, фокусирует своё внимание на основных, «программных» произведениях автора. Именно они представляют собой этапную значимость определённого периода в творческой жизни поэта и, вследствие этого, помогают установить границы периодизации творчества автора. Однако в контексте целостного восприятия творчества как непрерывного единства отдельные произведения могут восприниматься только как часть литературного наследия автора. По замечанию литературоведа Н. К. Пиксанова, «творческая история немыслима без текстовой истории, и история текста естественно и незаметно переходит в творческую историю» [1]. Подобный подход основан на тесном взаимодействии всего творчества как общего «потока» и произведения как конечного продукта, отражающего определённые, характерные для всего творческого пути поэта закономерности. Таким образом, общие черты творчества в той или иной степени будут соответствовать и отдельно взятому произведению, а уровень подобного соответствия позволит определить место художественного произведения в контексте творчества.

Для творчества английской поэтессы Элизабет Барретт Браунинг цикл «Португальские сонеты» («The Sonnets from the Portuguese») является одним из самых значимых произведений и представляет замечательный образец любовной лирики XIX в. Будучи вдохновлённой перепиской и редкими романтическими свиданиями с будущим мужем, Робертом Браунингом, поэтесса начала вести тайный дневник чувств, нашедший поэтическое оформление в виде сорока четырёх сонетов, составивших этот цикл. Он вызвал множество восторженных отзывов, не только благодаря оригинальной поэтике, но также выразительному воплощению в цикле авторской концепции поэтического творчества. Появление цикла подтвердило статус Элизабет Барретт Браунинг как талантливого поэта, признанного как литературным сообществом, так и читателями.

Цикл «Португальские сонеты» приобрел этапное значение в творческом развитии автора также на том основании, что в нём соединились в лирическом синтезе основные тенденции, темы, мотивы предшествующих этапов творчества. Выделяя в этом смысле «Португальские сонеты», охарактеризуем сложившуюся к настоящему времени периодизацию творчества поэтессы. Как станет ясно, хронологические рамки определённых творческих периодов определены годами публикаций, открывающих и завершающих период произведений (с указанием наиболее значимых из них). Итак,

– первый, ранний период (1817–1838). Он открывается поэмой «Битва при Марафоне» («The Battle of Marathon»), включает также поэтический сборник «Эссе о разуме и другие стихотворения» («A Essay on Mind, with Other Poems») и трагедию «Прометей связанный» («Prometheus Bound»);

– зрелый период (1838–1850) включает религиозную поэму «Драма изгнания» («A Drama of Exile»), поэму «Ухаживание за леди Джералдиной» («Lady Geraldine’s Courtship»), стихотворение «Плач детей» («The Cry of the Children»);

© Нагайцева К. А., 2016

– поздний период (1850–1861) ознаменован созданием цикла «Португальские сонеты» («The Sonnets from the Portuguese»), поэмы «Аврора Ли» («Aurora Leigh»), поэмы «Окна дома Гауди» («Casa Guidi Windows»), сборника политических стихотворений «Стихи перед Конгрессом» («Poems Before Congress»).

Поэтесса начала писать стихи с раннего детства, и вскоре, по её собственным воспоминаниям, «ранние фантазии превратились в твёрдую волю, и остались со мной, и с того дня поэзия стала для меня объектом – объектом для изучения, размышления и жизни» (The early fancy turned into a will, and remained with me, and from the day poetry has been a distinct object with me – an object to read, think, and live for) [2].

Первые поэтические опыты подтолкнули поэтессу к осознанию поэзии как высшей миссии. В биографии поэтессы под редакцией Джона Инграма (John Ingram) можно найти своеобразный девиз, которым Элизабет Барретт Браунинг определила цель и задачи поэзии – как в самом общем плане, так и в отношении своего собственного творчества: «…возвышенное назначение поэзии и торжественная ответственность поэта» (the sublime uses of poetry and the solemn responsibilities of the poet) [3]. Этот личный «манифест» оставался неоспоримым для неё на протяжении всего творчества; что подтверждают многочисленные письма и воспоминания современников о ней, как о женщине, чья «верность убеждению не могла бы быть сломлена ни одним распространённым предубеждением или личным влиянием кого бы то ни было» (Her fidelity to a conviction could not be shaken by any amount of popular prejudice of private influence) [4]. Подобная твёрдость и верность своему пониманию высшей миссии поэзии нередко граничила с известным отчуждением в отношении мнения читателя, особенно, когда речь шла о творчестве женщины. «Когда вы говорите о долге поэта, никто в мире не чувствует так глубоко правдивость этого, как я. Если я, в конце концов, не буду иметь успеха у публики, то это потому, что эфемерная популярность не имеет значения для меня…» (What you say of a “poet’s duty”, no one in the world can feel more deeply I the verity of it than myself. If I fail ultimately before the public – that is – for an ephemeral popularity does not appear to me worth trying for) [5]. Ощущение «высшего назначения поэзии» было подкреплено строгостью оценки своего собственного творчества, обусловленной не только «поэтической совестью» поэтессы, но и личностными особенностями мировоззрения. «То, что в литературе, если не где-нибудь ещё, женщина должна не только идти с мужчиной на равных, но и оценивать её должны той же мерой, совершенная правда для всех здравомыслящих мужчин, но всё ещё эта правда не озвучена и всеми не принята» (That in literature, if in nothing else, woman should not only compete with man on an equal footing, but be judged by a similar measure, is a truth all right-reminded men would feel, and yet it is a truth not very widely promulgated or generally recognized) [6].

Взыскательные литературные установки обусловили особое внимание Элизабет Барретт Браунинг к античной классике. Когда ей не было и восьми лет, отец начал обучать её латинскому и греческому языку, которые поэтесса полюбила на всю жизнь. Вспоминая об этом времени, она пишет: «Греки были полубогами для меня, будоража из переводов Поупа произведений Гомера, в то время как я мечтала об Агамемноне больше, чем о чёрном пони» (The Greeks were my demi-gods, and haunted me out of Pope’s Homer, until I dreamt more of Agamemnon than of the black pony) [7]. Тогда же, в возрасте одиннадцати лет, поэтесса написала своё первое произведение – эпическую поэму «Битва при Марафоне» (1817), состоящую из четырёх частей и открывающую ранний период творчества. Это произведение не было доступно широкому читателю при жизни поэтессы, однако оно не может остаться без внимания для исследователей, поскольку является первым серьёзным поэтическим опытом и попыткой обращения к «греческой теме». Кроме того, поэтесса серьёзно занималась переводами с древнегреческого языка. В 1826 г. был выпущен первый поэтический сборник «Эссе о разуме, и другие стихотворения». В нём Элизабет Барретт Браунинг обозначает новый, впоследствии ведущий мотив своего творчества – религиозно-философский, склоняющий ее к мистицизму. По замечанию биографа, «Серафим и Херувим, о которых она недавно так много писала, не были идеальными персонажами её поэтических фантазий, но она верила в них так же, как если бы их лично знала. Она считала Люцифера, Адама, Еву и других героев священного писания реальными историческими личностями, наравне с Цезарем или Брутом, Антонием или Клеопатрой» (Seraphim and Cherubim, of whom she had recently written so much, were not the purely ideal personages of her poetic fancy, but she held on to her belief in them as strongly as if they were visually knowable, and she regarded Lucifer, Adam, Eve, and other characters of the ancient scriptures as truly historical as Caesar or Brutus, Antony or Cleopatra) [8].

Создавая сборник «Эссе о разуме и другие стихотворения», двадцатилетняя поэтесса была совершенно не заинтересована темой любви. Однако мы наблюдаем, как в поэтическом предисловии, а также и в самом сборнике философских стихотворений Элизабет Барретт Браунинг размышляет на разные темы: о связи философии и поэзии, поэзии и истории, науки и метафизи-

ки как её части. Молодую поэтессу волнует проблема человеческого существования, в частности, выбора между верой и «экстремальным скептицизмом», что наиболее выразительно отражено в стихотворениях «Образ Бога» («The Image of God»), «Гимн» («Hymn»), «Медитация у моря» («A Sea-side Meditation») и др. Часть произведений сборника является подражанием кумирам Элизабет Барретт Браунинг, Байрону и Спенсеру: «Стансы Спенсера мальчику трёх лет» («Spenserian Stanzas on a Boy of Three Years Old») и «Стансы на смерть Байрона» («Stanzas on the Death of Lord Byron») [9]. Поэтессу также не покидает интерес к греческому языку и культуре: в 1833 г., вдохновившись знакомством с виднейшим учёным в этой области Хью Стюартом Бойдом (Hugh Stuart Boyd), она публикует свой перевод трагедии Эсхила «Прометей связанный» [10].

Показательно, что именно в этот период – период зрелого творчества, между 1835-м и 1850-м, – Элизабет Барретт Браунинг серьёзно заявляет о себе не только в английских литературных кругах. Так, Эдгар По хвалебно отзывается о поэзии Браунинг, признавая, что «её вдохновение – наивысшего происхождения» (Her poetic inspiration is the highest) [11]. В «Драме изгнания» поэтесса развивает сюжет изгнания Адама и Евы из рая, продолжая выражать свои духовные искания, развивая «мотив Божественного» в своём творчестве. Размышления о высшей миссии и ответственности поэта находят своё поэтическое воплощение в поэмах «Видение поэтов» («The Vision of Poets») и «Клятва поэта» («The Poet's Vow»).

Поэму «Ухаживание за леди Джералдиной» («Lady Geraldine's Courtship»), впервые опубликованную в 1844 г. с подзаголовком «современный романс» («a Romance of the Age»), следует выделить, поскольку именно она явилась тем самым произведением, прочтение которого побудило молодого английского поэта Роберта Браунинга искать знакомства с той, кто станет его женой. В поэме развивается романтическая трактовка куртуазного сюжета о любви бедного поэта и знатной дамы [12]. После произведений, насыщенных сложной тематикой духовных исканий, данная поэма обращает на себя внимание попыткой приближения к более «земной» теме, известной «уступкой» запросам читающей публики, а также откликом на призывы близкой подруги поэтессы, мисс Митфорд (Miss Mitford), требовавшей писать «поэзию повествования, поэзию реальной жизни» (narrative poetry, and narrative poetry of real life) [13]. Ещё одну попытку сближения с реалиями жизни Элизабет Барретт Браунинг предпримет в 1856 г., опубликовав знаменитую поэму, посвящённую проблемам женской эмансипации: «Аврора Ли». Кроме того, упомянутая поэма обнаружила усиление автобиографических тенденций в творчестве поэтессы. Сама Элизабет Барретт Браунинг определяла жанр поэмы как «воображаемую автобиографию» (a fictitious autobiography) [14]. Действительно, некоторые черты характера и жизни главной лирической героини и автора, такие как увлечение поэзией с раннего детства, амбициозность, любовь к искусству, мечты о славе и независимости, схожи. Несмотря на восторженные отзывы критиков, отметивших проявленное Элизабет Барретт Браунинг «пылкое воображение, достойное Шекспира» (there is the wild imagination of Shakespeare), они снова, как и при публикации «Ухаживание за леди Джералдиной» указывали на недостаточную реалистичность, жизненность сюжета.

Заметим, что Элизабет Барретт Браунинг многие годы из-за слабого здоровья не покидала своей комнаты. По замечанию биографа, «литература была смыслом жизни, а книги, книги, и ещё раз книги были единственным, что занимало её» (literature seemed to her worth living for and books, books, books, were almost the sole object of her life) [15]. Поэтому, несмотря на похвальные отзывы, критики зачастую добавляли, что «произведение оставляет впечатление того, что оно написано замечательным поэтом, но таким, который почерпнул своё знание о мире только из книг, а не из непосредственного контакта с людьми; не из личного опыта» (the poem leaves the impression on the mind of having been written by a great poet, but by a great poet whose knowledge of the world had been gained from books and not from actual contact with its men and women; not from personal experience) [16].

В то же время нельзя не упомянуть, что в «зрелый» период творчества Элизабет Барретт Браунинг впервые обращается к социально-политической тематике. В 1843 г. она пишет близкое к чартистской поэзии стихотворение «Плач детей», которое наделало много шума и немало способствовало тому, чтобы парламент вотировал закон о сокращении числа рабочих часов для детей, работающих в каменноугольных копях и на фабриках [17]. Поэтесса проникается идеями аболиционизма и в 1845 г. пишет стихотворение «Проклятие нации» («A Curse for a Nation»), которое впоследствии было отправлено ею в Америку с целью продвижения аболиционистских идей [18]. В рассматриваемый период Элизабет Барретт Браунинг публикует также поэму «Окна дома Гауди» («Casa Cuidi Windows»), посвящённую итальянскому восстанию 1848 г. и его неудачному исходу, а также сборник «Стихи перед Конгрессом» («Before Congress»), вдохновлённый восстанием 1859 г. Поэтесса последние годы жизни провела в Италии и, горячо полюбив эту страну,

внимательно следила за политическими событиями, откликаясь на них в последних произведениях как сторонний, но сочувствующий восставшим наблюдатель.

Поэтический материал выделенных произведений Элизабет Барретт Браунинг позволяет сделать вывод о четырёх ведущих группах мотивов ее творчества. Первая группа мотивов включает античную тематику, связанную с греческой историей и мифологией. Вторая группа мотивов связана с вектором духовных, религиозно-философских исканий Элизабет Барретт Браунинг. Она посвящала теме Божественного как объёмные произведения, например «Драма изгнания», «Серафим», так и небольшие стихотворения, такие как «Серафим и поэт» («The Seraph and Poet»), «Небо и земля» («Heaven and Earth»), «Гимн» («Hymn») и др. Социальная тематика составляет третью группу мотивов и соответствует идеям автора об ответственности поэта за происшедшее в мире. И наконец, четвёртая группа мотивов связана с усилением автобиографизма в поэзии автора. Заметим, что уровень открытости и доступности для читателя, определяемый «степенью автобиографизма» в произведении, оставался актуальным вопросом для поэтессы на протяжении всего периода её творчества. Поэтесса таким образом делала попытки приблизиться к публике. Например, главную лирическую героиню поэмы «Аврора Ли» Элизабет Барретт Браунинг наделила такой же твёрдостью взглядов и сильным характером, которые отмечали в ней современники. Кроме того, Аврора Ли, так же как и автор, считала служение в мире искусства главной целью в жизни. Образ этой вымышленной лирической героини явился поэтическим воплощением черт личности самого автора. По замечанию критиков, «Аврора Ли» – это подлинная автобиография, правдивое отражение внутренней, истинной жизни незаурядной женщины, и никто не сможет найти столь правильный портрет миссис Браунинг ни в какой книге, кроме этой» (It is a veritable “autobiography”; a true record of the inner life – that truest life – of a great and good woman, and no one can expect to find so correct a portraiture of Mrs. Browning in any book as they will in this poem) [19]. В то же время сама поэтесса пишет, что «могла бы написать автобиографию, но не сейчас, не для безразличной публики» (I could write an autobiography, but not now, and not for an indifferent public) [20]. Кажется, что она просто боялась раскрыться в полной мере перед читателем, скрываясь за столь тяжёлым по насыщенности мысли творчеством. Например, «Серафим» – поэма из нескольких частей о сверхъестественном ангельском существе – «не произвела на читателей впечатления, которого ожидала мисс Барретт» (the leading poem of her book failed to make the impression on her readers Miss Barrett desired); так как публика предпочитала отвлеченным сочинениям духовного характера произведения, которые мисс Митфорд описывала как «стихи о человеческих чувствах и человеческой жизни» (poems of human feeling and human action) [21].

Как было указано выше, «Португальские сонеты» стали произведением, гармонично объединившим основные тенденции творчества Элизабет Барретт Браунинг. Написанный в период с 1845 по 1846 г. цикл сонетов был впервые опубликован в 1850 г. [22] Цикл представляет собой поэтическую трансформацию душевных переживаний поэтессы, а также отражает ряд некоторых реальных автобиографических событий: с момента знакомства с будущим мужем Робертом Браунингом до момента их свадьбы. Обстоятельства этого романа были поистине уникальны: познакомившись заочно, влюблённые в основном лишь обменивались письмами и редко встречались, так как поэтесса не выходила из дома, а её деспотичный отец не одобрял никаких знакомств дочери. Сорокалетняя Элизабет Барретт Браунинг, на шесть лет старше возлюбленного, не верила в счастливое разрешение первого и единственного в её жизни романа, поэтому скрывала свои чувства от тирана-отца, от домашних и от самого Роберта. Таким образом, «Португальские сонеты» стали своеобразным дневником, художественно отразившим внутреннее состояние поэтессы, впервые охваченной чувством любви. По замечанию Г. Адамовича, «это человеческий документ» [23]. В книге «Авторология» И. П. Карпов даёт следующее определение автобиографизма: «Это трансформация автором “жизненного материала” в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека» [24].

«Португальские сонеты» Элизабет Барретт Браунинг стали в высшей степени автобиографическим произведением, обнажающим не только событийную сторону личной жизни (поцелуй, посещение возлюбленным её комнаты, обмен письмами, подарок пряди волос на память), но и внутреннюю, «эмоциональную» сферу, а именно эволюцию чувств. В начальных сонетах лирическая героиня сомневается в возлюбленном и отговаривает того от его намерений: «Ничем не схожи мы, ни даром, ни судьбой» (Unlike are we, unlike, O princely Heart!) [25]. В заключительных сонетах она принимает счастье любви, не сопротивляясь: «Как я люблю тебя? Всё глубже, шире, выше» (How do I love thee? Let me count the ways/ I love thee to the depth and breadth and height) [26]. Однако, отражая автобиографические события и настроения, поэтесса вместе с тем прибегает к закономерной для неё попытке «замаскировать» слишком откровенное произведение. Скрывая столь личное произведение, поэтесса окружила его тайной, и Роберт Браунинг узнал об

этом цикле уже в Италии, после того, как влюблённые сочетались браком. Перед читателями же цикл предстал как «перевод с португальского языка», хотя, конечно же, «это не были переводы, но последняя тонкая вуаль, которой Элизабет Барретт едва скрыла страсть, которой была очень горда» (They are not translations, but the last thin veil with which Elizabeth Barrett faintly concealed the passion she was so proud of) [27].

Кроме того, цикл насыщен характерными для творчества поэтессы мотивами духовного и мистического. Подобная тенденция закономерна для мировосприятия автора; любовная история происходит не только на земле, но и в «высших сферах». Сонеты изобилуют словами с коннотацией сверхъестественного: ангелы «angels», дух «spirit», Бог «God», небеса «Heaven», мистический «mystic», крещение «baptism», храм «temple». Кроме того, высшие силы не только присутствуют, но принимают активное участие в отношениях влюблённых: налагают проклятие («laid the curse»), удивляются («look surprise»), крестят («God gave for baptism»), принимают любящих («God accepts while loving so») и разговаривают с ними («While I call God»).

Политическая тематика, в обычном своём понимании, не нашла выражения в цикле. Однако социальные мотивы (а именно – тема социального неравенства) обнаруживают себя на протяжении всех сонетов в основных метафорических образах: бедного менестреля и богатого певца. Лирическая героиня представляется «бедным, усталым, блуждающим менестрелем» («a poor, tired, wandering singer»), у которой или нет пристанища, или «жилище мрачное с летучими мышами под ветхой крышей» («…this house, too poor/ The bats and owlets builders in the roof!) [28]. Возлюбленный же «смотрит вниз с высокой башни» («with looking from the lattice-lights at me») или «блещет в замках между пар» («thou hast thy calling to some palace floor) [29]. Эпитеты и образы, относящиеся к лирическому герою, несут коннотацию богатства: пышное зрелище («pageantry»), золотой («golden»), пурпур («purple»), огромный рубин («a ruby large»), золотой трон («a golden throne»), жемчуга («pearls»). Создавая контраст с ярким образом лирического героя, эпитеты, относящиеся к героине, имеют коннотацию бедности и серости: пыль («dust»), зола («ashes»), бедный («poor»), утомлённый («weary»), горе («sorrow»). Таким образом, ассоциация социального неравенства между героями цикла усиливает идею неравенства между ними в целом, что оправдывает мысль лирической героини (особенно в начале цикла) о невозможности любовной связи.

Наконец, Элизабет Барретт Браунинг, продолжая обращаться к античным мотивам, усиливает образный ряд «Португальских сонетов» с помощью аллюзий на некоторые события из древнегреческой мифологии или литературы. Первый сонет цикла тут же «раздвигает» границы произведения, вплетая его в контекст древнегреческой поэзии. Ранее Элизабет Барретт Браунинг занималась переводами с древнегреческого, например переводами произведений Феокрита (Теокрита), который был создателем буколической, или пастушьей, поэзии (в основном, прославившийся своими идиллиями, изображавшими сценки из безмятежной жизни на лоне природы) [30]. Обращение именно к этому древнегреческому поэту в самом начале цикла создаёт атмосферу размеренной, привычной жизни, к которой привыкла героиня: «В мечтанья погружённая однажды / Я вспомнила о том, как Теокрит / В стихах проникновенных говорит / О сладостных годах, из коих каждый / Несёт дары для смертных» (I thought once how Theocritus had sung / Of sweet years, the dear and wished-for years, / Who each one in a gracious hand appears / To bear a gift for mortals) [31]. Данная аллюзия используется для градации последующего момента появления любви в жизни лирической героини, внезапно нарушившей ритм жизни и совершенно переменившей её: «…вдруг чувствую – похолодела кровь» (…Straightway I was' ware) [32]. В пятом сонете лирическая героиня сопротивляется любви из-за сомнений и неуверенности, но всё же допускает и надеется, что чувство окрепнет. Символически эта внутренняя борьба передана образом «урны Электры»: «Я сердце тяжкое подъемлю к небесам / Торжественно, как встарь Электра пепел урны / Вздымала» (I lift my heavy heart up solemnl, / As once Electra her sepulchral urn) [33]. В трагедии Софокла «Электра» урна, якобы с прахом любимого ею брата, Ореста, повергла её в отчаяние, так как означала ещё и крушение надежд. Однако впоследствии оказалось, что брат жив [34]. Таким образом, «урна с пеплом» символизирует горе от безысходности и разочарования в своих ожиданиях; однако это горе напрасно, так же как и горе лирической героини – от временно-кажущейся невозможности любви. Например, в девятнадцатом сонете в качестве сравнения для описания локона, подаренного возлюбленному, она использует образ муз, чьи волосы также темнели в представлении древнегреческого поэта Пиндара (из-за неточности распространённого русского перевода, приводим буквальный перевод): «Такие же чёрные, как некогда в глазах Пиндара, / Тусклые пурпурные локоны темнели поперёк / Светлых бровей девяти муз» (As purply black, as erst to Pindar's eyes / The dim purpureal tresses gloomed athwart / The nine white Muse-brows) [35].

Таким образом, в контексте творчества Элизабет Барретт Браунинг цикл «Португальские сонеты» стал особым произведением, поэтическим центром, средоточием, в котором гармонично «сплелись» все основные мотивы её творчества. Кроме того, для самой поэтессы данный цикл явился самым искренним произведением, едва ли не единственным из всего творчества, посвящённым преимущественно любовной тематике. Подобная насыщенность удачно дополняющих друг друга духовных, античных, социальных и автобиографических мотивов обусловила возможность многоуровневого восприятия и прочтения цикла, что обеспечило «Португальским сонетам» значительное место в истории творческого пути Элизабет Барретт Браунинг и всей английской сонетной традиции.

Примечания

1. *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 17.
2. *Ingram John J.* Elizabeth Barrett Browning. London: W. H. Allen & Co., 1889. P. 11.
3. Ibid. P. 31.
4. Ibid. P. 101.
5. Ibid. P. 94.
6. Ibid. P. 101.
7. Ibid. P. 5.
8. Ibid. P. 34–35.
9. *Browning, Elizabeth Barrett.* Complete Works of Elizabeth Barrett Browning. Kindle Edition, Delphi Poets Series. 2013. P. 60.
10. Ibid. P. 163.
11. *Ingram John J*. Op. cit. P. 96.
12. *Ионова Е. Л., Жаткин Д. Н.* Поэма Элизабет Баррет Браунинг «Lady Geraldine's Courtship» в пер. М. С. Трубецкой // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 109.
13. *Ingram John J.* Op. cit. P. 100.
14. Ibid. P. 154.
15. Ibid. P. 55–56.
16. Ibid. P. 57.
17. *Гербель Н. В.* Елизавета Броунинг // Английские поэты в биографиях и образцах. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1875. С. 443–444.
18. *Ingram John J.* Op. cit. P. 107.
19. Ibid. P. 165.
20. Ibid. P. 71.
21. Ibid. P. 30–31.
22. *Browning, Elizabeth Barrett*. Op. cit. P. 767.
23. *Браунинг, Элизабет Барретт*. Португальские сонеты: пер.: Михаил Цетлин и Игорь Астров; предисл. Георгия Адамовича. Нью-Йорк, 1956. С. 3.
24. *Карпов И. П.* Авторология (рабочий словарь): Литературоведение, лингвистика, философия, логика, психология. URL : http://slovar.lib.ru/dictionary/avtobiografizm.htm (дата обращения: 10.05.2016)
25. *Браунинг, Элизабет Барретт*. Португальские сонеты. С. 12–13.
26. Там же. С. 92–93.
27. *Ingram John J*. Op. cit. P. 119.
28. *Браунинг, Элизабет Барретт*. Португальские сонеты. С. 14–15.
29. Там же.
30. *Гиленсон Б. А.* История античной литературы. Кн. 1. Древняя Греция. «Электра». URL: http://oldevrasia.ru/library/Boris-Aleksandrovich-Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-1--Drevnyaya-Gretsiya /62 (дата обращения: 03.05.2016)
31. *Браунинг, Элизабет Барретт*. Португальские сонеты. С. 8–9.
32. Там же.
33. Там же. С. 16–17.
34. *Чистякова Н. А.* История античной литературы. М.: Высш. шк., 1971. С. 214–215. URL.: http://www.sno.pro1.ru/lib/chistyakova/38.htm (дата обращения: 09.05.2016)
35. *Browning Elizabeth Barrett*. Complete Works of Elizabeth Barrett Browning. P. 790.

Notes

1. Piksanov N. K. *Tvorcheskaya istoriya «Gorya ot uma»* [Creative history of "Woe from wit"]. M. 1971. S. 17.
2. *Ingram John J.* Elizabeth Barrett Browning. London: W. H. Allen & Co., 1889. P. 11.
3. Ibid. P. 31.
4. Ibid. P. 101.
5. Ibid. P. 94.
6. Ibid. P. 101.
7. Ibid. P. 5.
8. Ibid. Pp. 34-35.
9. *Browning, Elizabeth Barrett.* Complete Works of Elizabeth Barrett Browning. Kindle Edition, Delphi Poets Series. 2013. P. 60.
10. Ibid. P. 163.
11. *Ingram John J*. Op. cit. P. 96.
12. Ionova E. L., Zhatkin D. N. *Poehma EHlizabet Barret Brauning «Lady Geraldine's Courtship» v per. M. S. Trubeckoj* [Poem by Elizabeth Barrett Browning "Lady Geraldine's Courtship" transl. by M. S. Trubetzkoy // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Buryat State University. 2012, No. 10, p. 109.
13. *Ingram John J.* Op. cit. P. 100.
14. Ibid. P. 154.
15. Ibid. Pp. 55–56.
16. Ibid. P. 57.
17. Gerbel N. V. *Elizaveta Brouning* [Elizabeth Browning] // *Anglijskie poehty v biografiyah i obrazcah* – English poets in biographies and samples. SPb. Typ. of A. M. Kotominin. 1875. Pp. 443–444.
18. *Ingram John J.* Op. cit. P. 107.
19. Ibid. P. 165.
20. Ibid. P. 71.
21. Ibid. Pp. 30–31.
22. *Browning, Elizabeth Barrett*. Op. cit. P. 767.
23. Browning, Elizabeth Barrett. *Portugal'skie sonety* [Portuguese sonnets]: translated: Tsetlin Mikhail and Igor Astrov; foreword by Georgy Adamovich. New York. 1956. P.3.
24. Karpov I. P. *Avtorologiya (rabochij slovar'): Literaturovedenie, lingvistika, filosofiya, logika, psihologiya* [Authorology (working dictionary): Literary studies, linguistics, philosophy, logic, psychology]. Available at: http://slovar.lib.ru/dictionary/avtobiografizm.htm (reference date: 10.05.2016)
25. Browning, Elizabeth Barrett. *Portugal'skie sonety* [Portuguese sonnets]. Pp. 12–13.
26. Ibid. Pp. 92–93.
27. *Ingram John J*. Op. cit. P. 119.
28. Browning, Elizabeth Barrett. *Portugal'skie sonety* [Portuguese sonnets]. Pp. 14–15.
29. Ibid.
30. Gillenson B. A. *storiya antichnoj literatury. Kn. 1. Drevnyaya Greciya. «Ehlektra»* [History of ancient literature. Book 1. Ancient Greece. "Elektra"]. Available at: http://oldevrasia.ru/library/Boris-Aleksandrovich- Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-1--Drevnyaya-Gretsiya/62 (accessed date: 03.05.2016)
31. Browning, Elizabeth Barrett. *Portugal'skie sonety* [Portuguese sonnets]. Pp. 8–9.
32. Ibid.
33. Ibid. Pp. 16–17.
34. Chistyakova N. A. *Istoriya antichnoj literatury* [History of ancient literature]. M. Vyssh. shk. 1971. Pp. 214-215. Available at: http://www.sno.pro1.ru/lib/chistyakova/38.htm (reference date: 09.05.2016)
35. Browning, Elizabeth Barrett. *Complete Works of Elizabeth Barrett Browning* [The complete works of Elizabeth Barrett Browning]. P. 790.

УДК 654.197(4/9)

Э. С. Никольская

Телевизионные журналы новостей и вечерние новости: сходства и различия

В статье представлены результаты контент-анализа трех телевизионных журналов новостей: «The Fifth Estate» (Канада), «60 minutes» (США), «60 minutes» (Австралия) – и трех программ вечерних выпусков новостей: «The National» (Канада), «Evening news with Scott Pelley» (США), «Nine News» (Австралия). Автор рассматривает три подхода к изучению жанра ТВ-журналов новостей, сравнивает выпуски вечерних новостей и журналов новостей по тематике, анализирует сегмент международных новостей и новостей о жизни

© Никольская Э. С., 2016

внутри страны, сопоставляет тематические категории, что позволяет найти сходства и различия контента. Работа позволяет понять жанровые особенности журналов новостей в контексте новостного контента на телевидении. Кроме того, исследование определяет место формата телевизионных журналов новостей в рамках новостного контента.

The article presents the results of a content analysis of three television news magazines: «The Fifth Estate» (Canada), «60 minutes» (USA), «60 minutes» (Australia) – and three evening bulletins: «The National» (Canada), «Evening news with Scott Pelley» (USA), «Nine News» (Australia). The author reviews three approaches to studying of televisions news magazines, compares the selection of topics for evening news to such of news magazines, analyses the coverage of world news and domestic news and puts together the subject categories thus determining the similarities and differences in content. The study allows us to understand genre characteristics of news magazines in the context of news content on television and identifies the role of news magazines in terms of all television news content.

Ключевые слова: телевизионные журналы новостей, вечерние выпуски новостей, контент-анализ, «The Fifth Estate», «60 minutes», «The National», «Evening news with Scott Pelley», «Nine News».

Keywords: TV news magazines, evening newscasts, content analysis, «The Fifth Estate», «60 minutes», «The National», «Evening news with Scott Pelley», «Nine News».

Журналы новостей от «стандартных» новостных выпусков отличает то, что они содержат объяснение и анализ текущих событий и проблем, включая оценку с политической и государственной точек зрения, кроме того, такие передачи предполагают журналистику расследований [1]. Эти жанровые особенности определяют и форматную специфику этих программ. Во-первых, это периодичность – ТВ-журналы выходят не ежедневно (несколько или один раз в неделю), во-вторых, хронометраж сюжетов – репортажи в таких программах длиннее (от 10 минут), нежели в обычных новостных выпусках, в-третьих, роль автора – в журналах ведущий и репортер соединены в одном лице. В силу этих жанровых и форматных особенностей журналы новостей занимают отдельную нишу в новостном контенте на телевидении.

Анализ журналов новостей в контексте новостного контента является актуальной темой исследования, так как до сих пор нет однозначного ответа – почему в некоторых странах данный формат получил широкое распространение, а где-то он вообще не представлен в сетке ТВ-вещания. Так, в США журналы новостей, несмотря на падение рейтингов, до сих пор остаются весьма востребованным форматом, ту же картину можно наблюдать и в Австралии. Тем не менее в других странах, например в европейских, этот формат используется не повсеместно и является непопулярным, что редко случается с успешными передачами.

Из-за этих различий в распространении формата на телевидении исследователи, которые обращаются к изучению журналов новостей, не могут прийти к единой трактовке подобных программ. Если форматные особенности являются очевидными, то жанровая специфика, которую исследователи определяют как основной фактор, влияющий на распространение этих передач, долгое время вызывает споры среди научного сообщества.

Среди подходов к изучению жанра журналов новостей можно выделить три основных направления. Первый подход подразумевает, что изначально журналы новостей появились в процессе трансформации стандартных новостных выпусков [2]. Согласно второй трактовке, журналы новостей относятся к жанру документальных программ [3]. И наконец, третья группа исследователей, принимая за основу то, что изначально журналы новостей были аналитическими программами, считает, что сейчас они медленно приобретают черты развлекательной журналистики и медленно уходят в информационно-развлекательный формат [4].

Таким образом, получается, что на данный момент в науке не существует четкого определения жанра журнала новостей, исследователи до сих пор спорят по поводу его природы, а также специфических особенностей. И если стандартные новостные выпуски не вызывают у исследователей вопросов касаемо жанра и формата (для анализа зачастую берется контент новостных передач), то журналы новостей, в силу специфических черт и особенностей развития в разных странах, являются более интересным объектом изучения.

В рамках данной работы мы будем исходить из предположения о том, что журналы новостей и стандартные новостные выпуски относятся к одному сегменту (согласно основной концепции подхода к изучению ТВ-журналов). На основании этого мы попытаемся сравнить контент «классических» новостных программ и журналов новостей и выяснить, являются ли ТВ-журналы «избыточным» сегментом новостей.

В качестве объекта изучения мы выбрали журналы новостей в трех странах (США, Канада, Австралия), которые принадлежат англосаксонской (либеральной) модели, если использовать классификацию Д. Халлина и П. Манчини. К данной модели они относят Великобританию, Канаду, США и Ирландию [5]. Австралию авторы не рассматривают в своем исследовании, однако на основании признаков, характеризующих страны англосаксонской модели (высокий охват прессы и развитие рынка СМИ в целом, развитый профессионализм журналистского сообщества, небольшое вмешательство государства в информационную систему и низкая (за исключением Великобритании) степень влияния политики на СМИ), мы предполагаем, что ее можно отнести к данной группе стран.

Эмпирическую базу нашего исследования составили:

– 37 выпусков программы «The Fifth Estate» (Канада), всего 37 сюжетов, хронологические рамки: 2012, 2013 гг.

– 93 выпуска программы «60 minutes» (США), всего 218 сюжетов, хронологические рамки: 2011, 2012 гг.

– 70 выпусков программы «60 minutes» (Австралия), всего 182 сюжета, хронологические рамки: 2011, 2012 гг.

– 33 выпуска вечерних новостей «The National» (Канада), всего 131 сюжет, хронологические рамки: март – июль 2015 г.

– 25 выпусков вечерних новостей «Evening news with Scott Pelley» (США), всего 231 сюжет, хронологические рамки: июль – декабрь 2014 г.

– 27 выпусков вечерних новостей «Nine News» (Австралия), всего 179 сюжетов, хронологические рамки: июль – декабрь 2014 г.

Выборку по журналам новостей в трех странах составили все выпуски программ за указанный период. Выборку по вечерним новостям в Канаде составили все выпуски по средам и субботам за указанный период, в США и Австралии – все воскресные эфиры, соответственно. Различие в выборке вечерних новостей в Канаде объясняется тем, что воскресные эфиры там отсутствуют, поэтому мы взяли субботние выпуски, как наиболее приближенные к исходным данным. Эфиры по средам были выбраны нами для увеличения эмпирической базы, так как количество сюжетов в выпусках новостей «The National» на порядок меньше, чем в новостях США и Австралии из-за увеличенного хронометража репортажей.

The Fifth Estate (Канада) выходит на общественном телеканале CBC, который контролируется государством. 60 minutes (США) выходит в эфир на коммерческом телеканале CBS. В качестве третьего примера мы выбрали 60 minutes (Австралия), так как нам показалось любопытным посмотреть, как трансформируется жанр в условиях другой страны, региона и национальных особенностей, если учесть, что программа была выкуплена на основании франшизы. Вместе с этим для исследования мы взяли вечерние выпуски новостей на тех же телеканалах: The National (Канада), Evening News with Scott Pelley (США) и Nine News (Австралия).

В данной статье мы предприняли попытку сравнить новостные выпуски и журналы новостей, в первую очередь, анализируя контент программ: выделить тематику сюжетов согласно классификации, сравнить выпуски вечерних новостей и ТВ-журналов, сопоставить репортажи о жизни внутри страны и международную повестку дня.

Новости о жизни внутри страны и международная повестка

Для начала нам кажется важным проанализировать контент новостных программ и журналов новостей. Репортажи о жизни внутри страны и международная повестка дня – две категории, которые кардинально отличаются друг от друга. Поэтому целесообразно будет разделить сюжеты на две группы и сравнивать их отдельно. Кроме того, подобное разделение обеспечивает нам удобство в дальнейшей работе, так как позволяет провести более точный анализ тематики передач.

Соотношение между новостями о жизни внутри страны и международной повесткой дня представлено в диаграмме (рис. 1).

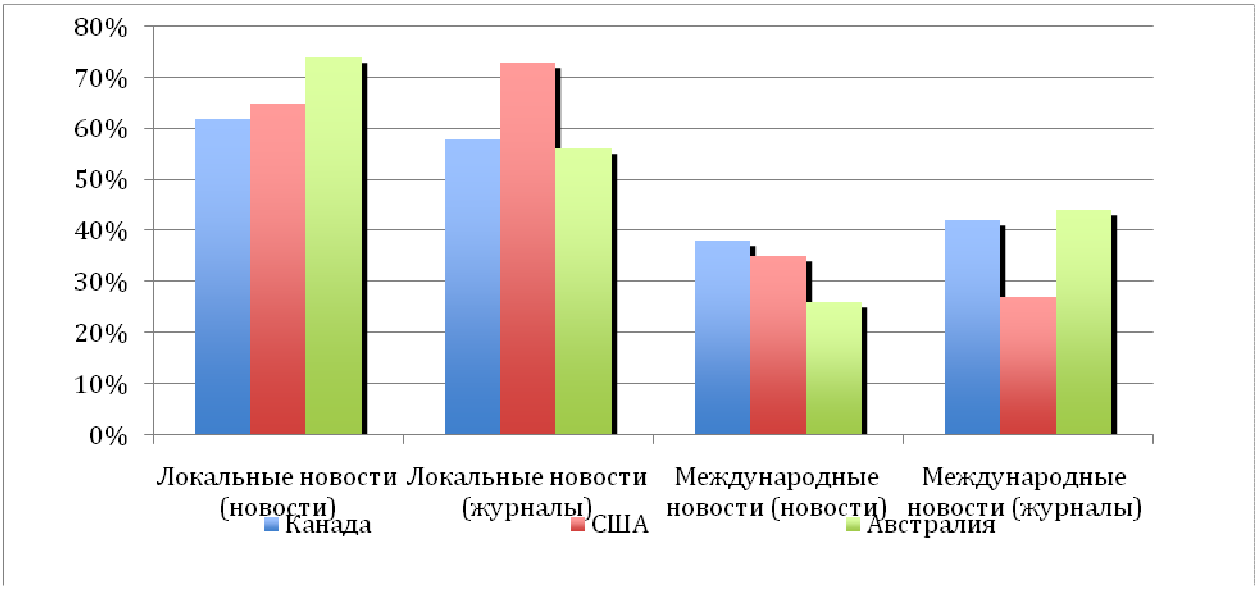

Рис. 1. Новости о жизни внутри страны – международная повестка. Вечерние новости – журналы новостей

Видно, что количество новостей о жизни внутри страны превосходит число международных сообщений в каждой из трех стран как в новостях, так и в журналах новостей. К схожим данным уже приходил ряд исследователей. К примеру, американский исследователь Дж. Гамильтон предположил, что низкая степень освещения в сфере международной повестки происходит из-за отсутствия интереса среди аудитории: в последние годы наблюдается рост популярности локальных новостей – граждане гораздо больше заинтересованы в новостях о происходящем в своей стране [6]. Кроме того, журналист Д. Шо говорит, что с момента окончания холодной войны руководители американских телевизионных сетей, например, сократили количество эфирного времени, ранее отводимого на освещение международной повестки дня, на 70% [7]. П. Норрис в своем исследовании приводит данные, по которым незначительный рост количества международных новостей наблюдался в 1990 и 1991 гг. (на основании эфиров CBS и ABC), после чего последовало «драматическое» падение международной повестки – с 41% новостных сюжетов до 24% в 1993 г. [8]

Сравнивая между собой новостные выпуски и журналы новостей по количеству эфирного времени, которое отводится событиям о жизни внутри страны и международной повестке дня в трех странах, видно, что соотношение схожее:

1) локальные новости (вечерние новости / журналы новостей): 62% – 58% (Канада), 65% – 73% (США), 74% – 56% (Австралия);

2) международная повестка (вечерние новости / журналы новостей): 38% – 42% (Канада), 35% – 27% (США), 26% – 44% (Австралия).

Тематика вечерних выпусков новостей и журналов новостей

Проанализировав соотношение новостей о жизни внутри страны и международной повестки дня, переходим к непосредственному анализу контента передач. Для исследования тематики выбранных программ мы разработали следующий кодификатор:

1) Политика (под «политикой» мы понимаем сюжеты, касающиеся работы государственных органов, рассказывающих о внутригосударственных и внешних отношениях);

2) Экономика (под «экономикой» мы понимаем сюжеты о производственных отношениях в глобальном и локальном масштабах, рассказывающих о каких-либо отраслях хозяйственной деятельности);

3) Бизнес (под «бизнесом» мы понимаем сюжеты о частной предпринимательской деятельности граждан или компаний);

4) Военная тематика (под «военной тематикой» мы понимаем сюжеты, которые описывают военные действия);

5) Катастрофы (под «катастрофами» мы понимаем сюжеты, рассказывающие о происшествиях природного или техногенного характера глобального масштаба);

6) Происшествия (под «происшествиями» мы понимаем сюжеты про обстоятельства, нарушившие обычный ход вещей, часто имеющие криминальный подтекст);

7) Социальная сфера (под «социальной сферой» мы понимаем сюжеты о проблемах, с которыми сталкиваются группы граждан или отдельные граждане при взаимодействии с государственными, общественными, частными институтами, от которых зависит удовлетворение их основных потребностей);

8) Медицина (под «медициной» мы понимаем сюжеты, касающиеся болезней граждан, их лечения или предупреждения);

9) Наука (под «наукой» мы понимаем сюжеты, рассказывающие о достижениях современных исследователей);

10) Спорт (под «спортом» мы понимаем сюжеты, рассказывающие о жизни и работе спортсменов, новостях спортивной индустрии);

11) Погода (под «погодой» мы понимаем сюжеты, рассказывающие об метеорологических и атмосферных изменениях);

12) Остальное (в данную рубрику входят сюжеты общего интереса, как правило, развлекательного характера, например интересные факты из жизни общества, а также истории про знаменитостей).

Для начала обратимся к новостям о жизни внутри страны. Для сравнения по тематике мы выбрали несколько ключевых категорий: «политика», «экономика», «социальная сфера», «происшествия», «наука» и «остальное». На наш взгляд, выбранные рубрики являются определяющими для новостного контента.

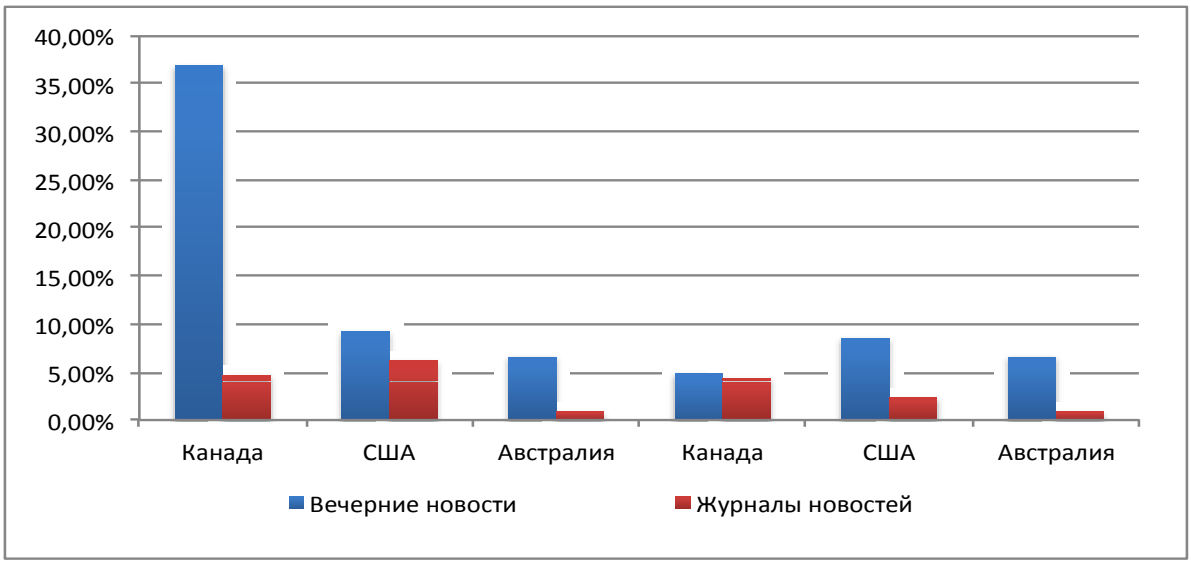

Рис. 2. Новости о жизни внутри страны. Рубрики «политика» и «экономика»

В диаграмме на рис. 2 представлены две категории – «политика» и «экономика», слева и справа, соответственно. Как мы видим, соотношение между количеством сюжетов приблизительно одинаково – сюжетов на данные тематики больше в вечерних новостях, нежели в журналах новостей. Единственное отличие в полученных результатах – это большое число сюжетов в рубрике «политика» в канадской «The National».

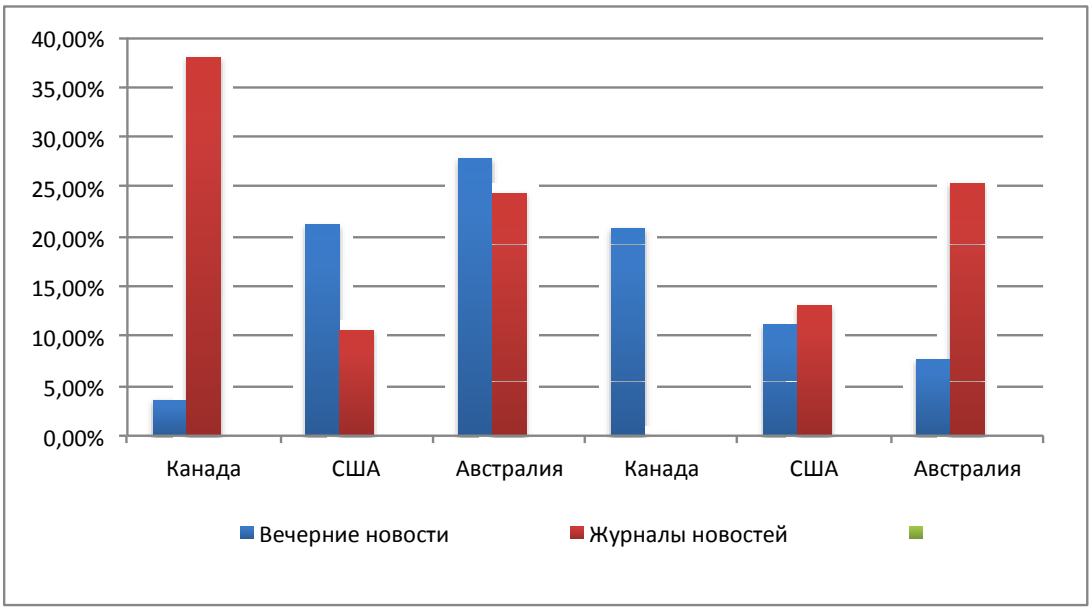

Рис. 3. Новости о жизни внутри страны. Рубрики «происшествия» и «социальная сфера»

Рубрики «происшествия» и «социальная сфера» (рис. 3) представляют иную картину. Если взглянуть на рубрику «происшествия», то видно, что из соотношения выбивается канадский журнал новостей. Количество сюжетов данной тематики составляет более чем 35%. В рубрике «социальная сфера» показательной является Австралия, там количество репортажей на эту тему составляет более 25%. Данные различия объясняются важностью национального фактора в освещении событий внутри страны. Под национальным фактором мы понимаем индивидуальный подход к освещению событий, который происходит из характерных для отдельной страны исторических, географических, политических и культурных предпосылок. Об этом не раз упоминали исследователи разных стран. Например, в статье «Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story" [9] автор анализирует австралийские ТВ-передачи и приходит к выводу, что их тематика напрямую зависит от национального фактора. Имеется в виду повышенное внимание к темам социальной сферы, медицины, происшествий. Для австралийцев очень важными являются региональные новости, касающиеся общественных проблем, – это подтверждает и ведущая программы «Dateline" Я. Вендт [10]. Контент канадской передачи формируется согласно Закону о СМИ Канады, который делает национальный подход к освещению новостей главной особенностью ТВ-вещания [11].

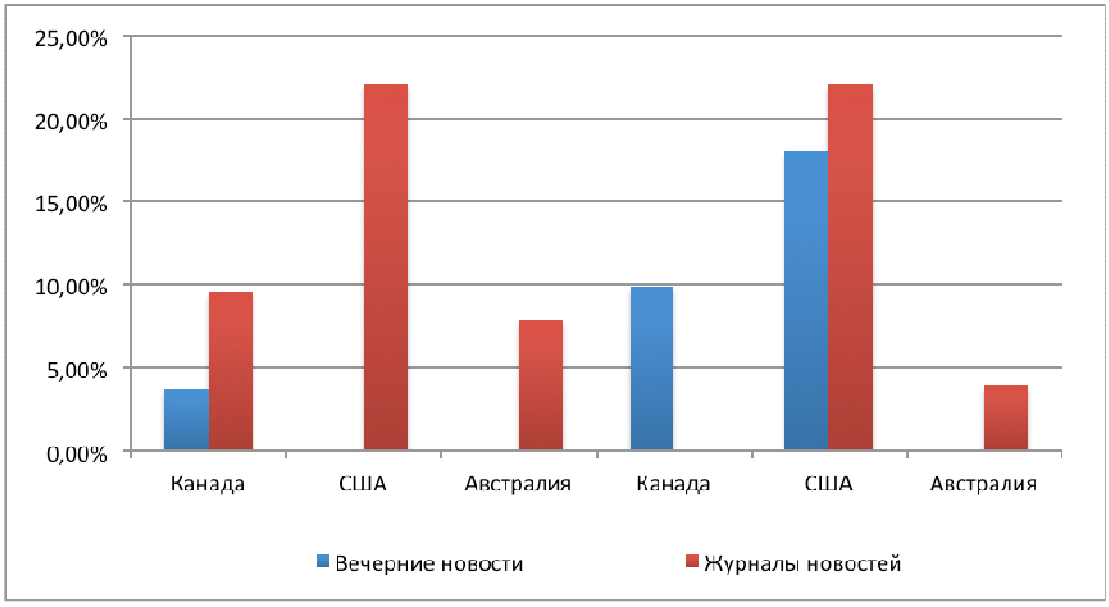

Рис. 4. Новости о жизни внутри страны. Рубрики «наука» и «остальное»

Диаграмма (рис. 4) наглядно показывает соотношение новостей рубрик «наука» и «остальное». Видно, что сюжеты данного сегмента преобладают в журналах новостей. Это является закономерной особенностью, так как ТВ-журналы в силу определенных особенностей жанра и формата носят более развлекательный характер, нежели стандартные выпуски новостей.

Перейдем к сравнению рубрик в сегменте международных новостей.

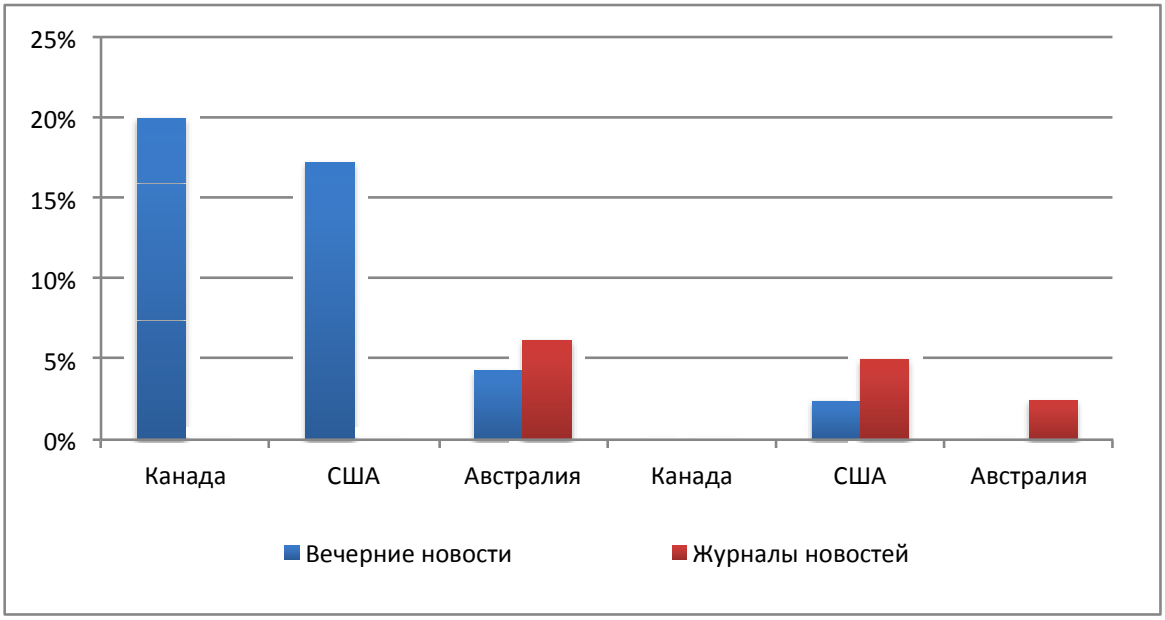

Рис. 5. Новости международной жизни. Рубрики «политика» и «экономика»

Как мы видим из рис. 5, вечерние выпуски новостей и журналы новостей освещают рубрики «политика» и «экономика» совершенно по-разному. Так, в «стандартных» новостных выпусках постоянно присутствуют сюжеты о политике, в то время как этой темы касается лишь журнал новостей в Австралии. Сюжеты на экономическую тему чаще присутствуют в журналах новостей, однако в ничтожном количестве, причем в Канаде репортажи на эту тему вообще отсутствуют.

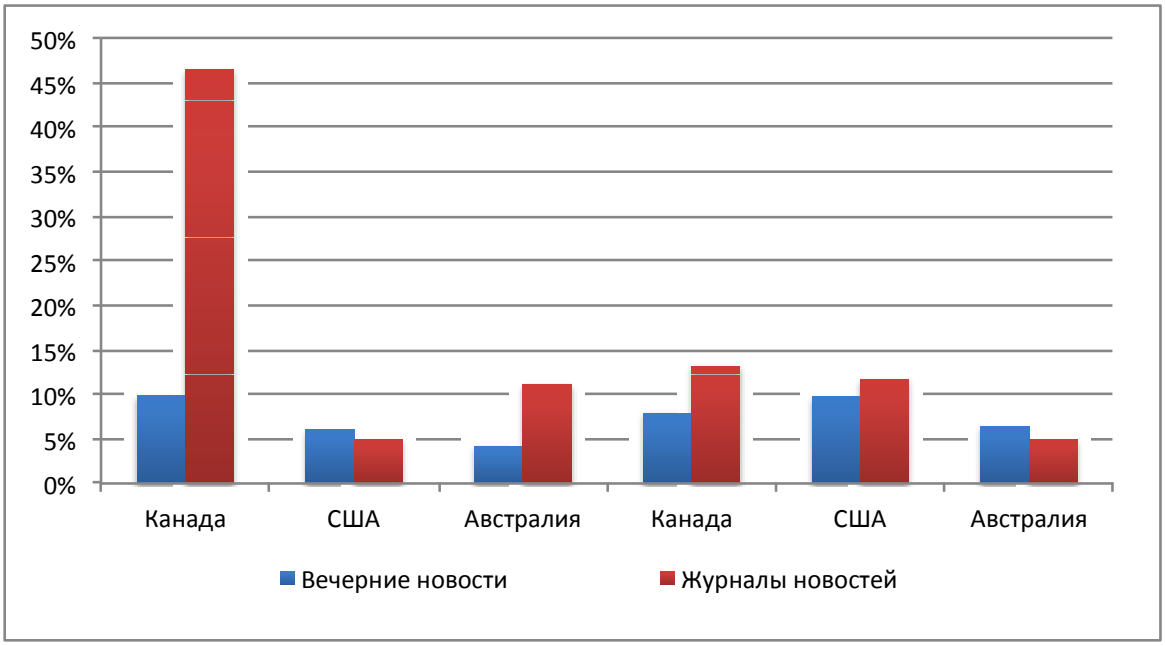

Рис. 6. Новости международной жизни. Рубрики «происшествия» и «социальная жизнь»

В сегментах «происшествий» и «социальной жизни» (рис. 6) при освещении международной повестки дня мы видим, что вечерние новости и ТВ-журналы касаются этих тем в сравнительно одинаковой мере. Единственное, что выбивается из общей картины, – это рубрика «происшествия» в программе «The Fifth Estate». Однако тут важно заметить, что большинство сюже-

тов этой тематики в сегменте международных новостей так или иначе касаются Канады: героем репортажа выступает канадец или события как-то касаются происходящего внутри страны.

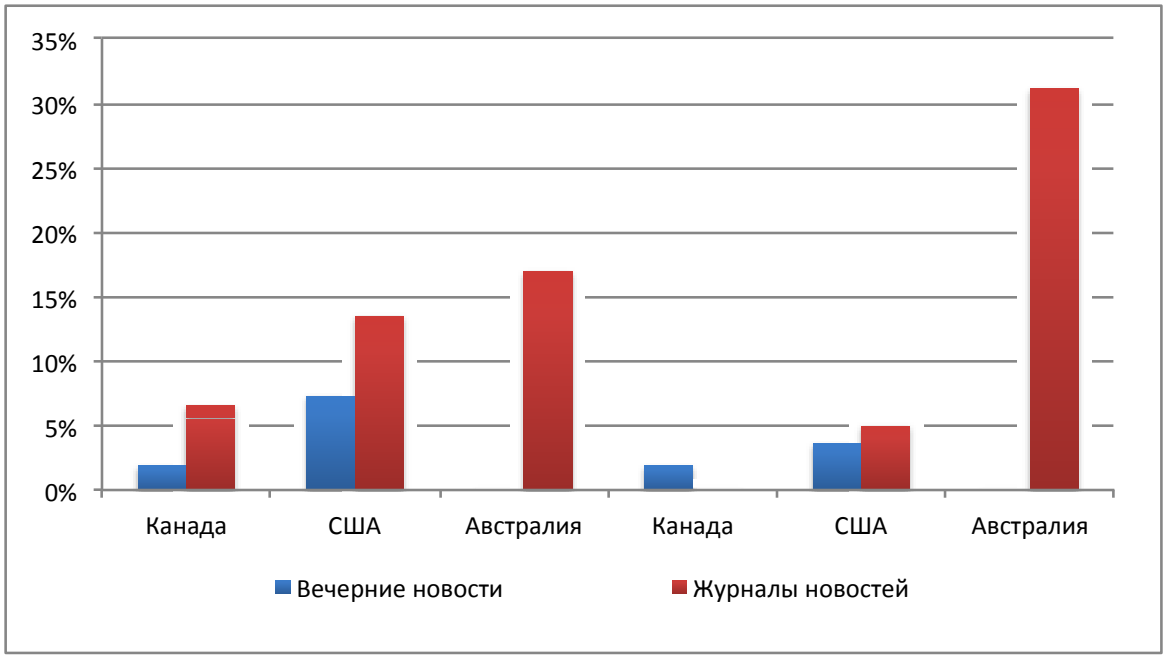

Рис. 7. Новости международной жизни. Рубрики «наука» и «остальное»

Как и при освещении событий внутри страны, в международной повестке дня к рубрикам «наука» и «остальное» (рис. 7) с повышенным вниманием относятся ТВ-журналы, тогда как «стандартные» выпуски новостей освещают эти темы в меньшем объеме. Так, например, в Австралии в вечерних новостях вообще отсутствуют репортажи этой тематики. Единственное отличие – это канадский журнал новостей. Новости общего интереса в международной повестке дня не рассматриваются. Из этого можно сделать вывод, что «The Fifth Estate» имеет, скорее, общественно-политический характер, нежели развлекательный.

Стоит отметить, что при освещении международных новостей в отличие от событий о жизни внутри страны большое внимание уделяется рубрикам «военная тематика» и «катастрофы». Поэтому мы решили затронуть и этот аспект.

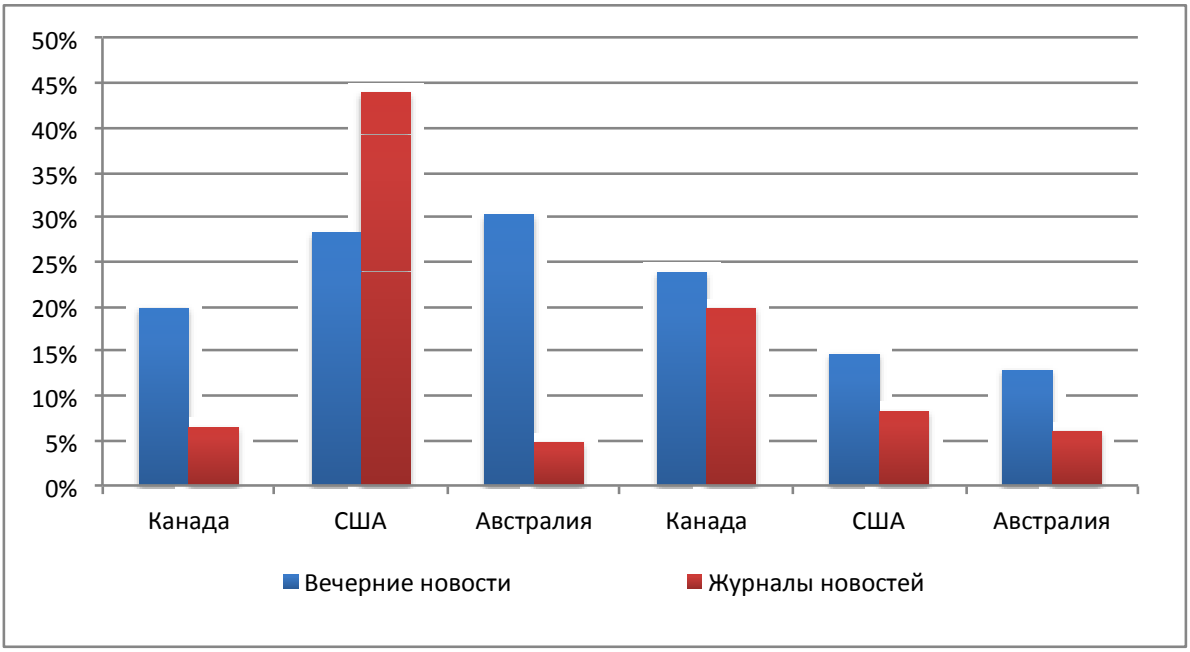

Рис. 8. Новости международной жизни. Рубрики «военная тематика» и «катастрофы»

Диаграмма (рис. 8) показывает, что освещение рубрики «катастрофы» в вечерних новостях и в ТВ-журналах схожее. То же самое мы наблюдаем и в «военной тематике». Отличие прослеживается при освещении военных конфликтов в американском журнале новостей – там этой теме посвящено большое количество репортажей.

Подводя итоги, стоит заметить, что различие между акцентами на ту или иную тематику давно интересует многих исследователей. Авторы С. Сурлин, В. Романов и В. Содерланд проводят анализ контента новостей на нескольких телеканалах Канады и США. Так, например, при сравнении CBS (США) и CBC (Канада) ученые приходят к выводу, что американские журналисты отдают предпочтение новостям политики, терроризма и происшествий [12]. К схожим данным пришли и мы. В то же время, по данным исследователей, канадские журналисты в первую очередь делают упор на новости политики, экономики и происшествий. Вот только следуя нашим вычислениям, видно, что одна из доминирующих рубрик – это военная тематика. Это свидетельствует о том, что канадские вещатели постепенно перешли к американскому стилю освещения событий. Об этом как раз говорят Д. Халлин и П. Манчини, которые отмечают, что процессы глобализации делают мировые медиасистемы все более сходными [13]. А если учесть, что Канада принадлежит к англосаксонской системе, то такая тенденция становится объяснима, так как периферийные страны все более тяготеют к крупным и влиятельным игрокам. Тем не менее при освещении новостей в Канаде и в Австралии важным остается и национальный фактор.

В данной статье мы предприняли попытку сравнить контент вечерних выпусков новостей и журналов новостей в трех странах. Наше изучение исходило из предположения о том, что ТВ-журналы являются «избыточным» новостным контентом. Анализируя тематическую направленность выбранных программ, мы пришли к следующим выводам.

Соотношение сюжетов о жизни внутри страны и международной повестки дня в выпусках новостей и журналах новостей практически одинаково, основные различия выявляются при более детальном анализе.

При освещении новостей о жизни внутри страны выпуски новостей и ТВ-журналы отличаются информационной повесткой дня. Во-первых, на происшествия обращают большее внимание вечерние новости, тогда как события социальной сферы гораздо обширнее раскрываются в журналах новостей. Во-вторых, новости науки и темы, которые мы отнесли к рубрике «остальное», значительно преобладают в ТВ-журналах, что объясняется аналитическим форматом программ, желанием охватить большее количество тем, а также развлекательным характером передач. Единственные рубрики, которые освещаются и в новостях, и в ТВ-журналах в одинаковой мере, – это новости политики и экономики.

При освещении международной повестки дня можно наблюдать иную картину. Во-первых, новости политики и экономики представлены в выбранных программах по-разному. В вечерних новостях практически отсутствуют экономические сюжеты, тогда как в журналах новостей количество репортажей о политике сведено к минимуму. Во-вторых, происшествия и события социальной сферы в сегменте международных новостей освещаются одинаково – и в выпусках новостей, и в журналах мы видим схожее соотношение. В третьих, рассматривая международную повестку дня, можно найти ту же тенденцию в освещении новостей науки и рубрики «остальное», что и в новостях о жизни внутри страны.

Также в качестве дополнительного анализа в сегменте международных репортажей мы сопоставили сюжеты военной тематики и о катастрофах. Тенденции освещения как в вечерних выпусках новостей, так и в ТВ-журналах одинаковы: сюжеты этих рубрик преобладают в новостях.

В начале нашей работы мы выдвинули предположение о том, что журналы новостей являются «избыточным» новостным контентом, исходя из основной трактовки жанра ТВ-журналов (подход подразумевает то, что журналы новостей возникли в процессе трансформации стандартных новостных выпусков). Выдвигая данную гипотезу, мы предполагали, что именно «избыточность» может являться фактором, который влияет на распространение формата в разных странах. Однако анализ исследуемых программ показал, что «стандартные» выпуски новостей и ТВ-журналы в большинстве своем отличаются друг от друга, в первую очередь, по тематике, которая и формирует основные отличительные особенности контента. На основании этого можно сказать, что на распространение журналов новостей, их популярность на телевидении в качестве формата, имеющего специфические черты, влияют другие факторы, нежели так называемая «избыточность» новостного контента. Возможно, определяющими являются национальные особенности, которые прямым образом влияют на специфику телевизионного вещания.

Примечания

1. The provision of Current affairs, Report on: The Current Affairs Audit 2005, Current Affairs Qualitative Viewer Research and Ofcom's Symposium on The Future of Current Affairs, 2006. URL: http://stakeholders. ofcom.org.uk/market-data-research/other/tv-research/currentaffairs/ (дата обращения: 03.01.2016)

2. Subscription Television Broadcasting Code of Practice, ACMA, 2000; *Turner G.* Maintaining the news // Culture and Policy. 1996. Vol. 7, № 3. P. 127–164.

3. *Corner J.* Television Form and Public Address. London: Edward Arnold, 1995. P. 123–124.

4. *Given J.* Commercial networks: Still the ones? // The Australian TV Book, eds. G. Turner and S. Cunningham. – St Leonards: Allen & Unwin, 2000. P. 56–57; *Corner J.* Documentary in a Post-Documentary Culture? A Note on Forms and their Functions. // Changing Media. 2000. Changing Europe programme. European Science Foundation, Working Paper № 1.

5. *Hallin D. C., Mancini P.* Modelli di giornalismo. Mass media e politica nelle democrazie occidentali. Roma: Editori Laterza, 2004.

6. *Hamilton J.* The (Many) Markets for International News // Journalism Studies. 2010. Vol. 11, № 5. P. 650–666.

7. *Shaw D*. Foreign News Shrinks in Era of Globalization // Los Angeles Times. 2001. September 27.

8. *Norris P.* The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post-Cold War World // Political Communication. 1995. Vol. 12, № 4. P. 357–370.

9. *Lester L., Hutchins B.* Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story // Journalism. 2011. Vol. 13, № 5. P. 654–667.

10. *Wendt J.* The Andrew Olle Media Lecture, 1997. 16 November.

11. Broadcasting Act (S.C. 1991, c. 11). URL: http://www.laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/B-9.01/index.html (дата обращения: 02.02.2016)

12. *Surlin S. H., Romanow W. I, Soderlund W. C.* TV network news: A Canadian-American comparison // American Review of Canadian Studies. 1988. Vol. 18, № 4. P. 465–475.

13. *Hallin D. C., Mancini P.* Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 21–22.

Notes

1. The provision of Current affairs, Report on: The Current Affairs Audit 2005, Current Affairs Qualitative Viewer Research and Ofcom's Symposium on The Future of Current Affairs, 2006. Available at: http://stakeholders. ofcom.org.uk/market-data-research/other/tv-research/currentaffairs/ (accessed: 03.01.2016)

2. Subscription Television Broadcasting Code of Practice, ACMA, 2000; *Turner G.* Maintaining the news // Culture and Policy. 1996. Vol. 7, № 3. Pp. 127–164.

3. *Corner J.* Television Form and Public Address. London: Edward Arnold, 1995. Pp. 123–124.

4. *Given J.* Commercial networks: Still the ones? // The Australian TV Book, eds. G. Turner and S. Cunningham. – St Leonards: Allen & Unwin, 2000. Pp. 56–57; *Corner J.* Documentary in a Post-Documentary Culture? A Note on Forms and their Functions. // Changing Media. 2000. Changing Europe programme. European Science Foundation, Working Paper № 1.

5. *Hallin D. C., Mancini P.* Modelli di giornalismo. Mass media e politica nelle democrazie occidentali. Roma: Editori Laterza, 2004.

6. *Hamilton J.* The (Many) Markets for International News // Journalism Studies. 2010. Vol. 11, № 5. Pp. 650–666.

7. *Shaw D*. Foreign News Shrinks in Era of Globalization // Los Angeles Times. 2001. September 27.

8. *Norris P.* The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post-Cold War World // Political Communication. 1995. Vol. 12, № 4. Pp. 357–370.

9. *Lester L., Hutchins B.* Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story // Journalism. 2011. Vol. 13, № 5. Pp. 654–667.

10. *Wendt J.* The Andrew Olle Media Lecture, 1997. 16 November.

11. Broadcasting Act (S.C. 1991, c. 11). Available at: http://www.laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/B-9.01/ index.html (reference date: 02.02.2016)

12. *Surlin S. H., Romanow W. I, Soderlund W. C.* TV network news: A Canadian-American comparison // American Review of Canadian Studies. 1988. Vol. 18, № 4. Pp. 465–475.

13. *Hallin D. C., Mancini P.* Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. New York: Cambridge University Press, 2004. Pp. 21–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОРОНОВА Елена Васильевна – доцент кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: ewworonowa@mail.ru

ЖУВАК Валерия Анатольевна – аспирант, факультет гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: vazhuvak@yandex.ru

ЗАЛАДИНА Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры «Методология, история и философия науки», Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. 603163, г. Нижний Новгород, Казанское шоссе, 12.
E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

ЗОРИН Артём Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: arzor@list.ru.

КОРОТКОВ Николай Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: n_korotkov@mail.ru

КОРЯКИНА Анна Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: kaf_filosofii@vyatsu.ru

ЛОБАНКОВА Инна Петровна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии, социологии и социально-коммуникационных технологий, Уфимский государственный университет экономики и сервиса. 450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145.
E-mail: izar77@mail.ru

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: LypkaTatiana@yndex.ru

НАГАЙЦЕВА Ксения Анатольевна – преподаватель, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5.
E-mail: owner3333@mail.ru

НИКОЛЬСКАЯ Элина Сергеевна – аспирант кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики, МГУ им. М. В. Ломоносова. 119011, г. Москва, ул. Моховая, 9.
E-mail: elina_nik@mail.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

ХРОМОВА Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29.
E-mail: khromovalena@mail.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры отечественной истории и этнологии, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: natiche84@mail.ru

ЧУЧКАЛОВ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: kaf_vipn@vyatsu.ru, chuchkalov_a@mail.ru

ШАЯХМЕТОВА Линара Айратовна – аспирант кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.

E-mail: LinaraShai@mail.ru

ШЕТУЛОВА Елена Дмитриевна – профессор кафедры «Методология, история и философия науки», Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. 603163, г. Нижний Новгород, Казанское шоссе, 12.

E-mail: shetulowa@yandex.ru

ШИЖЕНСКИЙ Роман Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы», Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 303 (б).

E-mail: heit@inbox.ru

ЯШИНА Анна Александровна – аспирант кафедры русской литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет. 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1.

E-mail: fekla1319@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VORONOVA Elena Vasilyevna – Associate Professor of the Department of journalism and integrated communications, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: ewworonowa@mail.ru

JUVAC Valeria Anatolievna – postgraduate student, faculty of Humanities, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: vazhuvak@yandex.ru

ZALADINA Marina Vladimirovna – senior lecturer of the Department "Methodology, history and philosophy of science", Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev. 12 Kazan highway, 603163, Nizhny Novgorod.
E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

ZORIN Artem Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: arzor@list.ru.

KOROTKOV Nikolay Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: n_korotkov@mail.ru

KORYAKINA Anna Pavlovna – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer of the Department of Philosophy, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: kaf_filosofii@vyatsu.ru

LOBANKOVA Inna Petrovna – Candidate of Culturology, Associate Professor on the Department of Philosophy, Sociology and social communication technologies, Ufa State University of Economics and Service. 145 Chernyshevskogo str., 450078, Ufa.
E-mail: izar77@mail.ru

LYPKA Tatyana Ivanovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of theory and history of state and law, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: LypkaTatiana@yndex.ru

NAGAYTSEVA Kseniya Anatolyevna – lecturer, Moscow State Technical University n.a. N. E. Bauman. 5 2-nd Baumanskaya str., 105005, Moscow.
E-mail: owner3333@mail.ru

NIKOLSKAYA Elina Sergeevna – postgraduate student of the Department of theory and Economics of mass media faculty of journalism, Moscow State University n.a. M. V. Lomonosov. 9 Mokhovaya str., 119011, Moscow.
E-mail: elina_nik@mail.ru

ROSINA Marina Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

KHROMOVA Elena Borisovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of foreign languages and public relations, Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomol Ave., 614990, Perm.
E-mail: khromovalena@mail.ru

CHERNYSHEVA Natalia Victorovna – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Department of national history and ethnology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: natiche84@mail.ru.

Informatin about authors

CHUCHKALOV Alexey Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: kaf_vipn@vyatsu.ru, chuchkalov_a@mail.ru

SHAYAKHMETOVA Linara Airatovna – postgraduate student of the Department of Philosophy and social sciences, Perm State Humanitarian-Pedagogical University. 24 Sibirskaya str., 614990, Perm.
E-mail: LinaraShai@mail.ru

SHETULOVA Elena Dmitrievna – Professor of the Department "Methodology, history and philosophy of science", Nizhny Novgorod state technical University n. a. R. E. Alekseev. 12 Kazan highway, 603163, Nizhny Novgorod.
E-mail: shetulowa@yandex.ru

CHIZHENSKY Roman Vitalyevich – Candidate of Historical Sciences, Professor, head of Department of Russian history and auxiliary historical disciplines, head of the research laboratory "New religious movements in modern Russia and Europe", Nizhny Novgorod State Pedagogical University. n.a. Kozma Minin. 1, office 303(б), Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: heit@inbox.ru

YASHINA Anna Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of Russian literature, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University. 1, bld 1, Malaya Pirogovskaya str., 119435, Moscow.
E-mail: fekla1319@yandex.ru

Научный журнал № 8 (2016)

Подписано в печать 31.08.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000. Заказ № 95.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36